

Карина Шаинян

Че Гевара

Книга первая
БОЛИВИЙСКИЙ ДЕДУШКА

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2011

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2011

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш81

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Шайнян К.

Ш81 Че Гевара. Книга первая: Боливийский дедушка / Карина Шайнян
– М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011. – 256 с.

1967 год. Южная Америка. Эрнесто Че Гевара, легендарный Команданте, с крошечным отрядом уходит от преследования вглубь болот. За ним по пятам идут лучшие специалисты ЦРУ по контрпартизанским действиям, «зеленые береты» и боливийская армия. Финал близок. Но, прежде чем умереть, Че обязательно должен встретить человека, у которого находится фигурка Броненосца...

Наше время. Москва. Юлька, обладательница странной фамилии Гумилева-Морено, получает посылку от неожиданно объявившегося боливийского дедушки. Фигурка Броненосца поможет ей справиться с депрессией и даже отомстить бывшему возлюбленному – художнику Сергею... Вот только куда заведет их невинная вроде бы шутка?

Возможно, в самое сердце Боливии – где им предстоит пройти по следу древнего чудовища мегатерия и раскрыть тайну смерти Команданте Че.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш81

© Рыков К., 2011
© Шайнян К., 2011
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011

ISBN 978-5-904454-36-4

ПРОЛОГ

Каракас-Майми, июль, 1952 год

Эрнесто сидит у иллюминатора грузового самолета, на границе между светом и тьмой. Ему всего двадцать четыре, он очень давно не был дома, но надеется вскоре вернуться. Он еще не знает, что родиной ему станет совсем другая страна, что его будут называть бандитом и святым, а портрет начнут печатать на футболках...

Но главное он уже сказал. Эрнесто прикрывает глаза и будто заново вдыхает прохладный сухой воздух Мачу-Пикчу. Он слышит голос старого друга. Тот беззаботно мечтает о том, как женится на знатной индианке древнего рода, объявит себя императором, и как они вместе с Эрнесто наладят жизнь южноамериканских бедняков. «Ты сумасшедший, Миаль, революцию без стрельбы не делают!» – ответил тогда Эрнесто. Он готов повторить это снова. Он слишком многое увидел в этом путешествии, чтобы думать иначе. Эрнесто мечтал лечить; теперь он готов стрелять.

Но дружище Миаль, наверное, в чем-то прав, когда надеется на древнюю силу. Возможно, существует и другой путь, но Эрнесто даже не хочется думать о нем, чтоб не осквернить ясное, чистое пламя революции. Темные слухи, черные слухи ходят среди индейцев, потерявших надежду на добро-ту Мамы Пача, – слухи о древней силе, дремлющей в сердце болот, и о том, кто сможет взять ее в руки. Но этот путь – не для него.

Брюхо грузового самолета разделено на стойла, в нем пахнет сеном, опилками и навозом, и немножко машинным мас-

лом. Теплая, дышащая полутьма, редкие удары копыт, тусклый блеск на вороных конских боках. Жженая сиена. Марс. Сажа. Немножко охры и железной красной.

За иллюминатором дышит жаром тропическое небо. Там плывет в сияющем мареве лимонное, невозможno яркое солнце, бирюза и синь Карибского моря, мохнатая зелень островов. Ультрамарин, лазурь, изумруд. Белила и светлый желтый кадмий – для пляжей, окаймляющих сияющие бухты. Размытые серые круги пропеллеров, киноварные надписи на крыльях.

Лошади вздыхают и фыркают в темноте, дышат теплом, поблескивают выпуклыми умными глазами. Эрнесто гладит бархатный конский нос и снова выглядывает в иллюминатор. Он еще не знает, что ему придется убивать лошадей, чтобы спасти от голода себя и товарищей, но уже решил, что должен принести в сумрак амазонской сельвы – прозрачный воздух андских вершин, во тьму невежества и бедности – справедливость и знание. Эрнесто не пойдет на поводу у суеверий. Он понимает, как делается революция.

«Если надо будет – стреляй, не бойся», – говорит он себе.

Внизу Куба лежит в прозрачной воде, как большая добродушная рыбина.

Москва, сентябрь, 2010 год

Сергей сел в кровати и потер ладонями щеки. В ушах еще гудели винты самолета, везущего лошадей из Каракаса в Майами. Внезапно ровный звук моторов прервался жутким металлическим скрежетом. Сергей вздрогнул и пригнулся в ожидании удара, задев локтем бутылку с водой. Неплотно привернутая крышка отскочила, и остатки минералки выплеснулись на колени, прогоняя остатки сна. Снова раздался металлический грохот. Стряхивая ладонью воду, Сергейглянул в окно.

Внизу, в сереньком рассветном мареве двора, – сажа, белила, умбра и капля синего кобальта – натужно ворочался не-пристойно яркий мусоровоз. Сергей тихо ругнулся, схватил с тумбочки блокнот и зачеркал по бумаге, покрывая белый лист набросками. Сон был удивительно ярким, и он не хотел упустить ни единой линии, ни одной краски. Возможно, это станет лучшей картиной из всех им написанных. Адреналиновая волна, захлестнувшая Сергея, когда сон был нарушен, не спадала – он почти трялся от возбуждения, захваченный какими-то чудесными предчувствиями. Он точно знал, что эта картина многое изменит для него, хотя и не мог объяснить, откуда взялась такая уверенность.

На другом краю земли, в сердце сельвы, тяжело вздохнул потревоженный во сне Зверь Чиморте, и медлительные круги разошлись по черной густой воде трясины.

ГЛАВА 1

ПОСЫЛКА ИЗ БОЛИВИИ

Москва, сентябрь, 2010 год

Как всегда утром, особенно утром осенним, серым и холодным, мир был плох, а Юлька – еще хуже. По большому счету, они с миром друг другу соответствовали. Сидя на кровати, она с отвращением смотрела на груду деревянных бляшек с выжженным на каждой кельтским крестом. Все это еще предстояло подкрашивать, лакировать и подвешивать на шнурочки. После этого глупые деревяшки сдавались известной целильнице, которая перепродаивала их своим клиентам – уже как заряженные некой мистической энергией и очень мощные талисманы. По-хорошему, надо было браться за краски, но от деревяшек тошнило.

Юлия Гумилева-Морено была паршивой овцой в респектабельном семейном стаде. В свои двадцать пять она одевалась как подросток, только что узнавший о существовании хиппи, предпочитала, чтобы ее звали Юлькой, и с наслаждением ваяла дурака, перебиваясь случайными переводами и ненадежными заработками хэндмейкера. Русское слово «рукодельница» Юлька не любила – уж больно оно отдавало вязаными салфеточками и вышивкой крестиком, и никак не подходило к украшениям в стиле, который она называла шизоэтническим. Большую часть времени Юлька была вполне довольна собой. Но не по утрам.

Да что ж она за человек такой... Сидя на кровати, Юлька предавалась самобичеванию. Папа – инженер-атомщик... Впрочем, отца она почти не помнила, он ушел вскоре после

ее рождения, но все-таки! Дед – профессор ботаники, мама – большой специалист по тропической медицине, не вылезает из командировок. Бабушка – терапевт, продолжает работать, несмотря на возраст и собственные болячки, и пациенты не оставляют ее в покое даже в выходные... Но семейная склонность к медицине Юльке не досталась. Анатомические атласы волновали ее исключительно с эстетической точки зрения: перламутровые извины кишечника или узорчатые разрезы мозга восхищали не меньше, чем крыло стрекозы или замысловатый орнамент на старой вазе. Ну и довосхищалась: сидит теперь с нелепым и ненужным дипломом пединститута, полученным ради маминого спокойствия. Стать преподавателем французского Юльке было легко: как-никак, спасибо бабушке, второй язык с рождения. При необходимости Юлька могла худо-бедно объясниться и на банту – уж с бабушкой-то точно, но кому это нужно в Москве? И никаких талантов... Чуть-чуть рисовать умеет – и то хлеб. В буквальном смысле. И деревяшки мерзко подмигивают с рабочего стола, напоминая о неми-нуемом дедлайне.

– Потерпит один день, не облезет, – буркнула Юлька, отворачиваясь от недоделанных талисманов, и включила компьютер. Старый системник заурчал, загружаясь, и Юлька прошлепала в ванну.

В коридоре большой сталинской квартиры было темно и холодно. Юлька в который раз подумала, что выросла в семье одиночек, привыкших жить за закрытыми дверями. Запертая на время отъезда мамина комната, притворенная бабушкина, навеки закрытый дедов кабинет, превращенный после смерти профессора в музей. Юлька вспомнила, как млила от сладкого ужаса, представляя, как очень скоро поедет вместе с дедом куда-нибудь на Амазонку. Или, на худой конец, в Африку. И уж по крайней мере она не сомневалась в том, кем станет, когда вырастет, и частенько усердно рас-

сматривала учебник ботаники за пятый класс. Куда все подевалось? Каждый раз, когда Юля говорила, что пойдет по стопам деда, мама и бабушка едва ли не хором твердили: подожди, не увлекайся, вот вырастешь и выберешь себе хорошую профессию... Если бы ей прямо запретили и думать об этом – Юлька, возможно, смогла бы взбунтоваться. Но это невысказанное, подспудное неприятие и страх оказались зарядны. В конце концов, Юлька не только оставила мечты о профессии, но даже рисуя изредка растительные орнаменты, чувствовала иррациональный стыд – будто делает нечто нехорошее, что огорчит и разочарует родителей. Тогда Юлька не сознавала всего этого – и просто тоже начала плотно закрывать дверь в свою комнату.

И только дверь на неестественно маленькую кухню всегда была распахнута. Сейчас оттуда заманчиво пахло кофе, но Юлька еще недостаточно проснулась, чтобы показываться на глаза бабушке. Вернувшись к компьютеру, она, отчаянно зевая, села проверять почту. Спам, спам... Письмо с незнакомого адреса с прикрепленными файлами. Юлька подобралась, сдерживая улыбку, и щелкнула мышкой.

Так и есть, особый заказ!

Писал мужчина, ищащий подарок подруге. Интонации, как обычно в таких письмах, были ироническими и растерянными одновременно. Юлька в который раз вспомнила анекдот про подкову на счастье, которая работает, даже если в нее не верить. Такой подковой Юлька была для своих заказчиков. «Говорят, вы можете... Говорят, вам нужно описание...» Для нее и начиналось все с простого «говорят». С приятельниц, которые просили сделать «не знаю, что, но чтобы оно подходило именно мне». С пары удивленно-восторженных записей в Живом Журнале... Юлькин адрес пошел по рукам. А еще «говорят» было волшебной палочкой, которая отводила от заказчиков подозрение, что они верят в чудеса. Впрочем, у самой

Юльки была не палочка, а самая настоящая стена: она честно считала, что просто делает подходящие конкретному человеку украшения.

«Говорят»... Поморщившись, Юлька пропустила вступление и сосредоточилась на описании.

Логопед в детском саду, надо же! Любит работу... Еще любит мороженое и такс. Уши не проколоты, жаль... Может, клипсы? Чепуха, невозможно быть счастливой, когда мочки ушей сжаты металлическими челюстями.

С прикрепленных фотографий смотрела серьезная девушка с собранными в хвост волосами.

– Строгая какая, – пробормотала Юлька и закрыла глаза.

Как всегда, на секунду ей стало страшно: а вдруг на этот раз не получится? Юлька дернула плечом, будто отгоняя муху, и представила себе логопеда Олю, расслабленно сидящую на диванчике... в кабинете? Кажется, да: на стенах висели детские рисунки, а краешек стола на границе поля зрения был завален разноцветными карточками. В одной руке Оля держала мороженое, другой – гладила шелковые уши рыжей таксы. На пороге стоял, оглядываясь через плечо и прощально помахивая ладошкой, мальчишка лет семи. Он улыбался во весь свой щербатый рот, и Юлька точно знала, что пацану только что удалось одолеть букву «с». Глаза у Оли были прикрыты, а по лицу блуждала слабая улыбка. Шею охватывало ожерелье. Юлька прищурилась, всматриваясь закрытыми глазами; от напряжения сами собой зашевелились уши, и она с трудом задавила смех, зная, что если хотя бы улыбнется, то все придется начинать сначала. Ожерелье приблизилось, стали видны детали...

– Ассиметричное, с птицами, – сказала Юлька, открывая глаза. – Нежное такое. Ух ты! И обязательно аметисты...

Не ждите многого, говорила она заказчикам, я всего лишь могу сделать то, что будет вам к лицу. Правду она знала, но не

говорила даже самой себе. Украшение не отведет бед, не сделает удачливее, не добавит денег или любви. Но всякий раз, когда логопед Оля будет надевать это колье, она будет чувствовать себя счастливой. Просто так, без повода и смысла.

«Это вам не деревяшки... – запела Юлька, роясь в коробочках и шкатулках. – Это вам не талисма-а-а-аны!» Через четверть часа поисков эйфория поутихла. Аметистов в коробочках не нашлось, да и гладких бусин, достойных того, чтобы на них нарисовали птиц, – тоже. Надо было ехать на Севастопольскую. А перед этим – выпить, наконец, кофе и вообще позавтракать.

Поеживаясь от осенней сырой прохлады, Юлька вошла в кухню. Бабушка уже вальяжно сидела за столом, с чашкой кофе в одной руке и короткой черной трубкой – в другой; на столе лежал раскрытый томик Моэма. Казалось, мощное тело бабушки занимает половину кухни. Как всегда по утрам, Мария была добродушна и благостна, – Юлька, неисправимая сова, не понимала, как бабушке это удается. Ее блестящее лицо цвета горького шоколада, почти лишенное морщин, дышало тихим простодушным довольствием. В коротких, чуть ли не под ноль состриженных курчавых волосах блестели капли воды. Едкий табачный дым клубился в бледном солнечном свете.

– Ранняя пташка, – насмешливо хмыкнула бабушка, пыхнув трубкой.

– Пташка, пташка... Мне бы кофе... У тебя вторая чашка? – спросила Юлька. – Или уже третья?

– Прекрати считать мой кофе и тиранить меня, Жюли, – пророкотала бабушка. – В конце концов, я врач, и сама знаю...

– Что с твоим давлением кофе пить вообще нельзя, и курить тоже!

Бабушка повела плечом и демонстративно погрузилась в книгу.

– Я тоже хочу, – сказала Юлька, закуривая.

– В джезве еще осталось, – рассеянно ответила бабушка. – Не кури на голодный желудок.

– Кто бы...

– Я курю табак, Жюли! Табак, а не ту дрянь, которую суют в твои псевдолегкие сигаретки!

Юлька рассмеялась и вылила остатки кофе в свою чашку. Ритуальная утренняя перепалка, как всегда, закончилась безусловной победой бабушки. Однако кофе она действительно пьет слишком много...

Еще весной Юльке казалось, что бабушка бессмертна. Ни возраст, ни болезни ее не брали, многочисленные килограммы не казались лишними – осанка Марии оставалась прежней, и двигалась она с грацией большого, не знавшего страха животного. Однако за весной пришло страшное, раскаленное, дымное лето – и Юлька испугалась. Она вдруг поняла, что бабушка очень стара, что у нее избыточный вес, гипертония, больные суставы и попорченные многолетним курением легкие... Днем Юлька строчила маме, сидящей в лаборатории под Стокгольмом, успокаивающие письма – мол, журналисты преувеличивают, в Москве неприятно, но вполне терпимо. А ночью с ужасом прислушивалась к тому, как ворочается в кровати огромное, распухшее тело, как натужно свистит и хрипит в отравленной торфяным дымом груди...

Иногда бабушка начинала бредить, и тогда Юлька, взяв двухлитровую бутыль с распылителем, на цыпочках пробиралась в ее комнату, разбрызгивала воду на простыни, закрывающие окна, и просто в воздух. «Мавути горит! Мавути...» – бормотала бабушка на банту, ворочаясь во сне. Уехать из города, выбраться хотя бы на дачу к подруге Мария отказалась наотрез – врачей в поликлинике, где она работала, почти не осталось, а больных с каждым днем становилось все больше. Намокшие простыни мертвого висели на окнах; толку от них не было, лишь

иллюзия каких-то действий, попыток защититься. Юлька возвращалась к себе и тихо плакала от ужаса и отчаяния, а дым скребся в горле, делая слезы еще горше...

Подарить ей красивую маленькую чашечку, что ли, подумала Юлька. Три обязательные утренние чашки – не беда, если посуда с наперсток.

– Тебе какая-то бандероль пришла, – сказала тем временем бабушка, выбивая трубку. – Во всяком случае, я думаю, это тебе. Какой-то умник обозвал тебя Хулией Морено – латиницей. Хотела бы я посмотреть, как ты будешь ее получать...

– Не понимаю, – ответила Юлька. – Должна прийти посылка с бусинами, но я в заказе фамилию писала полностью... Черт! Неужели ошиблись? Или по глупости сократили?

Она сердито втотала докуренную сигарету в пепельницу.

– Может, и ошиблись, – с сомнением проговорила бабушка, хмурясь и презрительно оттопыривая губу. Казалось, Мария догадывается, кто этот «умник», и догадка ей не нравится.

– Попробую застать Иришу одну, может, и отдаст, – сказала Юлька и посмотрела на часы. – Прямо сейчас и сбегаю – как раз есть шанс.

По вечерам Ириша училась на биофаке, а с утра подрабатывала на почте. Юлька, которой часто приходилось отправлять свои украшения в другие города, старалась приходить на почту в Иришину смену. В отличие от своей напарницы, которую Юлька про себя звала Страшной Бабой, Ириша не считала посетителей наказанием и не сочилась ненавистью ко всему миру. Ириша быстро запомнила вежливую смуглую девушку, а узнав, что именно отправляет Юлька маленькими бандеролями во все концы страны, – пришла в восторг и быстро стала ее постоянной покупательницей.

Вот и сегодня в ушах Ириши качались ярко-красные ленивицы с сердитыми мордочками и боками, расписанными прими-

тивным орнаментом. Как всегда, увидев свои украшения, Юлька почувствовала одновременно удовольствие и стыд. Все-таки они были слишком странные, чтобы выглядеть уместно; за несколько лет Юлька так и не смогла придумать стандартный ответ на вопрос, как и где их носить, и из-за этого постоянно упускала покупателей. В конце концов, она махнула рукой, рассудив, что те, кому ее украшения нравятся, сами разберутся. Но все-таки ленивцы на почте...

– Я понимаю, что они здесь некстати, – улыбнулась Ириша. Юлька моргнула, сообразив, что последние три минуты плятится на уши девушки. – Но я их вообще только на ночь снимаю... Куда сегодня отправляешь?

– Получаю, как ни странно, – ответила Юлька.

Посмотрев на извещение, Ириша нахмурилась и покосилась на Страшную Бабу за соседним окошком.

– Ну ты же знаешь, что это я, – жалобно прошептала Юлька. – И адрес правильный ...

– Я-то знаю, но ты ведь не Хулия, – Ириша хихикнула, – и не Морено. Не знаю даже, что делать. Вообще-то положено отправлять обратно, кажется... – Ириша снова взглянула на Страшную Бабу. – А ты им напиши просто, скажи, чтобы правильно имя вписали...

– Кому – им? Даже не знаю, откуда посылка. Я ничего не ждала. Хоть обратный адрес посмотреть, а?

Из подсобки Ириша вернулась в полном недоумении, вертя в руках небольшой, усеянный штампами сверток.

– Обратного адреса нет, – растерянно сказала она. – Только город... и страна.

– Страна?

– Боливия. Город – Камири.

Девушки недоуменно уставились друг на друга.

– Замечательно, – мрачно проговорила Юлька. – Мне приходит посылка из Боливии... Понятия не имею, какого черта мне

приходит посылка из Боливии, но я ее даже получить не могу...
Даже не могу узнать, что в ней!

Она почувствовала, как к горлу подступают слезы. Как будто на Новый Год тебе обещают елку и деда Мороза, а вместо этого укладывают спать. Это просто нечестно! Посылка из Боливии!
Вот она, только руку протяни...

Ириша отвела глаза, смущенно потеребила сережку и решительно сунула в окошко бандероль. Юлька радостно схватила пакет. Нетерпеливо содрала скотч, подделя ногтями бумагу и вдруг остановилась. Руки тряслись от любопытства, но почему-то было ясно – вскрывать посылку на глазах у всех не стоит. Неожиданно захотелось оказаться дома, в своей комнате, за плотно закрытой дверью. Еще и шторы задернуть. «Кокаин прислали, что ли?» – хихикнул внутренний голос. Смущенная пристальным и нетерпеливым взглядом Ириши, Юлька растерянно вертела пакет в руках, пытаясь приkleить на место оторванный скотч.

– Паспорт давай, – разочарованно буркнула Ириша.

– Я тебе к сережкам браслетик подарю, хочешь? – радостно сказала Юлька, засовывая пакет в рюкзак.

– Хочу, – хмуро ответила Ириша и изо всех сил застучала по клавишам.

Из кухни одуряющее несло имбирем. «Я дома!» – привычно крикнула Юлька и скользнула в свою комнату. Шторы она задергивать не стала, но на кровать села спиной к окну – ощущение, что содержимое посылки надо прятать, не оставляло. Юлька нетерпеливо разорвала пакет, развернула рыхлую, желтоватую бумагу. Небольшой предмет скользнул в ладонь, и девушка тихо вскрикнула от восторга.

Это была фигурка зверька, сделанная из какого-то серебристого металла и подвешенная на тонкий кожаный шнурок. Как-то сразу было понятно, – по мягкому блеску, по ощущению

прохлады, исходящей от фигурки, – что это не сталь и даже не серебро, а что-то совсем необычное. Под предметом лежала записка на линованном листочке, явно вырванном второпях из блокнота. Крупные печатные буквы валились в разные стороны, будто автор письма не писал, а вырисовывал их.

«Здравствуй, дорогая Юлия!

Я посылаю тебе эту вещь. Считаю, что ей надо принадлежать тебе. Она есть очень важная.

Храни эту вещь. Никому не говори и не показывай ее.

Будь осторожная. Эта вещь может сделать тебе бред.

С любовью, М.М.»

Юлька недоуменно пожала плечами и сморщила лоб. Попыталась вспомнить кого-нибудь с инициалами М.М. и бросила – среди ее знакомых не было никого, кто бы мог прислать из Боливии такую странную вещь, да еще сопроводить ее настолько невнятным письмом. Что значит – «сделать бред»? «Хорош подарочек, ничего не скажешь!» – пробормотала Юлька и поежилась. Вдруг захотелось все-таки задернуть штору – показалось, что кто-то может подсмотреть, как она сидит с серебристой фигуркой на ладони... Она погладила ее кончиками пальцев. Восхитительный металл – идеально гладкий, почти скользкий, приятной тяжестью отзывающийся в ладони. Чуть покалывало пальцы – то ли иллюзия, то ли особое свойство фигурки. Присмотревшись к предмету, Юлька узнала в нем броненосца. Совершенный броненосец; не живой забавный зверек, а его идея. Чистые и лаконичные линии создавали ощущение чего-то странного, очень далекого, нездешнего – и в то же время смутно знакомого, как будто Юльке приходилось сталкиваться прежде с чем-то подобным. Храни, не показывай, будь осторожна... Еще раз погладив фигурку, она повесила ее на шею, скрыв под футболкой. Стало еще более тревожно и почему-то стыдно и страшно, что о тайном украшении узнает бабушка.

«Детский сад», – пробормотала Юлька и прислушалась. Через прикрытую дверь было слышно шипение масла на сковороде, позывкивание посуды – бабушка готовила свое особенное. Такое бывало редко, но если уж случалось – можно делать что хочешь, она не заметит...

...Можно, например, забраться в бабушкину комнату и нарядиться. Здесь всегда сумрачно – плотные шторы задернуты. Темная тяжелая мебель. Багровый ковер на стене – дед привез его издалека и очень им гордился. Дедушкина коллекция ритуальных масок над большим письменным столом. Черное нутро распахнутого шкафа отражается в зеркале, и на его фоне смуглое Юлькино лицо кажется плывущим по темному пруду бледным пятном. Юльке десять лет. Бабушкино вечернее платье из скользкого блестящего шелка спадает на туфли-лодочки каскадами ткани. Юлька придерживает его, собрав складки на спине в кулак.

Ей хочется быть принцессой – с золотистыми волосами, распахнутыми голубыми глазами и маленькими губками бантиком. Но она не принцесса, нет, скорее Маленькая Разбойница из сказки о Снежной Королеве. Черные глаза, темные крупные кудри, смуглая кожа. Нос тонкий и прямой, зато рот – просто огромный. Юлька вздыхает.

К платью нужны украшения.

Юлька выдвигает ящик комода. Отодвигает в сторону два отреза пестрой, яркой хлопчатобумажной ткани – совсем не похожей на ту, из которой сшиты бабушкины платья и костюмы. В руку попадает патрончик с красной губной помадой – Юлька мажет губы, критически смотрит в зеркало, снова заглядывает в ящик. Приподнимает какие-то непонятные кружева.

Шкатулка. Маленький сундучок из темного дерева, весь в узорчатых ходах, проеденных жучками. Шкатулка кажется маслянистой на ощупь и чуть попахивает дихлофосом – ви-

димо, травили древоточцев. Грубая, копеечная поделка. Единственное, что осталось у Марии от жизни до встречи с дедом Андреем.

Тугая крышка шкатулки открывается с громким скрипом. Внутри – ожерелье из бисера, огромное, закрывающее шею и грудь, с орнаментом из синих, красных и черных ломаных линий, с висюльками из белых и желтоватых ракушек. Под ним – пара золотых колечек, одно – гладкое обручальное, другое – с александритом, странным камнем, меняющим цвет. Нитка жемчуга. Золотые же сережки. Юльке они не нравятся – кажутся скучными и какими-то обычными; ожерелье намного интересней. Непонятно, зачем бабушка носит по праздникам эти скучные железки, если у нее есть такое. Еще интересней – серебристая фигурка обезьяны на цепочке, лежащая на самом дне. Обезьянка сделана из очень гладкого, скользкого и тяжелого металла, от которого чуть покалывает руку. Если бы Юлька была постарше, она сказала бы, что обезьянка совершенна. Ее линии чисты и безупречны, и от нее веет необъяснимой странностью. Сказочная – вот слово, которое приходит в голову девочки. Она тут же надевает кулончик на шею, критически смотрит в зеркало и радостно улыбается. Каким-то волшебным образом с этой обезьянкой она кажется себе намного красивее, чем обычно. Она нравится себе с этой обезьянкой – очень нравится. Мальчики должны просто обалдеть... Юлька мельком удивляется – какое ей дело до этих дураков! Однако мысль появляется снова. Может, мальчишки годятся не только на то, чтобы щелкать их линейкой по затылку? В конце концов, люди зачем-то выходят замуж... Юльке слегка странно и любопытно; ей вдруг приходит в голову, что у нее скоро будет грудь, и вообще – она девочка, причем, очень симпатичная девочка. Глаза чуть зудят, Юлька трет их, снова восхищенно смотрит в зеркало – да она просто красавица! И глаза уже не карие – светлые, синий и зеленый, такие яркие,

что Юлька даже не знает, какой ей нравится больше. Никакая она не разбойница. Принцесса.

Движение в зеркале за спиной. Юлька оборачивается, радостно улыбаясь, торопясь поделиться открытием с бабушкой – и пронзительно вопит от резкой боли в ухе.

– Никогда не смей трогать эту вещь! – кричит бабушка. – Никогда!

Она тащит ревущую Юльку за руку, непонятно куда, прочь от шкатулки, и в ее глазах, обычно таких добродушных и веселых, нет ничего, кроме страха...

Юлька рыдает от ужаса. Трава зеленая. Вода мокрая. Бабушка добрая... Привычный мир раскачивается, как лодка на волнах. Юльке всего десять. Ей только что запретили надевать это чудесное украшение, даже трогать запретили, накричали, надрали уши... Юлька не знает, почему бабушка так напугалась, и не станет выяснять в ближайшие годы. Никаких выводов, кроме чувства смутной опасности, исходящей от предмета, и глубокого изумления реакцией бабушки.

Крупные слезы текут по Юлькиным щекам, скапливаются в уголках накрашенного рта. Она осторожно трогает их кончиком языка – солено. Очень хочется еще хотя бы разик подержать фигурку в руке, ощутить ее гладкость, почти живую уверенность...

...Масло на кухне зашипело громче, и по квартире поплыл восхитительный запах карри. Юлька сунула руку под футбольку и сжала в кулаке фигурку броненосца. Стыд стал понятен – его вызвали воспоминания о детском проступке, навеянные схожестью материала. Однако странно все-таки, что бабушка тогда так раскричалась... «Будь осторожная. Эта вещь может сделать тебе бред». «Никогда не смей трогать эту вещь, никогда!»

– Никогда я не оставлю тебя в покое! – крикнула Горбатая Мириам. Фатин обессилено опустилась на ступени и инстинктивно обхватила ставший уже огромным живот. Холодный пыльный воздух, которого вечно казалось мало в этом проклятом городе, царапал легкие. И пыльная дымка висела над узкой улочкой, по которой неторопливо уходил водонос, ведя в поводу пепельно-серого крупного осла с четким черным крестом на спине. Проклятый осел! Проклятые узкие улицы ненавистного города!

Шарль говорил, что климат здесь, в горах, здоровее, полезнее для нее и для будущего малыша, но Фатин возненавидела Аддис-Абебу. Она мерзла и задыхалась; ее тонкие запястья и лодыжки по вечерам отекали, становились безобразно толстыми. Шарль, правда, этого не замечал – Фатин не снимала обезьянку ни днем, ни ночью, оставаясь для француза самой желанной женщиной в мире. Шарль верил, что она ждет его ребенка, и уже решил, что назовет малыша Жаком, в честь отца. Фатин же знала, что назовет дочку ласкового русского юноши – Анни... Именно это имя он прошептал, когда задремал на подушках в публичном доме на окраине Джибути. Фатин не ревновала. Кто она для заезжего поэта? Ей хотелось, очень хотелось, чтобы именно этот русский забрал ее из борделя. Но обезьянка не могла действовать в полную силу на тех, чье сердце уже занято. Хорошо, что вскоре появился Шарль Дюпон. Француз был инженером-железнодорожником. Постройка линии Джибути – Аддис-Абеба была в самом разгаре, и Шарль вскоре должен был уехать в Абиссинию. Инженер был добр, довольно богат и достаточно молод, чтобы принять страсть за великую любовь.

Горбатая Мириам за еду и угол мела комнаты в заведении мадмуазель Парментье. Она была ровесница Фатин, но казалась старухой. Горбатая Мириам – тихая, забитая, с вечно испуганным, тоскливым взглядом поначалу, со взглядом злым и

завистливым – чуть позже. Ведьма, она – ведьма, Фатин знала это. Уродливая ведьма признала про волшебный амулет Фатин. Скоро мадмуазель Парментье заметит беременность и потребует, чтобы Фатин ушла из заведения или избавилась от плода, отправит к страшным старухам, живущим на окраине. Старухам, от самого дыхания которых гибнет все живое, кошмарным женщинам со скрюченными пальцами и багровой каймой под ногтями... Фатин не могла спать, не могла есть; она ослабела и едва могла работать, а в темных коридорах вслед ей несся злой шепот Горбатой Мириам, и руки служанки тянулись к цепочке на шее.

Фатин сделала все, чтобы Шарль не смог расстаться с ней, и француз стал ее спасением. В Абиссинии она постепенно успокоилась. Проклятая горбунья осталась в Джибути, и ей вовек не добраться было до Аддис-Абебы. А если вдруг она и попадет сюда – не найти Фатин в огромном бестолковом городе, не найти ее маленький домик среди тысячи лепящихся друг к другу лачуг. Так думала Фатин. В конце концов она перестала даже вспоминать о ведьме...

Над Джибути висела песчаная пелена, принесенная злым западным ветром, и такая же пелена застила сердце Мириам, когда она уходила прочь от дома французского начальника. Сторож не стал даже слушать – ни мольбы, ни слезы не смягчили его. Мириам уходила, не зная, как ей быть дальше, где искать волшебную обезьянку, исчезнувшую вместе со злой девочкой Фатин.

– Что она хотела? – спросила жена главного инженера, глядя на сгорбленную женщину, хромоногое ковылявшую прочь.

– Спрашивала какого-то месье Шарля, мадам, – ответил сторож. – Но не смогла назвать ни его фамилии, ни своего дела.

– Бедняжка так уродлива, – с жалостью проговорила инженерша.

– Обыкновенная нищенка, мадам. Они иногда пробираются в дома под выдуманными предлогами, чтобы попрошайничать. А то и украсть что-нибудь могут.

– Нет, нет, мне кажется, у нее действительно какое-то важное дело! Постойте! – звонко крикнула она. – Да стойте же! Вернитесь!

Услышав крик, Горбатая Мириам пригнулась и замерла. Чего хочет эта французская дама? Помочь, подсказать, как найти ме-сье Шарля и через него – девчонку, хранящую амулет? Или обвинить в попрошайничестве или, того хуже, краже? Вернуться или бежать? Горбатая Мириам топталаась на месте, не в силах решить, что ей делать.

В последнее время Фатин снова почувствовала недобroe внимание. Низкорослая скособоченная тень мелькала на паперти. В ночной тишине слышался глухой стук клюки, ударяющей о сбитую в камень землю улицы. Мясник кидал любопытный взгляд: не об этой ли женщине расспрашивала бедная калека? Один раз Фатин едва ускользнула от преследовательницы, во время свернув в глухой переулок; другой раз – спаслась в лавке, где торговали кувшинами. Будто бы невесомая и невидимая, но прочная сеть постепенно стягивалась вокруг Фатин. Она стала реже выходить из дома, отправляя по делам старуху, нанятую ей Клодом для помощи по дому. Ей бы замереть, спрятаться – но иногда потолок начинал давить, воздух становился спертым и колючим, и оставаться в четырех стенах было совершенно невыносимо. В такие дни Фатин все-таки рисковала пройтись до рынка.

Осел! Всего лишь осел! Полгода назад Фатин проскользнула бы в любую щель, тоненькая, как тростник; убежала бы, скрылась в переулках, легконогая, как газель... Но сейчас живот не позволил ей протиснуться мимо животного, загородившего дорогу.

От подавленного, сухого рыдания резко заболело горло. Фатин схватила камень, в бессильной злобе метнула вслед глупому животному, и горбунья свирепо расхохоталась.

– Не оставлю тебя в покое, – повторила она. – Отдай мне вещь. Ну же!

Ведьма замахнулась палкой, и Фатин закричала, как раненый зверек, корчась и прикрывая живот.

– Это рок, – сказала горбунья. – Судьба, божья воля! Осел с крестом на спине позволил мне настигнуть тебя! Осел, что вез Иисуса! – она уже вопила, вся дрожа и брызгая слюной. – Отдай мне амулет, блудница!

– Забирай и будь проклята! – сорванным голосом крикнула Фатин и швырнула обезьянку в пыль, под ноги горбуньи. Лицо ведьмы расколола торжествующая улыбка; кряхтя, она подобрала амулет. Секунду они с Фатин глядели друг другу в глаза; горбунья первая отвела взгляд и торопливо захромала вниз по улице, вслед на ослом водовоза.

Фатин впилась ногтями в щеки и зарыдала.

Юлька открыла глаза и ошалело потрясла головой.

– Не поняла, – медленно проговорила она. Провела языком по пересохшим губам, еще чувствуя привкус уличной пыли.

Смуглая большеглазая девушка, стройная и подвижная, несмотря на явную беременность... Обшарпаные беленые дома, узкая немощеная улица, осел... Юлька снова затрясла головой. Историю о том, как некая горбатая ведьма изводила три поколения ее семьи, пытаясь отобрать волшебный талисман, она слышала с детства. Вместе с друзьями по детскому саду Юлька боялась Бабы Яги; но, в отличии от них, она точно знала, что эту зловредную бабку зовут Мириам, живет она в Африке и когда-то подметала полы у прарабабушки на работе. Позже история обросла подробностями, но детский страх

перед Горбатой Мириам остался. Еще позже до Юльки дошло, что серебристая обезьянка, которую нельзя трогать и которая иногда красуется у бабушки на шее, и есть тот волшебный амулет. К страху добавилась гордость: как ни старалась старая ведьма, обезьянку отобрать не удалось, талисман остался в семье.

«Эта вещь может сделать тебе бред».

– Глюк, – пробормотала Юлька, уважительно глядя на броненосца.

ГЛАВА 2

ЧЕЛОВЕК-КАТАЛИЗАТОР

*Из дневника Дитера
Санта-Круз – Камири – Ятаки, август, 2010 год*

В дряхлом автобусе психodelической расцветки, с надписью «Королева сельвы» на борту. Я здесь единственный европеец, и чувствую себя неуютно. Остальные пассажиры – индейцы-крестьяне, обремененные мешками и корзинами. Один затаящил в салон курицу, и она суматошно кудахчет, когда автобус подбрасывает на колдобинах. Дорога ведет мимо нефтяных месторождений – покров джунглей там нещадно содран, и буровые вышки кажутся скелетами ископаемых деревьев. Всякий раз, когда сельва расступается, открывая вид на новый клочок красной, взрытой земли, сидящий рядом со мной седоусый старик делает вид, что прицеливается из ружья, и ухмыляется беззубым ртом. В конце концов эта пантомима надоела мне; после остановки в поселке нефтяников, аккуратном, как пластиковый макет, я пересел на свободное место в пустом ряду. Асфальт закончился, и автобус немилосердно трясет. Попробую заснуть.

Когда я проснулся, автобус стоял на пыльной площади, окруженней домишками из необожженного кирпича. Пассажиры быстро разошлись; я остался один. «Королева сельвы», громко дребезжа, развернулась и укатила прочь. На Камири опустилась влажная, одуряющая тишина, лишь подчеркиваемая отдаленным собачьим лаем и звоном насекомых. Я оглядел рывущуюся в отбросах свинью, рекламу кока-колы над дверью крошечного

магазина через дорогу. Прихлопнул москита, впившегося в руку, и всерьез задумался, не вернуться ли следующим же автобусом в Санта-Круз.

Но что я буду делать дальше? Я невиновен, и присяжные с этим согласились. Никто не был виновен, но заголовки в местной газете вопили: «Учитель-убийца оправдан». Я не вернусь в Нюрнберг, даже если вдруг мне вернут место в школе. Я не вынесу этих взглядов.

— Дитер! — окликнули меня. Обернувшись, я не поверил своим глазам: на пороге магазина стояла монахиня. — Вы же Дитер, правда? — радостно спросила она, подойдя поближе.

Это была индианка лет двадцати пяти. Несмотря на тяжелый рюкзак на спине, резиновые сапоги и длинную рясу, она двигалась легкой, чуть танцующей походкой.

— Таня, — она с улыбкой протянула руку. — Мой отец назвал меня в честь девушки из отряда Че, а я стала монашкой. Здесь все так перемешалось.

Отпустив мою руку, она непринужденно задрала подол. Я поспешно отвел глаза, но под рясой монахини оказались потерянные джинсы. Таня вытащила из кармана пачку сигарет, зажигалку, и с видимым удовольствием закурила.

— Вас должен был встретить отец Хайме, но он приболел. Лодка готова, но, может быть, вы хотите передохнуть? Здесь есть бар.

Я покачал головой. Как бы ни выглядел мой новый дом — добраться до него хотелось как можно скорее.

Таня подхватила рюкзак, и мы спустились к реке. По медленной, рыжевато-мутной Парапети плыли нефтяные пятна и обрывки пакетов. У шаткого причала покачивалось узкое каноэ. Новенький красный мотор на почерневшей от времени корме казался чужеродным наростом. Я уже собирался сесть в лодку, когда Таня схватила меня за рукав.

– Стойте!

Присмотревшись, я увидел красную, в ярких желтых и черных пятнах, змею. Таня подтянула к себе весло, одним сильным ударом размозжила ей голову и подняла за хвост.

– Водяная змея, очень ядовитая, – она покачала длинным телом перед моим лицом, и я невольно отшатнулся. Я ожидал, что Таня выбросит тварь в воду, но девушка аккуратно свернула змею в кольца и сунула в рюкзак.

– Она съедобна, если отрезать голову, – сказала она, поймав мой удивленный взгляд.

Я пожал плечами и осторожно шагнул в лодку, надеясь, что в каноэ больше не скрывается никакого зверья.

Таня завела мотор, присела на узкую скамейку и снова закурила.

– Вы сами из Ятаки? – наконец спросил я. Таня кивнула. – Но наверняка грамотны...

– Я закончила курсы медсестер в Камири, – ответила Таня с гордостью. – Только мне нельзя часто уходить из монастыря. А отец Хайме стар, болен и слишком увлечен... – она неопределенно помахала рукой, – своими исследованиями. К тому же он недолюбливает детей. Нам очень нужен учитель, хорошо, что вы согласились... – Таня подняла глаза на меня: – Вы просто не знаете, как спросить, почему я ушла в монастырь?

– Ну что вы, я...

Лицо Тани стало упрямым, губы поджались.

– Я оступилась, – сухо сказала она и принялась возиться с мотором.

Где-то в дельте Парапети

Чем ближе к дельте, тем медленнее становится течение. К западу от Камири Парапети называют «Рекой смерти» – там она пробивается сквозь скальный массив, образуя множество порогов. Здесь же, в Ориенте, на границе гигантских болот, в

которые впадает река, мутная вода спокойна и медлительна. Парапети распалась на лабиринт рукавов и стариц. Берега скрылись за тростником, и я потерял всякую ориентацию в пространстве. Из зарослей, потревоженные стуком мотора, вспархивают белые цапли («Похожи на изможденных ангелов, правда?» – бросила Таня через плечо); пару раз я заметил стайки уток и кружящих в небе грифов. Здесь уже чувствуется горячее влажное дыхание низменности Чако – запах туманов, несущих лихорадку, и древней, таинственной жизни

Записывая свои впечатления от Камири, я украдкой рассматривал девушку. Лицо Тани кажется высеченным из красного песчаника резкими, но точными движениями. В ней странно сочетаются готовность радоваться самым простым вещами и затаенная горечь. Сидя за рулем лодки, она посматривает на меня насмешливо и чуть подозрительно. Кажется, ей не очень нравится, что я делаю записи.

Таня ошарашила меня и сбивает с толку. Одно хорошо: мне уже не хочется вернуться. Это было бы затруднительно: мы плывем уже несколько часов; мотор мощный, и, по моим подсчетам, лодка прошла не меньше сотни километров.

Я снова думаю, что деревня, затерянная в сельве, – как раз то, что нужно для избавления оточных кошмаров и чувства вины. Антидепрессанты не помогают, а мой психотерапевт, похоже, считает, что меня все-таки надо было посадить. У него самого маленькая дочка.

Нас окружает сельва. Бежать некуда, я упустил момент, когда это еще было возможно.

Ятаки

Стоило лодке причалить, и нас тут же окружила толпа детей. Мои будущие ученики, полуголые и чумазые, смотрели блестящими черными глазами, изредка перекидываясь парой фраз. Взрослые держались в стороне и лишь поглядывали изда-

ли, не оставляя своих дел. Таня бросила несколько слов на местном диалекте, и кольцо детворы распалось. Монахиня провела меня по деревне: дом для собраний, дом священника – всего лишь лачуги с крышами из пальмовых листьев. Сколоченный из досок крест над дверьми – очевидно, церковь. Две новенькие хижины – кровли не успели даже пожелтеть. Та, что побольше – школа. Поменьше – новый дом для приезжего учителя.

На пороге Таня оставила меня. Вот моя жизнь на ближайший год: зеленые сумерки, воздух, насыщенный влагой, запахи плесени и рыбы и непостижимые люди вокруг.

Прибежала девочка лет десяти и принесла разложенные на банановом листе кусочки юкки и беловатого, чуть обугленного снаружи мяса. Судя по нетронутым огнем кусочкам шкурки, на обед мне зажарили ту самую змею. Я должен к этому привыкнуть.

Камири, август, 2010 год

Дикий визг, вопли и грохот выстрелов едва не оглушили Ильича Чакруна. Двое мальчишек рвали друг у друга из рук мышку, пока третий яростно лупил по клавиатуре, громя монстров. Еще полдесятка висели у них на плечах, горластые и чумазые, заглядывали в монитор и азартно вопили в ответ на каждый выстрел.

Когда-то этот длинный зал с земляным полом был танцклассом. Его держала американка, бывшая звезда бальных залов, древняя, как те благородные па, которым она собиралась обучать «бедненьких индейцев». Но жители Камири предпочитали танцевать в барах или просто на улице, и совсем не собирались выкладывать деньги за то, чтобы их этому учили. Разоренная американка уехала; какое-то время помещение пустовало, а потом перешло в руки ее более предпримчивого земляка, Сирила Ли. Тот поставил в зале несколько компьютеров, кофевар-

ку, холодильник с колой и пивом и нанял в Санта-Крузе парня по имени Бу, законченного параноика, который мечтал жить поближе к природе, но при этом отлично разбирался в сетях. В качестве жилья ему выделили квартирку над залом. Стена, обращенная к Парапети, отсутствовала, и по утрам можно было, не вставая с постели, наблюдать за роющимися в плавучем мусоре цаплями, если, конечно, не шел дождь. Кроме того, в туалете жила сварливая летучая мышь, несчетное количество крупных тараканов и мокрицы. Мистер Ли справедливо полагал, что условие близости к природе выполнено с лихвой.

Несмотря на увлеченность игрой, Ильича заметили. На мгновение стало чутьтише: одно дело избивать монстров на экране, и совсем другое – ненароком рассердить шамана. Ильич кивнул в ответ на нестройные приветствия и прошел в дальнюю часть зала, которая неофициально считалась местом для взрослых. За спиной у него раздалась автоматная очередь и победные крики.

Старый Макс Морено, высокий и тощий, с морщинистым лицом ящерицы и длинными желтоватыми усами, похожими на пучки сухой травы, мучительно медленно тыкал в клавиши задубелым от возни с землей пальцем. С тех пор как стариk узнал о существовании Интернета, он не вылезал с форумов садоводов и сайтов, торгующих семенами. Сад Макса Морено выглядел все страннее и экзотичнее, и торговцы из Санта-Круза, приезжавшие за очередной партией нежного и яркого товара, с каждым разом выглядели все более озадаченными.

За соседней машиной сидела, сосредоточенно хмурясь, молодая монахиня. Ильич с удивлением узнал Таню. В последние несколько лет она почти не появлялась в Камири, и видеть ее, закутанную в черную монашескую рясу, у Ли было странно и грустно. Не то чтобы они были друзьями, но Ильич с детства привык покровительствовать девушке, которая была на десять лет младше. Когда-то их отцы были товарищами по партии. Оба

были родом из лесных индейцев – Ильич иногда со странным чувством нереальности представлял, как его дядьки и кузены обстреливают отравленными стрелами какую-нибудь геологоразведочную экспедицию, в то время как отец рассуждает о мировой революции.

Оба были такими пламенными марксистами, что даже имена своим детям выбрали, исходя из идеологических соображений. Двух младших братьев Ильича звали Ленин и Владимир. Оба постарались дать детям приличное образование, но отцу Ильича, человеку по местным меркам почти богатому, это далось намного легче. Примерно в тот момент, когда Ильич, уже инициированный шаман, отправился изучать физику в университет Ла-Паса, а заодно осваивать все тридцать способов колдовства с помощью эмбрионов ламы и сушеной эфедры, дружба двух коммунистов дала сбой. Синьор Чакруна погрузился в поиски и эксперименты, все чаще внимая голосу аяваски, уверенный, что именно она подскажет ему верный путь, и стараясь передать полученные знания сыну. Отец Тани заклеймил шаманизм, а заодно и теоретическую физику, как буржуазный предрассудок. А чуть позже Ильич попросил Таню помочь ему проверить одну гипотезу...

– В Ятаки новый учитель, – напряженно сказала Таня, кивнув шаману. Ее ноздри подрагивали от гнева.

– Знаю. Говорят, хороший? – осторожно спросил Ильич.

– А за каким чертом его, такого распрекрасного, занесло в нашу глушь, не думал? А я вот думала.

– Некоторые считают такие вещи своим долгом, – пожал плечами Ильич. – А другим просто нравится бывать в новых местах. Приятное с полезным...

– Приятное с полезным! – горько усмехнулась Таня. – Уверяю тебя, он не видит здесь ничего приятного, этот гринго. Он мне сразу не понравился.

– Так не понравился, что ты вернулась в Камири, чтобы проверить, кто он такой?

Таня кивнула и щелкнула по вкладке обозревателя.

– Посмотри, посмотри, кого нам прислали! – прошипела она, тыча курсором. – Дикарям не приходится выбирать, пусть их детей учит убийца, одну ученицу он уже угробил, так его прислали к нам... И предупреждать никого не надо, никто не узнает, разве эти варвары умеют пользоваться Интернетом!

Ильич вчитался в корявые строчки переведенной роботом заметки в провинциальной немецкой газете.

– Насколько я понимаю, это был несчастный случай, Таня, – спокойно сказал он.

– Несчастный случай? Я уже слышала от тебя о несчастном случае. Напомнить, почему я гнию на болотах?

– Таня!

– Этот Дитер – детоубийца, – убежденно произнесла девушка, и ее глаза опасно сузились. – Что ж, тем лучше. ЕМУ понравится. О, это заставит его наконец зашевелиться!

– Что ты задумала?

Таня хищно ухмыльнулось, и Ильич похолодел.

– Ты с ума сошла, – тихо сказал он.

– Вот это новость, – хохотнула Таня и встала. – Мне пора. Как там без меня мой любимый?

– Таня, постой. Ты же знаешь...

– Знаю, знаю. Найти человека, найти предмет... Вы с твоим папашей это уже двадцать лет твердите, а толку? Мне надоело ждать. Этот гринго kleился ко мне всю дорогу, слюни пускал – а вдруг обломится экзотическогоекса! И они все такие, все...

К ним подошел, чуть подпрыгивая, Бу, и Таня замолчала, вопросительно глядя на сисадмина.

– Тут один заглядывал, пока ты в гугле рылась, – сказал он. – Зря, кстати, они все запросы записывают и потом смотрят, кому что интересно, так заглянешь в порнушку, а потом ЦРУ...

– Ну, тебе что надо? – резко спросила Таня.

– Так этот, который заходил, он сам к тебе подойти побоялся. Я-то не боюсь, а он – да, говорит, дурная примета с тобой разговаривать, ты извини.

– Ничего.

– Так он просил тебе ретаблос отдать, чтоб ты в монастырь отвезла.

Таня кивнула и взяла размалеванную яркими красками дощечку. Взглянув на ретаблос, она с нервным смешком показала его Ильичу. На картинке был нарисован европеец, в ногу которого вцепилась огромная радужная змея. В углу плыл по лиловому небу вставший на дыбы зверь с nimбом вокруг маленькой длинной головы. Подпись гласила:

«Карлос был так беден, что от отчаяния решил продать свою землю одному гринго, который готов был дать половину денег в задаток. Но когда гринго пошел смотреть участок, его укусила змея, и он умер, а задаток остался у Карлоса и земля тоже, так что он смог раздать долги и купить новый насос для колодца. За это Карлос благодарит Святого Чиморте».

– Ну хоть кому-то повезло, – звенящим голосом проговорила Таня. Сердито тряхнув головой, она выбежала прочь. В открытую дверь порывом ветра швырнуло горсть пыли, и в детском углу загрохотал пулемет.

Задумавшись, Ильич не заметил, как к нему подошел Макс Морено, и вздрогнул, когда тот заговорил.

– Что так расстроило девочку? – спросил старикан, глядя в спину Тане.

– Ей не нравится новый учитель, – расплывчато ответил Ильич.

– Он гринго? Тогда я ее понимаю, – качнул головой Макс.

– Помните геолога, что гостил у меня? Так вот представьте – зачитал мне «Великолепную изоляцию» Симпсона, а на вид

такой приличный человек! Пришлось заказывать новую, а старого издания нигде нет... Надо будет привыкать заново – зато посмотрите, какая отличная обложка!

Ильич краем глаза заглянул в экран. На сером фоне, составленном из каких-то древних костей и зубастых черепов, красовался броненосец, и шаман невольно передернулся.

– Говорят, вы воевали на стороне Че, синьор Морено, – сказал он.

Макс задрал кустистые брови.

– Говорят, что малолетний хиппи, который присматривает за этими компьютерами, – агент ЦРУ, – язвительно улыбнулся он.

– Вот ваш отец мог побывать в партизанах. Но не я.

– Отец всегда придерживался основной линии партии, – ответил Ильич. Отхлебнул кофе, разглядывая старика. – Вам нравится, как выживете, синьор Морено? – неожиданно спросил он. – Как все мы живем?

– Вот, значит, как... – проговорил Макс будто сам себе. – Вы же знаете, синьор Чакруна, я человек почти счастливый. Но я понимаю, о чем вы. Отцы троих из этих мальчишек, – он кивнул на победителей монстров, – потеряли свою землю, потому что там нашли нефть. Им выплатили какую-то компенсацию, но сейчас они живут на пособие. А брата моего, садовника, подстрелили во время охоты – вроде как случайно. Но скорее всего он забрел на кокаиновую плантацию. Спросить теперь некого, – стариk помолчал, покусывая усы. – А эти мальчики не смогут заниматься тем, что любят, когда вырастут. У них даже не будет шанса узнать, что они любят, – разве что сильно повезет. В лучшем случае они будут обслуживать туристов. Так же, как сейчас это делаете вы. Только вы водите гринго в мир духов, а они будут таскать их до Ла-Игеры по тропе Че. Говорят, там уже поставили в трудных местах перила и вырезали ступеньки. И...

– Макс задумчиво замолчал.

– И?.. – подтолкнул его шаман.

– И нет, мне не нравится, как мы живем. Но мне бы не хотелось, чтобы мы стали жить еще хуже.

– Еще хуже?

– Так, как живет Таня, – объяснил Макс.

Майами, сентябрь, 2010 год

Феликс Родригес прошаркал вдоль бассейна и вошел в дом. Кондиционированная прохлада охватила его, и дышать стало легче. Он повалился в кресло; сосредоточился на дыхании, глядя на свои морщинистые руки, покрытые пигментными пятнами. Тело Родригеса одряхлело и разваливалось, но мозг все еще работал отчетливо. Даже когда старик отдыхал, его разум продолжал обрабатывать информацию. Что-то назревает, подсказывала интуиция. Родригеса одолевали воспоминания, дышать с каждым днем становилось все труднее, и возвращались давно позабытые кошмары.

Может быть, астма передается, как заразная болезнь, думал Родригес. Могут ли легочные спазмы, появившиеся вскоре после событий в Ла-Игуере, быть последним проклятием обреченного фанатика? Надо ли было вступать с ним в разговоры? За каким чертом вообще он полез в боливийскую эпопею? Все, кто был причастен к гибели Че, давно мертвы. Только Родригес дожил до старости, просыпается по ночам, задыхаясь от спазма в бронхах, и ему кажется, что в комнате воняет, как в клетке с хорьками.

Ноют колени. Ноет запястье, на котором Родригес столько лет носил трофейные часы, снятые с руки знаменитого мертвеца. Сынишка соседа расхаживает в футболке со знаменитым портретом. Отличный портрет, ничего не скажешь; он многое упростил. Это была удивительно красивая операция, нечто совершенно новое. Родригес, привыкший опираться на оружие, осведомителей и подкуп, поначалу скептически отнесся к ней,

но увидев результат, был потрясен. В кампанию были втянуты социальные психологи, рекламщики, художники. Хорошо оплаченные левые журналисты раздували ноздри, припорощенные кокаином. Родригес многое мог бы рассказать о происхождении порошка, и в его глазах это становилось лишней виньеткой, добавляющей изящества операции...

Стоило подтолкнуть – и покатилось, как снежный ком. Че Гевара – поп-символ, Че Гевара – кумир обкуренных подростков... Кто круче – Че или Майкл Джексон? Конечно, Че, правда, он не пел и вообще, говорят, был за красных... О, ради такого стоит потерпеть дурацкие футболки. Терпит же Родригес тот адский грохот, который соседский мальчишка принимает за музыку...

На экране маячила багровая, будто обваренная, физиономия мистера Ли.

– Ну? – спросил Родригес, не включая камеры. По лицу Ли скользнула растерянность, но он тут же ослабился и помахал толстой, покрытой густой рыжей шерстью ручищай.

– Как здоровье, дядюшка? – бодро спросил он. – Как дела на пляже? Соскучились по нашим деревенским сплетням?

Родригес стиснул челюсти. Чертов болтун. Жадный непрофессиональный болван.

– Не стоит делиться слишком личным, – мягко сказал он.

– У меня отличный сисадмин, дядюшка Феликс, – все также жизнерадостно ответил Ли. – И при том – конченный параноик. Ну, знаете: кругом агенты ЦРУ, правительство не спускает глаз с граждан, свобода и права личности в опасности, прослушивается все... – Ли загоготал. – Там еще было что-то про облучение и разрушение тонких миров и лобных долей мозга, но это не так важно. Главное – бороться со шпионами. Мальчик позаботился, чтобы добрый начальник мог побеседовать с родственниками интимно, без того, чтобы секретные службы со-

вали нос в разговор. Ваши парни и то не смогли бы устроить все надежнее. Ну как, можно и о личном поболтать, а?

– В прошлый раз ты объявился, чтобы рассказать о новом учителе-растяпе и шамане, которому вдруг надоели туристы. Если свежие новости такие же...

– Шаман, кстати, собирается переселиться в Ятаки. Странный выбор, правда? Гнилое место...

– А еще считается местом силы. И даже такой олух, как ты, дорогой племянник, мог бы уже об этом знать.

– До сих пор он без этой силы прекрасно обходился.

Родригес молча кивнул. Пожалуй, над переездом синьора Чакруна стоит подумать. Конечно, мотивы у него могут быть своеобразные, но... Родригес давно усвоил, что игнорировать действия шаманов – себе дороже.

Ли выжидательно поглядывал на камеру. Его физиономия кривилась от сдержанной ликующей улыбки. Очевидно было, что в запасе у агента есть новости и посерьезнее, но он собирается смаковать их как можно дольше, растягивая удовольствие.

– Это все? – холодно спросил Родригес.

– Нет, – торопливо ответил Ли. – Наша почтальонша разругалась со своим дружком и пришла просить, чтобы я вывесил ее анкету на сайте знакомств. Пришлось ей фингал в фотошопе замазывать и заодно морщины. Не поверите, дядюшка Феликс, час убил!

– Это, конечно, важно.

– Еще важнее то, что пока я возился с ее физиономией, она напилась.

– И?

– Оказывается, у нашего пенсионера-цветовода есть любимая внучка.

– Вот как, – проговорил Родригес.

– И две недели назад он отправил ей подарочек на день рож-

денья. Круглая дата, двадцать пять лет. Небольшую бандероль. Наша бедненькая Розита была возмущена. Она считает, что отправлять ценные подарки и при этом ни разу не написать письма – некрасиво и не по-родственному. Честность синьора Морено прямо-таки поразила ее. Сердце кровью обливается, как подумаешь о бедной девочке, которой дед так долго не уделял внимания. Я предположил, что письма были электронные.

– Как давно Розита работает на почте?

– Восемь лет.

– Так-так...

– Бандероль ушла Хулии Морено в Москву.

– В Москву! Хорош пенсионер...

– Вы тоже пенсионер, – ухмыльнулся Ли. – Может, не знал, что у него есть внучка? – предположил он. – Бывает же.

Родригес устало прикрыл глаза.

– Я вас уволю, Ли, – прощедил он. – Возможно, все это время у нас под носом был предмет! И вы... – он устало махнул рукой.

– Что-нибудь еще?

– Мало что ли? – набычился Ли, глядя исподлобья бледными водянистыми глазами. – Я свои денежки отработал.

Родригес посидел с закрытыми глазами, размышляя. Потом взял телефон, набрал по памяти номер.

– Мне нужны сведения о Хулии Морено, Москва, – сказал он.

– И свяжите меня с Орнитологом.

ГЛАВА 3

НОВАЯ СУДЬБА

*Из дневника Диттера
Ятаки, сентябрь, 2010 год*

Вести дневник уже нет ни сил, ни желания. Разум подсказывает мне, что позже я буду сожалеть об этом – из одних наблюдений за моими учениками можно было бы сделать книгу. Но сейчас все кажется серым, однообразным и не стоящим интереса. Возможно, это депрессия, но ближайшую упаковку прозака можно найти разве что в Санта-Крузе; придется справляться самому.

Вечера я провожу либо в одиночестве, либо в компании отца Хайме за бутылкой дешевого джина, судя по сизому носу и оплывшей фигуре священника, тот явно злоупотребляет спиртным. Вскоре после моего приезда падре слег с приступом лихорадки, чередующейся с запоем, – священник считает джин не только утешением, но и универсальным лекарством. Мне остается лишь читать – благо, я под завязку загрузил ноутбук беллетристикой, а генератор в деревне включают почти каждый день, – да с особой въедливостью проверять работы учеников.

Поначалу отец Хайме с настойчивостью, переходящей в невежливость, предлагал мне исповедаться. Неизвестно, чего в этом было больше, искреннего рвения или любопытства. Несколько раз повторил ему, что я агностик, но падре не успокаивался и уверял, что в этих местах без исповеди мою душу подстерегает какая-то особенная опасность. Похоже, старикан слишком долго не был в городе: даже на фоне провинциальной

окраины Нюрнберга, где я прожил последние десять лет, жизнь в Ятаки вполне идиллическая, хоть и безалаберная. В конце концов, падре отстал – я прятался от него несколько дней, и, видимо, отец Хайме побоялся потерять единственного собеседника и собутыльника.

В свете керосиновой лампы детские каракули кажутся мне фантастическими насекомыми. Случается и наоборот, когда я принимаю за неудачно написанное слово забравшуюся на тетрадь многоножку или москита. Такие мелкие галлюцинации случаются со мной все чаще и почти всегда связаны с воспоминаниями об аварии. Как ни стыдно признать, я постепенно перестаю воспринимать гибель девочки как трагедию. Катастрофа начинает казаться мне абстрактным толчком судьбы, зачем-то направившим меня в Ятаки. Ночные кошмары, полные льда и визга тормозов, отступают. Правда, их сменили головокружения, после которых появляется чувство смутной угрозы, исходящей из болот. Мне все чудится чей-то безумный взгляд, ищащий меня, высматривающий из трясины. Мне снятся вымершие звери и женщины с пустыми глазами.

Скорее всего, это побочное действие лариама, который я аккуратно принимаю дважды в неделю для профилактики малярии. Что за гнусное лекарство!

Это был несчастный случай. Я ни в чем не виноват. Я просто не справился с управлением – это могло случиться со всяkim на том обледенелом шоссе. С любым.

Асунсьон, август, 1956 год

Пробравшись через лабиринт гамаков в саду, Максим вошел в дом генерала – ветхую хижину, больше похожую на обиталище его подопечных, чем на жилье ученого, героя Чакской войны и директора Национального патроната по делам индейцев. Але-

бук, Белый Отец, начальник Генерального штаба вооруженных сил Парагвая жил в сущей лачуге, а его гостеприимство не знало границ.

Из кухонного закутка донесся плеск пролитого на пол круто-го кипятка – там кто-то заваривал мате, привычно определяя по звуку нужную температуру воды. Невесть откуда взявшаяся индейская девочка, совсем еще крохотная, с круглым животи-ком и пухлыми руками в перетяжках, ползала по полу, пыта-ясь схватить за хвост кота. Мальчик постарше сосредоточенно рассматривал иллюстрации в старом палеонтологическом ат-ласе, еще в прошлом веке изданном в Санкт-Петербурге. Мак-сим прекрасно помнил, как сам сидел с этой книгой на полу гостеприимного генеральского дома всего лишь десять лет на-зад, такой же черноволосый, смуглый и едва одетый, как этот мальчишка. Только вот русский текст не был для него непро-ницаемой тайной – так же, как и слова то и дело переходивше-го на родной язык генерала. Тогда Беляев, маленький, щуплый и подвижный, казалось, находился одновременно в каждом уголке дома, интересуясь всякой мелочью, занятый тысячью дел. Теперь же старый генерал, казалось, дремал в покойной плетеном кресле. В последнее время привычная суeta, похоже, все меньше касалась его.

Беляев взглянул на Максима и нахмурился – от его глаз не укрылся свежий синяк, расплывающийся по щеке юноши. Сде-лав вид, что не заметил этого, Максим с улыбкой кивнул на ре-бенка.

– Вы, может быть, не помните, Иван Тимофеевич, а для меня вот с этой самой книги многое началось, – тихо сказал он.

Старый генерал будто не рассышал его. Он печально смо-трел, как толстый кот, завалившись на бок, пытается поймать солнечные пятна, ползающие по земляному полу.

– Не уловить никак, – тихо проговорил Беляев. – Коту что, он зверь неразумный, душа не болит, поиграл и забыл...

– Вы осуждаете моего отца, генерал? – с вызовом спросил Максим, притронувшись к синяку на скуластом лице.

– Бог ему судья, Максим! – воскликнул Беляев, очнувшись. – Как же тут можно осуждать! Не у всех сердце на чужбине выдерживает, голубчик... – он сочувственно взглянул на него. – Жаль, что ваша матушка так рано померла, ох, жаль... Изумительно талантливая женщина была! В роли дочери касика она блестала...

– Играла саму себя, – улыбнулся Максим.

– Не самая простая задача, голубчик, – погрозил пальцем генерал Беляев. – Вот вы ершитесь... А я вижу: худо вам.

Максим вдруг сник, разом потеряв всю свою задиристость.

– Так стыдобра какая, Иван Тимофеевич! – проговорил он, прижимая руки к груди. – Расхристанный по улицам бегает, песни орет кабацкие посреди площади... Домой отвести пытался – никак не выходит. «Я вам, – орет, – лейтенант Моренков, а не индеец болотный, и слушать никого не желаю!» – Максим безнадежно манул рукой.

– Зря только синяк схлопотал, – кивнул старик. Максим покраснел

– А, это... – он снова потрогал скулу. – Это другое. Я первый начал... Да не важно.

– Не стоило оно того, голубчик, – грустно сказал Беляев. – Что ж я, не знаю, что про меня в городе говорят? Выжил, мол, из ума старик, ни кола, ни двора, жизнь на дикарей попусту положил...

Максим покраснел еще сильнее, кулаки его гневно сжалась.

– Они пальца вашего не стоят, Иван Тимофеевич! Папаша мой... Да он... Дурак он пьяный!

– Не говори так об отце, – строго оборвал его старик. Снял круглые очки, тщательно протер, щурясь и вздыхая. – Трудно ему. Пусто...

Лейтенанту Моренкову было всего двадцать два, когда разразилась революция. Еле выбравшись после разгрома из Крыма, он помыкался по Европе и прибрел в конце концов к парагвайской общине, вняв зову генерала Беляева.

Жизнь в Парагвае казалась ему чем-то вроде игры в индейцев на даче под Петербургом: еще немного, и нянька позовет ужинать. Лейтенант был весел, бесстрашен, азартен. Он блестяще показал себя в нескольких экспедициях в Чако, а позже – на войне с Боливией. После провала Беляевской «Декларации о правах индейцев» Моренков с тем же энтузиазмом и лихостью погрузился в постановку спектакля из жизни индейцев, затянутую генералом. Тогда он и познакомился с дочерью одного из касиков чимакоко, игравшей в постановке. После гастролей в Буэнос-Айресе они поженились. Равнодущие лейтенанта к условностям объяснялось просто: для Моренкова наступил апофеоз игры. Всем известно, что наградой герою рано или поздно становится принцесса...

Начало второй мировой войны Моренков воспринял как тот самый, долгожданный уже, окрик няньки: пора домой! По примеру многих эмигрантов Моренков вообразил, что Гитлер лучше коммунистов. Именно тогда он насмерть рассорился с генералом Беляевым. Жил едва ли не на чемоданах, ожидая, что вот-вот коммунистов разгромят, и можно будет вернуться на родину. Часами рассказывал сыну о волшебной далекой России, в которую они вот-вот уедут.

Победа Советского Союза подкосила лейтенанта. Последовавшая вскоре смерть жены – сломала. Моренков начал спиваться. Предоставленный родственникам матери, маленький Максим большую часть времени проводил в школе-колонии Барталамео Лас Касас, под начальством генерала Беляева, а позже – в мастерской по ремонту автомобилей, в основном таких же допотопных, как животные из его любимых книг по палеонтологии. Старший же Моренков все реже выныривал

из алкогольного тумана – лишь для того, чтобы строить нелепые проекты по свержению коммунистов в компании всякого сброва. Остальное время лейтенант пил, и о сыне вспоминал редко.

– Не суди, – печально повторил Беляев. – Не каждому дано вынести...

Максим сердито пожал плечами.

– И неважно. Через две недели мне будет восемнадцать. Смогу делать то, что захочу, и отец мне будет не указ. Уехать бы! Я немного денег скопил...

Максим вздохнул. Мечты об отъезде поддерживали его уже несколько лет, но он понимал, что скорее всего так и останется работать в своей мастерской. Деваться по большому счету было некуда – ни приличного образования, ни заметных денег у Максима не было, а с тем, что есть, он мог рассчитывать только на такую же работу, как дома – ну разве что в другом городе. Может, когда-нибудь даже привыкнет к своей участи и научится любить ее. И будет рассказывать своим детям, что вот – тоже когда-то мечтал, было дело... Но – судьба. Такая у него сложилась судьба, ничего не поделешь.

Максим вдруг понял, что рассуждает о судьбе, словно его отец, и почувствовал себя так, будто бы надкусил лимон.

– Тебе учиться надо, голубчик, – сказал Беляев. – Ты же своим допотопным зверьем бредишь просто. Езжай в Буэнос-Айрес, поступай...

– Я не выдержу экзаменов в университет, вы же знаете, – тихо сказал Максим. – Мне там разве что сторожем в музей пойти.

– Какой музей? – слегка опешил генерал.

– Естественных наук, – усмехнулся Максим. – Там палеонтологическая коллекция – Европе не снилось...

Из-за стены донеслись громкие веселые голоса, шарканье босых ног, а следом – возмущенный женский вскрик. Генерал тревожно приподнялся на стуле, но в комнату уже вошла его жена.

– Заинька, Иван Тимофеевич, да что ж такое! – жалобно заговорила она. – Опять наши чингачгуки неглиже явились!

– Здравствуйте, Александра Александровна! – заулыбался Максим.

– А, здравствуй, здравствуй, – ласково закивала старушка. – Иван Тимофеевич, их человек десять, в саду ждут!

– Привыкнуть уже пора, милая, – усмехнулся Беляев в усы.

– Да ведь в город они хотят, Иван Тимофеевич. Опять ведь арестуют бедолаг, у них, простите, только спереди прикрыто слегка!

– Так выдай им штаны, голубушка.

– Нету больше, Иван Тимофеевич!

– Что ж ты будешь делать... Ну пижаму тогда. Найдется у нас пижама?

– Парочка даже найдется...

В комнату заглянул пожилой индеец, одетый лишь в набедренную повязку. Увидев Беляева, он радостно улыбнулся и поклонился.

– Великий Белый Отец, Алебук, приветствуя тебя, – почтительно проговорил он.

– Не трать так много слов, гость издалека, – улыбнулся генерал Беляев, тоже переходя на чимакоко, – садись и рассказывай, что нового происходит в Чако...

...Александра Александровна внесла самовар. Макс молча сидел над чашкой, слушая стариков. Те все говорили – о скучном урожае, о рыбалке, о том, что гринго поставили нефтяную вышку прямо на водопое, и охоты теперь в тех местах нет, зверь уходит, и индейцам приходится забираться все дальше в болота, чтобы добыть мясо... Иван Тимофеевич кивал, делал иногда

пометки в потрепанном блокноте. «Поговорю с министром, а толку», – бормотал он иногда по-русски и морщился, забирая в кулак бородку. Видно было, что генерал очень стар. Пожилой индеец на его фоне выглядел здоровым и крепким.

– Поговорю, – снова пробормотал Беляев, – может, полегче будет... Земля вот им должна принадлежать, Максимушка, вот им! – громко сказал он вдруг, тыча в вежливо улыбающегося индейца. – Остальное все – говорильня.

Неожиданно Максима охватила бессильная злоба – на отца, на его приятелей, дураков-эмигрантов, на неведомых гринго и министров... На себя, неспособного что-то сделать. На щуплого, маленького и такого слабого генерала.

– Коммунисты тоже так говорят, Иван Тимофеевич! – громко сказал он, и Беляев сморщился, будто проглотил порошок хинина.

– Ты чепуху несешь, Максим, – обиженно сказал он. – Видел я этих коммунистов... Глупости это, Максимушка, нельзя так.

– Что вы все – глупости, глупости! – почти закричал Максим, но всмотревшись в лицо генерала, осекся. Он с ужасом понял, что глаза старика блестят от слез. – Простите, Иван Тимофеевич, – тихо сказал он. – Простите...

Генерал, все еще морщась, неловко махнул рукой и отвернулся. Индеец тревожно следил за ними, вглядываясь в лица. Беляев громко высыпался и улыбнулся ему.

– Простите, – снова повторил Максим.

– Пустое... я ж понимаю, – откликнулся Беляев и снова заговорил с гостем.

Сгорая от стыда, Максим вышел в сад. Уехать! Прочь от людей, в сельву, в пустыню, на северный полюс. Записаться бы в какую-нибудь экспедицию, думал он, привычно погружаясь в фантазии. Хоть носильщиком, хоть землемекопом. В Аргентине вовсю идут раскопки – может, удастся устроиться... Извлекать из земли кости, восстанавливать облик

и жизнь странных, огромных зверей, пусть ученые думают, что делать с ними дальше, а ему, Максиму, хватит и такой цели – простой и ясной, занимающей разум и не ранящей душу. Прекрасный мир окаменелостей, в котором нет места несправедливости, страданию и потерям. Где нет этой убийственной, безнадежной жалости к близким, которым не в силах помочь...

– Максим! Поди сюда, голубчик! – взволнованно крикнул вдруг из дома генерал, и Максим, едва не сбив с петель ветхую дверь, бросился на зов.

Беляев оживленно рассматривал кусок серой, чуть смятой бумаги. Индеец следил за ним с довольной улыбкой, чуть кивая. Оглянувшись на топот Максима, генерал протянул ему листок.

– Посмотри-ка, – сказал он. – Это может оказаться по твоей части...

Максим всмотрелся в неумелый рисунок. На нем было странное животное с нелепо маленькой головой и широким, тяжелым крупом, крупными когтями на маленьких передних лапах и длинным узким языком. Мохнатое и неуклюжее, как медведь, оно стояло на задних лапах, чуть присев и опираясь на толстый хвост.

– Похоже на какую-то разновидность муравьеда или ленивца, – сказал Максим. – По такому рисунку трудно сказать точнее...

– Этот зверь зовется у лесных племен Чиморте. Он огромный, как дерево, – сказал индеец, и у Максима перехватило дыхание.

– Невозможно, – проговорил он. – Все крупные животные на это континенте вымерли задолго до...

– Значит, не вымерли, – сказал генерал. – В Чако по-прежнему может прятаться все, что угодно.

– Но вы же изучили его вдоль и поперек, – удивился Максим.
– Ваши карты, ваши дневники... Чако давно уже не белое пятно!

Беляев тихо рассмеялся. Пожилой индеец ухмылялся, качал головой.

– Именно поэтому я знаю, о чем говорю, голубчик, – сказал генерал смущенному Максиму. – Так что ты скажешь насчет зверушки?

Максим снова взглянул на рисунок.

– Это мегатерий, Иван Тимофеевич! – решительно сказал он.

– Считается, что он вымер. По геологическим меркам – не так уж и давно...

– Мы наткнулись на его следы во время экспедиции на Питиантуту, в глубине сельвы, – сказал Беляев. – Чимакоки, шедшие с нами, не имели представления о таких животных. След был старый, непосредственной опасности не предвиделось, так что мы не обратили на него особого внимания – поудивлялись и прошли мимо.

Максим возмущенно ахнул, попытался что-то сказать, но генерал жестом остановил его.

– Сам понимаешь, в тот момент нам было не до зоологии, – сказал он. – Не забудь, по сути это была военная экспедиция, мы должны были опередить боливийцев. За нами по пятам шли дикие лесные индейцы, припасы кончались... Но я попросил касика Шиди разузнать для меня что-нибудь, если выпадет случай. И вот животное нашли, и тридцати лет не прошло, – добродушно усмехнулся генерал. – Расскажи ему, Тувига, – попросил он.

Старый индеец вздохнул. Поначалу неохотно, но постепенно все больше увлекаясь, он рассказал, что в его племени есть человек по имени Кавима, нелюдимый и одинокий. В молодости он много путешествовал по Чако, но став старше, осел в поселке, которым правил Шиди, и возделывал небольшое

поле. Ни друзей, ни семьи он не завел и никогда не смотрел в глаза. Люди считали, что на душе у него лежит тяжелый грех. Большую часть свободного от работы времени Кавима проводил, либо сидя на пороге своей хижины и будто бы грезя наяву, либо охотясь в одиночестве на мелкого зверя.

Однажды во время охоты Кавима случайно выпил плохой воды и жестоко заболел. Потеряв разум от охватившей его лихорадки, он пытался вернуться домой, но вместо этого уходил все глубже в сельву. В конце концов, он оказался на территории, принадлежащей лесным индейцам – примитивным племенам, которые встречали стрелами любого забредшего к ним чужака. Гуарани боялись и ненавидели их – сельва была диким родным домом; они были неуловимы, невидимы, не знали пощады и милосердия, и, по слухам, ели человечину. Постоянного жилья у них не было. Племя кочевало по джунглям вслед за зверем и созревающими плодами, избегая страшных болот, в которых жили серые демоны. Говорили, что они лишают человека разума, а потом съедают.

Однако Кавиму по какой-то причине не тронули. Напротив – дикиари забрали его с собой и лечили отваром лианы, от которой душа Кавимы отправлялась в мир мертвых, тело же, наоборот, возрождалось. Постепенно он набирался сил и уже мог худо-бедно объясняться на языке лесных индейцев, когда однажды ночью проснулся от воплей ужаса и тяжелых шагов огромного зверя. Громко трещали, ломаясь под ударами исполинских лап, ветви деревьев. В свете луны Кавима смог разглядеть гигантское животное, ростом как четыре человека, вставших друг другу на плечи. Оно стояло на задних ногах, опираясь на хвост. На глазах у Кавимы оно сломало огромную ветвь дерева и вонзило в нее зубы. Его маленькие глаза светились алым, и когти были остree, чем у ягуара. Его вид наполнил сердце Кавимы страхом, и он побежал вместе со всеми.

Позже лесные индейцы рассказали Кавиме, что это бродит в тоске древний бог Чиморте, лишенный разума. Он является людям в облике гигантского животного – его тело, разделенное с душой, живет в сельве, как дикий зверь. Иногда он приходит во сне к спящим женщинам и очаровывает их. Тех, кто поддастся, изгоняют на болота, где в огромном доме, полном волшебных вещей, заперта его душа. Оттуда никто не возвращался, и ушедших женщин оплакивают, как мертвых.

Кавима и раньше во время своих путешествий слышал эту легенду, но телесное воплощение бога увидел впервые. Вернувшись домой, он рассказал о нем касику Тувиге. Тот, вспомнив о следах, заинтересовавших когда-то русскую экспедицию, попросил Кавиму сделать рисунок животного и вот теперь привез его Алебуку, Белому Отцу, выполнив наконец давнюю просьбу генерала...

Максим шумно вздохнул.

– Потрясающе, – проговорил он. – Иван Тимофеевич, это же все равно что мамонта в Сибири отыскать! Иван Тимофеевич...

Глаза Максима затуманились. На несколько секунд он глубоко задумался, а потом широко улыбнулся и тряхнул головой. Теперь он знал, что делать.

Беляев покачал головой.

– В Сибири на мамонтов не молились, их ели, – сказал он. – Ох, не нравятся мне эти древние суеверия...

– Ты постарел, Алебук, – жестко сказал индеец, когда Максим ушел. – Мальчишка завтра же побежит в Чако.

– Ну что ты, друг мой, – возмущенно всплеснул руками Беляев, – он прекрасно все понимает, просто немного слишком увлекся своим зверем. Надо же и на людей смотреть иногда! Эта история заставит его задуматься. Он же хороший, разумный мальчик!

– Авантуррист он, – неожиданно вмешалась Александра Александровна. – Яблоко от яблоньки...

– Ты ошибаешься, милая, – кротко возразил Беляев, – вот увидишь, теперь мальчик наконец-то возьмется за ум и подготовится в университет...

Пуэрто-Касадо, ноябрь, 1956 год

Максим растерянно стоял на пристани, мрачно озирая свое снаряжение. Ящики консервов, свертки сетей и веревок, гамак, москитная сетка, несколько ружей... Отдельно красовался завернутый в бумагу медвежий капкан, одолженный у соседа, бывшего начальника погранзаставы за Читой и страстного охотника, с невероятными приключениями и вне всякого здравого смысла дотащившего огромную железяку до Асунсьона. В шею Максима врезался ремень фотоаппарата. Совершенно не понятно было, как со всем этим добром добираться не то что до смутной точки в глубине сельвы, а хотя бы просто до гостиницы. Пароход ушел вверх по Парагваю, оставив Максима одного среди развороченной красноватой земли, луж и пыльных кактусов. Воздух дрожал и звенел; Максим в сотый раз осторожно хлопнул себя по шее и подумал, что Беляев ни разу не рассказывал, что Чако – это в первую очередь москиты, много, очень много москитов.

Максим зажмурился, смутно надеясь, что очнется дома, в Асунсьоне, и злобно застонал, когда москит впился ему в веко.

– Буэнос диас, синьор, – послышался откуда-то сверху неуверенный голос. Максим открыл глаза. Перед ним возвышался сидящий на облезлой чалой кляче маленький щуплый индеец. Вторая кляча, гнедая и не менее облезлая, топталась позади, привязанная за повод к седлу. Индеец смотрел на Максима с недоумением, явно не понимая, в какую категорию определить пришельца и на каком языке с ним разговаривать.

– Доброе утро, – уныло ответил Максим на гуарани. Индеец довольно хмыкнул.

– Меня зовут Хосе, – сказал он, слегка приподнимая потрепанную соломенную шляпу. – Я могу довезти ваши вещи до гостиницы.

– Огромное спасибо! – воскликнул Максим. – Вы меня просто спасете.

– Приехали по делу? – спросил Хосе, спешившись и с любопытством озирая баулы Максима.

– Я приехал ловить зверей, – ответил Максим, чувствуя себя идиотом. – Вот таких, – и он зачем-то протянул индейцу рисунок, бережно хранящийся в нагрудном кармане рубашки и уже порядком истрепавшийся.

Издалека донесся крик парохода. Желтая вода ходила плоскими волнами, и на них плясали радужные нефтяные пятна. На кактус налетела мелкая пичуга, ловко нырнула между страшными иглами и упорхнула, унося в клюве изувеченного жука. Хосе сощурился, поправил шляпу и дернулся переступающую с ноги на ногу лошадь.

– Я ловил зверей для одного бородатого гринго, – гордо сказал он, рассматривая картинку. – Два... Нет, три года назад. Тот гринго был совсем сумасшедший – забил зверем весь дом синьоры Паулы и платил деньги даже за лягушек. Я учил его ловить оранжевых броненосцев – глупые звери. Я поймал ему много животных. Но, конечно, не таких больших, – и он снова уважительно взглянул на набросок мегатерия, рядом с которым Максим для масштаба нацарапал дерево. – Говорят, гринго написал об этом книгу... Говорят, это хорошая книга, смешная, – индеец сморщился.

– Я тоже напишу потом книгу, – выпалил Максим прежде, чем успел обдумать эту потрясающую идею. Он с детства занимался рассказами о приключениях и путешествиях, не спал ночами, глотая страницу за страницей, и мысль о том,

что, обнаружив и изучив мегатерия, он сможет сам написать нечто подобное, заворожила его. Не просто найти животное, а потом со снимками и описанием заявиться к какому-нибудь маститому палеонтологу (какому именно и что будет дальше, Максим собирался придумать потом), а написать целую книгу! Назвать ее «Сквозь дебри Чако за мегатерием» – что-то в этом роде... Максим едва не заорал от восторга, представив яркую обложку.

– Говорят, этот грingo написал, как мы с ним охотились, и даже как я принес ему броненосца и напугал синьору Паулу, – ухмыльнулся Хосе. – Но он даже не назвал мое имя. Индейцы ему все на одно лицо.

– Я назову твое имя! – быстро сказал Максим. – Я всем расскажу, какой ты хороший охотник и проводник! Я напишу книгу на испанском, и ты сможешь прочесть ее сам.

Хосе пожал плечами.

– Я не умею читать, – сказал он. – И я не знаю, где водятся такие звери.

Максим торопливо вытащил карту.

– Все очень просто, – сказал он. – Смотри: надо переправиться через реку и идти прямо на северо-запад,

– Долго идти?

– Примерно до границы с Боливией, – небрежно ответил Максим и покраснел.

Сделать вид, что пятьсот километров через болота и леса Чако – всего лишь небольшая прогулка, не вышло. Узкие глаза Хосе широко раскрылись, стали почти круглыми. На секунду Максиму показалось, что индеец сейчас разразится руганью, но тот вдруг хлопнул себя по коленям и рассмеялся.

– А ты еще безумней, чем тот грingo, – проговорил он, утирая слезы.

ГЛАВА 4

ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Москва, сентябрь, 2010 год

Сергей Тихонов любил рынки – за яркие краски, неожиданные сочетания, ритмичные линии, любил пеструю толпу и неожиданные запахи. Любил бродить с фотоаппаратом или пустыми руками, между рядами, шумно и насмешливо торговаться, запоминать лица и сценки или просто бездумно глязеть по сторонам. Любой базар завораживал его – будь то огромная барселонская Бокерия или пыльный придорожный развал в Турции. Именно там Сергей купил небольшой кальян и, вернувшись в Москву, обнаружил, что добыть табак для него – дело довольно хлопотное и дорогое. Именно тогда жаждущий кальянных посиделок приятель и привел его впервые на самый странный рынок из всех, на которых довелось побывать Сергею.

В гостинице «Севастополь» на Каховке уже много лет никто не жил. Каждая комната здесь была превращена в магазинчик, в котором торговали копеечным китайским ширпотребом, всякими игрушками, сумками, канцелярией и прочим ассортиментом ларьков в переходе метро, но главное – бусами. Суровые деловитые тетки закупали их килограммами и развозили по всей стране, выдавая потом за авторские украшения или местные сувениры. Но по большому свету нанизанные на леску стекло и камень были не готовыми вещами, а полуфабрикатом, материалом для всевозможных украшений.

Сергею нравилась пестрота этих магазинчиков, стены, сплошь увешанные нитями бус, прилавки, под стеклом ко-

торых тускло поблескивали камни. Нравилось наблюдать за рукодельницами, азартно роющимися в мешках, набитых разномастными бусинами. Бродить по коридорам «Севастопольской» можно было весь день. Дня у Сергея не было, но потратить хотя бы час на бестолковое, но приятное блуждание он мог.

Рассовав пачки табака по карманам, художник поднялся по прокуренной лестнице на несколько этажей и наугад заглянул в первую попавшуюся комнату. Продавец старательно подсчитывал набранные покупательницей сокровища. Как и положено индийскому рынку, продавцы большей частью были индусы и афганцы, но здесь торговал китаец – маленький, худенький, весь какой-то особо чистенький. Очечки, галстук, вязаная жилетка, улыбка – классическая китайская. Покупательница развалилась на стуле рядом – слоноподобная старуха ростом под два метра и такая же в обхвате. Крутые сиреневые локонь. Багровый носище. Огромный берет с алой розой. Ажурный балахон с люрексом, размером с палатку, из-под которого проглядывали необытные изумрудные шелка. Строго глядя на продавца, она гремела и грохотала:

– А вот эти бусы хорошо берут? Точно хорошо? Смотри мне! Не пойдут – все верну!

И маленький китаец кивал:

– Да, мама. Конечно, мама. Обязательно, мама.

Сергей тихо рассмеялся и вышел. У рынка были свои тайны и подводные течения, прорывавшиеся иногда на поверхность вот такими всплесками абсурда. Сергей продолжал бродить по коридорам, заглядывая в каждую комнату по очереди, кивал равнодушным продавцам, иногда останавливался недолго, радуясь неожиданному сочетанию красок, вертел в руках нити стекляшек, выглядевших, как сокровища из пиратского сундука... Продавцы не обращали на него внимания – в «Севастопольскую» часто приезжали, как на экскурсию;

другое дело, что обычно это были юные девочки, держащиеся испуганными стайками и шарахающиеся от щедрых на комплименты торговцев. Однажды Сергей пришел сюда с фотоаппаратом, но быстро понял, что это плохая затея, едва видев камеру, индусы аккуратно вытесняли его из комнаты, не давая сделать ни кадра. Приходилось полагаться только на память. Со стороны он, наверное, выглядел не менее странно, чем юный китаец, называющий русскую старуху мамой. Что делает в лабиринте, набитом девичьими радостями, здоровенный, неприметно одетый мужчина, с порога внимательно оглядывающий каждую комнату? Подводные течения и круги на воде... Что делает врач из Аргентины в самолете, набитом лошадьми? Вот эти стеклянные бусы – как вода в Карибском море, вода под крылом самолета... Вот эти, каменные – как чалая конская шерсть. Пора уходить, картина почти закончена, но еще ждет последних штрихов. Еще один этаж, еще пара комнат, и домой.

Юльке сегодня везло. Чудесный, весь в крошечных трещинках «агат из Заира, очень редкий, только опт» пятью этажами выше оказался агатом бразильским, продавался по одной нитке и стоил в полтора раза меньше. В соседней комнате ее напоили чаем, бледным и пахучим, и вывалили на прилавок целый пакет обточенных раковин. Она долго копалась в них, выбирая поровнее, чтобы лучше ложилась краска, под маслянисто-ласковыми взглядами продавцов, и под конец вдруг нашла раковину нежно-кремовую, в розоватых полосах, рисунок которых складывался в какое-то волшебное дерево – только чуть-чуть подчеркнуть, и выйдет удивительной красоты кулон.

Да, день был удачный. Расхрабрившись, Юлька чуть ли не боком протиснулась в комнатку, где торговали фурнитурой, пол был заставлен коробками, из которых вываливались

связки кожаных шнуров и пакеты цепочек. Здесь ее, покупающую по мелочи, могли и послать. Однако продавец по кличке Джекил и Хайд, молодой индиец, похожий на печально пса, сегодня пребывал в ипостаси Джекила – не бурчал «только опт», не зыркал мрачно на надоедливых девиц, которые покупают на копейку, а в лавке торчат по часу. Юлька вышла от него с колючим пакетом штифтов цвета старой меди, длинных и тонких, с кучей каких-то медных и латунных замочек, шапочками на бусины и прочей звенящей, совершенно необходимой чепухой. Не удержалась, прихватила нитку поддельной бирюзы, яркой, как тропическое море, обработанное фотошопом.

Денег почти не оставалось. Еще нитка чего-нибудь – и домой, решила Юлька.

На этом этаже продавали жемчуг. Сергей замер на пороге первой же комнаты, любуясь нежными переливами цвета: от приглушенных оттенков белого – к розоватому, серому, черному... Тысячи жемчужных нитей мягко блестели в электрическом свете, и только два темных пятна нарушали порядок мерцающих рядов.

В дальнем углу мялся продавец, поглядывая на девушку в узорчатом пончо, та залезла на стремянку, чтобы рассмотреть что-то в верхнем ряду. За прилавком рядом с дверью пожилой сикх и маленький небритый афганец в темных очках торопливо ели из пластиковых лотков карри. И где они берут его в Москве? Вон, этикетки на коробках – явно не сами готовили... От одуряющего запаха желудок Сергея громко заурчал, напоминая, что чашка кофе – все-таки маловато для завтрака. Сикх зыркнул на него исподлобья и снова погрузился в тарелку; афганец перестал есть и подозрительно уставился на художника сквозь непроницаемо-черные стекла очков. Взгляд был неприятный, давящий. Сергей хотел уже выйти, но тут

девушка на стремянке повернулась в профиль – и художник немедленно передумал. Да пусть смотрят как хотят! Такие лица в Москве запросто не встретишь, и Сергей не собирался упускать удачу.

– Это боливийский морской жемчуг, – сказал продавец, указывая на бусы в руках девушки. Она на мгновение замерла, а потом едко расхохоталась. Продавец помрачнел, покосившись на сикха, он снял еще одну нить.

– А это...

– Спасибо, – оборвала его девушка. – Пожалуй, обойдусь без жемчуга сегодня.

Она спорхнула со стремянки. Секунду спустя девушка проплынула мимо Сергея и вышла в коридор.

Как загипнотизированный, Сергей двинулся следом. К счастью, далеко девушка не ушла: выйдя на лестницу, она закурила, достала смятый листок бумаги и с довольным и сосредоточенным видом погрузилась в записи.

– Боливийский морской жемчуг, – негромко сказал Сергей. – Подводные лодки бороздят просторы Каракума...

Девушка рассмеялась, закидывая голову, отбросила со лба кудри и с интересом посмотрела на Сергея. Он с изумлением увидел, что ее глаза, и без того странные, неестественно яркие и светлые на таком смуглом лице, еще и разного цвета – синий и зеленый.

– Ребята стараются, как умеют, – с улыбкой сказала девушка.

– Однако Боливия меня сегодня прямо преследует!

Девушка вдруг осеклась и помрачнела. Бросив на Сергея подозрительный взгляд, она швырнула окурок в ведро, пробормотала, что ей надо идти, и почти побежала вниз по лестнице.

Сергей растерялся. Вроде бы только что девушка была вполне настроена поболтать. Все шло по плану. Легкий треп, знакомство, приглашение... Да не в первый же раз он заманива-

ет к себе новую натурщицу! И почти все они соглашались: даже те, кому не нравился лично он, не могли устоять перед предложением стать моделью для новой картины. В тех редких случаях, когда Сергею отказывали, причина была либо в слишком ревнивом муже, либо в выматывающей работе... В общем – причина была. Ни разу его еще не отвергали без объяснений. Правда, и модель, так идеально подходящая к настроению, ему до сих пор не попадалась... Сергей бросился следом.

– Подождите! Да подождите же!

Девушка замерла, тревожно глядя снизу вверх, и Сергей вдруг понял, что она очень маленькая и хрупкая под своим огромным пончо. На долю секунды он отключился, прослеживая взглядом линию скул и рта, подбирая краски, которые точно передадут теплую смуглоту кожи, но тут же встряхнулся.

– Я вас чем-то напугал? – с любопытством спросил Сергей.

– Еще чего! – задиристо ответила девушка. – Не понимаю только, что вам нужно.

– Я – художник, а вы – моя идеальная модель, – медленно заговорил Сергей. Девушка подозрительно нахмурилась, и он добавил: – Нет, не ню... Хотя – посмотрим.

– Ну вы...

– Я хочу вас рисовать, – не дал договорить ей Сергей. – А еще я очень хочу есть. Даже – жрать. И вот я стою и разрываюсь между идеальной моделью и куском мяса. Представляете, как мне тяжело?

– По-моему, вы не художник, а псих, – сказала Юлька, пожимая плечами. – Не редкость. Здесь место такое.

– Я, к сожалению, абсолютно беспросветно нормален. Дадите мне телефон?

– Нет, – с вызовом ответила Юлька, с трудом уже давя смех.

– Тогда поехали со мной. Я вас покормлю, и вы сразу станете добре.

- Вы всегда так знакомитесь?
- Нет, обычно я делаю это еще изящнее. Но от голода я глупею...
- Оно и видно, – ответила Юлька.

Юлька смотрела, как Сергей, скептически задрав брови, вертит в своих больших руках ее визитку. Весь он был большой и какой-то очень уютный, и даже многодневная щетина его не портила. Крупные черты лица. Крупные кудри русых волос. Светлые большие глаза и чудесная улыбка, которой щель между крупными передними зубами только добавляла обаяния. И его машина, на которой они доехали от Севастопольской до какого-то мексиканского ресторанчика, была тоже большая, а еще черная – больше Юлька, очень слабо разбирающаяся в технике, сказать не могла. Ну разве что – мыли эту машину очень редко, а ездили на ней по не самым лучшим дорогам.

- «Ковбой на пыльном вороном, ну надо же! – подумала Юлька.
- Надеюсь, он спит со своими моделями...»
- Гумилева... – заговорил Сергей, положив визитку в нагрудный карман. – Случайно не родственница поэта? Что вы смеетесь?
- Я всегда смеюсь, когда радуюсь, – ответила Юлька. – Обычно спрашивают, не родственница ли я миллиардера.
- А вы?...

– Только если он – родственник поэта, – улыбнулась она.

Где-то далеко-далеко, там, где корни деревьев сжимают сердце земли, где Анды вспарывают брюхо пасмурного неба, эта женщина собирала травы и кралась с копьем по следу пугливой капибары; сидя у костра и обхватив колени, чутко вслушивалась в мягкие шаги ягуара во тьме, и ее ноздри трепетали от запахаочных цветов; танцевала, смеясь, скаля белые зубы, над потеющим миссионером с крестом на узкой и бледной, как

рыбье брюхо, груди; с автоматом в руках пробиралась с партизанским отрядом сквозь сельву, чтобы вернуть ей свободу. Десятки, сотни прекрасных картин проносились перед глазами Сергея; Юлька болтала, размахивая вилкой, и он отвечал ей, но мыслями был далеко.

– Я даже не поленился выучить испанский, – говорил Сергей.
– Мне просто все это очень нравится, прет с самого детства. Мои предки были поморами, с чего меня повело в эту сторону
– сам не знаю. Испанцы, индейцы, Гойко Митич...

– Мой дед по маме наполовину индеец, – вставила Юлька, отправляя в рот очередной кусок мяса. Сергей моргнул, возвращаясь в реальность. Ничего себе! Правда оказалась не хуже вымысла...

– Североамериканский? – осторожно уточнил художник.
– Парагвайский... Что вы на меня так смотрите? – рассмеялась она. Сергей впился в нее горящими глазами, на лице пропало радостное предвкушение. – Вы все-таки маньяк, – сказала Юлька. – И не надейтесь, я с ним даже не знакома.

Сергей шумно выдохнул и с разочарованной гримасой откинулся на спинку стула.

– Да и бабушка, кажется, не очень, – задумчиво продолжала Юлька. – Жил где-то там... – она неопределенно помахала рукой. – Может, и сейчас живет, не знаю. Где-то там... Может, в Боливии...

С каждой фразой ее голос становился все тише, и в конце концов Юлька замолкла, ошарашено глядя в горшочек с мясом. Действительно, что мешало деду поселиться в Боливии? А потом прислать ей фигурку броненосца... «Будь осторожная, он может сделать тебе бред». Хорош подарочек, ничего не скажешь.

– А бабушка? – спросил Сергей.
– Ой, да, наверное, знает, – откликнулась Юлька и схватилась за мобильник. Сергей удивленно задрал брови, с улыбкой на-

блюдая за девушкой. – Черт, спит уже... – разочарованно пропянула она, посмотрев на часы.

– Так откуда бабушка? – напомнил о себе художник.

– Из Конго, – рассеянно ответила Юлька. – Африканская ведьма. Ну и я по наследству немногого. Так что будь осторожен.

Сергей хмыкнул.

– Спасибо, что предупредила. А родственница Гумилева ты через отца?

– Не-а, как раз через маму...

– О, как!

– Слушай... – Юлька покусала губу. – Я сейчас так себе собеседница, да? Мозги совсем не варят.

– Не, ну почему же, – вежливо запротестовал Сергей. – Если бы ты блистала интеллектом, я бы чувствовал себя подавленным, у меня бы появились комплексы...

Юлька хихикнула.

– Понимаешь, со мной сначала случилась загадочная чепуха, а потом – ты, и все за один день. Мне бы сейчас кофе и спать... А про Гумилева – это семейная легенда. Русский поэт проездом в Джибути заглядывает в публичный дом... Что? – Юлька вызывающе вздернула подбородок. – Мои африканские родичи слишком нахлебались всякого, чтоб стесняться таких подробностей.

– Я и не говорю ничего, – поднял руки Сергей.

– Короче, имя совпадает и время тоже.

– А фамилия?

– До получения паспорта я была Степанова, – рассмеялась Юлька. – И меня это бесило... ладно бы еще отец был рядом, так ведь я его видела за четырнадцать лет – раз пять.

Она сердито покачала головой, откинула со лба волосы. Смущенно замерла, перехватив внимательный, чуть насмешливый взгляд художника.

– Что?

– Поедешь ко мне? – спросил Сергей.

– Что, прямо сейчас? – растерялась Юлька. Сергей улыбнулся, слегка пожал плечами. – Поеду, – сказала Юлька и шумно отхлебнула кофе.

– Я с детства стараюсь выглядеть живописно, – говорила Юлька. – А когда меня собрались наконец живописать, растерялась... Ты извини, я тебе там наговорила всякого.

Горячий кофе сильно отдавал корицей. «Кофе не из лучших, – объяснял Сергей, отмеряя специи, – зато он с кубинской плантации в Сьерра-Маэстре. Это потому что я рисовал Че Гевару. Этот кофе вырос практически на его следах». Юлька расхаживала по студии, ненадолго задерживаясь перед прислоненными к стенам холстами. Потрогала пальцем подсохшую краску на палитре. Остановилась у почти готовой картины, всматриваясь в выступающие из полутьмы конские морды.

– Хорошая, – сказала она.

– Нравится? – оживился Сергей. – Она сейчас моя любимая. Не стану продавать в ближайший год, мне ее даже на выставку отправлять жалко. А может, и вообще не продам. А то живу, как сапожник без сапог, – он махнул рукой на голые стены, покрытые белой штукатуркой. Рядом с компьютерным столом темнели пятна – похоже, там когда-то расплескали красное вино.

Юлька снова обошла студию по кругу. Сергей, сидя на табуретке посреди комнаты, торопливо делал наброски в альбоме. Под цепкими взглядами художника Юльке стало слегка неуютно.

– Мне стоять как-то надо или что? – спросила она. – Ну, позировать как-то?

– Да нет, ходи, если хочешь, – рассеянно откликнулся Сергей. – Хочешь – ходи, хочешь – лежи... Можешь раздеться, если хочешь...

Юлька взглянула на него с деланным возмущением, но Сергей полностью ушел в работу, и вид у него был совершенно невинный. Она отхлебнула кофе из огромной кружки. Другая, не менее объемная посудина виднелась из-под растрепанного журнала на широком лежбище, заваленном красками и бумагой.

– Могу и раздеться, – сказала Юлька и примостила кружку на компьютерный стол.

Сергей рисовал. То ли его деловитый настрой оказался заразительным, то ли Юлька совсем застеснялась, но задуманный ею изначально медленный и чувственный стриптиз провалился. Вместо того чтобы дразнить и изгибаться, Юлька запрыгала на одной ноге, стягивая джинсы. Воротник свитера оказался слишком узким, и ей пришлось долго вертеть головой, чтобы выбраться на свободу. Наэлектризованные волосы громко затрещали, когда она убрала их с лица. В комнате было тепло, но когда Юлька сняла белье, ее слегка передернуло. Броненосец на шее качнулся, разбрасывая блики.

– Какая интересная вещь, – заметил Сергей. – Это тоже ты сделала?

– Ой, я совсем забыла... – Юлька испуганно прикрыла кулон рукой. – Ты, пожалуйста, не рисуй его, ладно?

Она подалась вперед, губы испуганно приоткрылись, странные разноцветные глаза расширились – он много раз видел такое выражение у девушки, скромно прикрывающих грудь, но здесь ладонь лежала выше, пряча лишь украшение. В этом было что-то новое, что-то таинственное... Сергей торопливо зачеркал карандашом.

– Вот так и стой, – сказал он.

Через пару минут Юлька начала беспокоиться. Она переминалась с ноги на ногу, закатывала глаза и один раз даже показала язык, но Сергей был поглощен рисунком. Такой холодный, оценивающий взгляд... Так не на живую девушку

смотрят, а на набор линий и цветных пятен. Юлька начинала чувствовать себя каким-то пейзажем. А вдруг этот художник – скромный, приличный человек и никогда не пользуется своей профессией для того, чтобы соблазнять девушек? Это было бы ужасно.

– Не могу больше, – сказала Юлька вслух и решительно подошла к Сергею вплотную.

Чтобы поцеловать его, ей пришлось встать на цыпочки. У него оказалась мягкая щетина и горячие губы, и пахло от него красками и кофе.

– Вот как? – проговорил Сергей. Юлька закусила губу и кивнула. Рассмеявшись, художник подхватил ее на руки. Юлька взвизгнула.

– Где-то здесь у меня была кровать… – бормотал Сергей, убирая одну руку. С грохотом свалилась сброшенная на пол коробка с красками, следом посыпалась бумага и книги. Жалобно зазвенела чайная ложка. Юлька почувствовала, что сползает, и вцепилась в Сергея, стараясь подтянуться повыше. «Лазаю, как по баобабу», – подумала она и хихикнула.

– Что? – спросил Сергей. Под ногами раскатисто загремело – кажется, теперь он сбросил на пол кружку из-под кофе.

– Значит, ты все-таки спиши со своими моделями, – довольно проговорила Юлька, зарываясь лицом в широкое плечо.

– А как же, – ответил Сергей и выключил свет.

– Жюли, – прогудела бабушка, – ты ничего не хочешь мне рассказать?

Юлька растерялась. Когда-то бабушка очень часто задавала этот вопрос, и это означало, что каким-то образом Мария признала, что Юлька ночевала вовсе не у подруги. Или почуяла запах табачного дыма, исходящий от школьной формы. Или догадалась, что хронические тройки по химии уже превратились в полновесные пары, и внучке грозит двойка за год… Но

Мария давно уже перестала вмешиваться в Юлькину жизнь, справедливо полагая, что повзрослевшая внучка разберется сама – а от нее теперь требуется только вовремя пустить под крыло, если уж выпадет тяжелое время. Дать отсидеться в тепле и безопасности, выплакаться, когда надо, и снова отпустить на волю. За это Юлька всегда была бабушке благодарна. И вдруг такой вопрос...

От неожиданности она вдруг почувствовала себя напортачившим подростком. Мозг судорожно перебирал последние поступки, пытаясь понять, в чем именно надо признаться. Сигареты? Юлька давно курит в открытую. Пара бутылок пива, выпитого с подругами позавчера? Даже не смешно! И не ночевки же в студии она имеет в виду?! После всех ее романов и романчиков, после того, как Юлька три года прожила с приятелем-байкером и чуть не вышла за него замуж? Да и вообще – на фоне бабушкиных эскапад она просто скромница!

– Бабушка, ты о чём вообще? – спросила наконец Юлька.

– В зеркало на себя посмотри, – ответила Мария.

Совсем сбитая с толку, Юлька бросилась в ванную, включила свет и застыла, глядя на свое отражение. С ним действительно что-то было не так. Протерев глаза, она посмотрела на себя внимательнее. Лицо чистое. Прическа в порядке... Вернее, в буйном беспорядке – как всегда. Ни прыщей, ни мешков под глазами... Глаза! Юлька сдавленно пискнула и зачем-то потрогала отражение пальцем. Ее глаза, темно-карие, почти черные, поменяли цвет. Один стал синим. Другой – зеленым.

«Чепуха какая-то», – пробормотала Юлька. Она видела такие глаза. Раньше – чаще, последние годы – реже, но видела и знала.

«Мне пора развеяться», – говорила бабушка и удалялась в свою комнату. Выпрыгивала оттуда, пахнущая духами, в немыслимом, пестром, как стая тропических птиц, платье, с

блестящей яркой помадой на пухлых губах – и с разными глазами. Один синий, другой – зеленый. Такими же, как сейчас у Юльки...

– Бабушка у нас немножечко влюбилась, – говорила мама, сердясь и смеясь одновременно.

– В кого? – удивлялась Юлька.

– А это она сейчас пойдет и выберет...

Бабушка возвращалась под утро, а то и через сутки, с темным румянцем на шоколадных щеках, вся какая-то особенно плавная и сильная, прямо-таки дышащая бурной энергией. Юлька почти видела, как от седых бабушкиных волос летят искры.

– Это смахивает на банальный вампиритм, – говорила мама.

– В любви нет ничего банального, Кати, – гудела бабушка, – ты позже поймешь.

Мама качала головой и закатывала глаза, а бабушка удалялась к себе. Выходила, одетая в привычные шерстяные брюки и вязаную кофту. И глаза у нее снова были темно-карие...

– У нас это что, семейное, по наследству? – спросила Юлька, возвращаясь в комнату. – Я теперь должна пойти развлечься? Но я не хочу.

Бабушка покачала головой. В глазах у нее была тревога, почти страх, и Юльке стало не по себе.

– Или это потому что я влюбилась? – вымученно улыбнулась она. – Так это ничего. Это ведь хорошо даже! Бабушка? Ну что случилось?

– Принеси шкатулку, – сказала Мария.

– Не понимаю только, откуда у тебя на это силы берутся, – сказала Юлька, вертя в руках обезьянку. – Это ж отшивать замучаешься!

– Да, да, – покивала бабушка. – А уж обидно иногда было! Вот бельгийский инженер... Красавец... – ее взгляд затуманился.

– Проходу мне не давал. Пытался Андрея бить, хоть и аристократ... Добрый был. Все переживал, что жизнь такая несправедливая, жалел нас, детей подкармливал... – Мария помолчала, глядя в пространство. – Съели его.

Юлька закашлялась. Еще в детстве она как-то догадалась, что о жизни в Африке бабушку лучше не спрашивать.

– Так ты все-таки любила деда? Или это из-за того, что он советский был?

Мария недоуменно взглянула на внучку.

– Ну, коммунизм... Ты же с ними была не просто так? Верила?

– Поначалу верила, – вздохнула Мари. – Коммунизм я возненавидела вместе с твоим дедушкой. Такая же иллюзия, морок, как его чувства и наше будущее. Дело не в этом. Я жить хотела! Долго. Сильно! Я думала – почему эти белые женщины остаются красивыми и сильными, а я в тридцать пять буду дряхлой старухой со слоновыми ногами? Если еще раньше не умру от малярии или сонной болезни... Если не убьют бандиты из соседнего племени... Я думала – наверное, холода сохраняют их, как кусок мяса на леднике. А Андрей рассказывал, что в России очень холодно. Рассказывал совершенно невероятные вещи – про снег, про замерзшую воду, узоры на стекле... Я хотела законсервироваться. – Мария задумалась, а потом усмехнулась: – И знаешь, Жюли, это сработало.

– Я вижу, – улыбнулась Юлька.

– Сила самовнушения! – гордо произнесла бабушка. – Никакому мединституту ее не побороть.

– Но форточку я все-таки прикрою. Не растаешь, – Юлька погасила сигарету и закрыла окно. – Значит, волшебная вещь? И дает особенные способности? Какие? Кроме того, что глаза становятся разными? Знаешь, Сергей, наверное, в основном из-за разных глаз с ума сходит. А я и не знала... Если я пере-

стану носить броненосца – он, может, и рисовать меня расхочет, кто их знает, этих художников!

– Может, лучше и не знать. Ни художников, ни умений особых... Нечеловеческие это вещи, плохие.

Мария помолчала, машинально ковыряясь в трубке. Вздохнула, раскрыла пачку табака.

– Сдается мне, я уже однажды видела эту вещь, еще в Конго. Мельком, буквально секунду – когда мы с Максом... Ну, ночи в Африке темные, а тут он решил сигару выкурить. И странные же вещи со мной тогда происходили! А твой дед никогда не снимал черных очков, все говорил, что от солнца глаза болят...

Юлька кивнула.

– Значит, он мне эту штуковину прислал, да? Но зачем?

– Припрятала бы ты ее подальше, – ответила бабушка.

Наверное, выходов из метро на Китай-городе существует не полсотни, как казалось Юльке, а поменьше. Но мимо нужного она, конечно, промахнулась, да еще на поверхности свернула не в ту сторону. Возвращаясь, попыталась срезать дорогу, забрела в какой-то глухой переулок и в результате на место встречи опоздала на четверть часа, а то и больше. Она уже подбегала к углу Маросейки и Златоустинского переулка, когда в кармане нетерпеливо завибрировал мобильник. Повертея головой, Юлька увидела неприметного мужчину лет тридцати, который, встревожено хмурясь, прижал к уху телефон.

– Алекс? – спросила Юлька, подходя. Мужчина убрал телефон и кивнул. – Извините, что опоздала, – пробормотала Юлька, скидывая с плеча рюкзак.

Пакет из шелковистой и рыхлой, вручную отлитой бумаги был компромиссом между стремлением Юльки упаковать вещь как можно красивее и вполне очевидным желанием заказчиков сначала рассмотреть то, что они покупают. Алекс вытряхнул колье на ладонь и довольно хмыкнул.

– Аметисты, – гордо прокомментировала Юлька, засовывая деньги в карман. – Жемчуг речной, конечно. Перламутр с росписью...

– Она будет в восторге, – сказал Алекс и бережно уложил колье обратно. – И упаковывать не надо – как раз пакетик такой... свадебный.

– Ой, – испугалась Юлька. – Так вы... Сказали бы! Я бы хоть замочек серебряный поставила, что ли...

– Однокурсница замуж выходит, – объяснил Алекс.

– А! Я думала, вы своей, – пробормотала Юлька, успокаиваясь. – Тогда нормально, ей должно понравиться.

– Я уверен, – улыбнулся Алекс и пристально посмотрел на Юльку. Та, собравшаяся уже попрощаться и уйти, вопросительно приподняла брови. – Выпьете со мной кофе? – неожиданно спросил Алекс.

Юлька посмотрела на часы и пожала плечами.

– Это же вы фламинго нарисовали, да? – спросил Алекс, увлекая ее вверх по Маросейке. – Знаете, я в детстве не вылезал из зооуголка в городском саду – такой крохотный зоопарк в маленьком провинциальном городке. И вот однажды пара фламинго... Вы же знаете, что цвет фламинго определяют микроскопические красные водоросли, живущие в перьях?

– О! – потрясенно воскликнула Юлька и даже приостановилась от удивления. Широко распахнутые глаза уставились в пространство. – Я не знала! Водоросли в перьях?

– Да, – улыбнулся Алекс. – В шерсти ленивцев, кстати, тоже – поэтому у них зеленоватый мех. Как у шанхайских барсов, – добавил он. Юлька с подозрением взглянула в его лицо, но увидела лишь невинную увлеченность и симпатию. – Так вот, эти фламинго...

Юлька, как загипнотизированная, вошла в распахнутую перед ней дверь кофейни.

ГЛАВА 5

СЛЕД МЕГАТЕРИЯ

*Из дневника Дитера
Ятаки, сентябрь, 2010 год*

Деревня кипит: ожидают приезда какого-то очень сильного шамана. Уроки были сорваны, дети совершенно не могут со- средоточиться – мне пришлось отпустить их раньше времени. Половина жителей столпилась на пристани. Следом за визжающими от восторга учениками я пошел к реке: хоть какое-то событие; да и общий ажиотаж захватывал.

Я ожидал увидеть древнего полуголого старца, увешанного амулетами. Однако, к моему удивлению, из лодки вышел крепкий, чуть полноватый мужчина лет тридцати-сорока – я так и не научился определять возраст индейцев на глаз. Никаких амулетов и набедренных повязок – как и все местные жители, шаман носит футболку и шорты с кучей карманов. Судя по имени, его родители тоже были коммунистами. Я перестал пытаться понять местные хитросплетения. Таня права – здесь все слишком перемешалось.

Вот и этот шаман, говорили, приехал, чтобы посетить монастырь. Я не могу понять, какое ему дело до католиков. Но несколько дней Ильич должен провести в Ятаки, и к нему уже выстроилась очередь. Шаман остановился на краю деревни, в хижине какого-то дальнего родственника. Из любопытства я как бы случайно прошел мимо – и чуть не рассмеялся в голос: Ильич раздавал упаковки антибиотиков! Шаман-то оказался мошенником... или наоборот, очень умен? Надо бы с ним поговорить.

Тем же вечером заглянул к нему. Чисто этнографическое любопытство; в конце концов, какой смысл жить среди индейцев, если не интересоваться такими вещами. По дороге встретил малышку Иту, и та поделилась радостью: шаман сказал, что старший брат, подавшийся чернорабочим к нефтяникам год назад, заработал много денег, скоро вернется на новой лодке и привезет ей платье.

Я ожидал, что шаман будет напускать таинственность, как и положено деревенскому жулику. Но Ильич вел себя очень скромно. Удивительно – у него речь хорошо образованного человека. Говорит, он всего лишь проводник, никаких особых знаний у него нет, и он просто слушает дух аяvasки. Очень удобная, если вдуматься, позиция: всегда есть на кого свалить неудачу. Ильич рассказывал, как для исцеления сосредотачивается на больном, и аяvasка подсказывает ему, какое растение может излечить недуг. И как спускается в нижний мир, чтобы человек мог поговорить с мертвymi...

– Тебе ведь надо поговорить с кем-то? – неожиданно спросил он.

Я растерялся, а может, это было нечто вроде гипноза. Так или иначе, я вдруг услышал себя будто со стороны. Я говорил, что хочу встретиться с Мартой... Ильич кивнул.

– Так зовут девочку, которую ты убил? – спокойно уточнил он.

Я ушел, не став слушать наглого жулика дальше. Долго сидел у воды, пытаясь разобраться, как эти слухи могли догнать меня здесь. Теперь понятна настойчивость отца Хайме и косые взгляды местных жителей. Возможно, они просто хотят оправдать свою застарелую ненависть к пришельцам. Возможно, боятся, что я проникну в их тайны. Я видел, как доморощеный художник малевал ретабло с благодарностью Святому Чимортэ, но отец Хайме отказался разговаривать со мной об этом святом – вместо этого он снова пристал ко мне с исповедью.

Я почти забыл Марту, мои ночные кошмары приходят с болот. Но мне некуда бежать отсюда, я заперт на краю света с горсткой индейцев, которые считают меня детоубийцей. Им ничего нельзя объяснить. Они не знают, что такое лед.

Чако Бореаль, ноябрь, 1956 год

Возможно, Максим и был авантюристом, но он в подметки не годился лихим братьям Увера. Конечно, плата, которую он предложил за участие в экспедиции, была больше, чем они могли заработать в Пуэрто-Касадо, однако скорость и решительность, с которыми Увера собрались в путь, даже слегка напугали Максима. Казалось, они только дожидались повода, чтобы отправиться в глубину сельвы, и появление Максима оказалось очень кстати для каких-то собственных планов братьев.

В создании троих Увера участвовали множество гуарани, испанцы, китайцы и один бухгалтер-ирландец, проигравший казенные деньги на петушиных боях. Чтобы не забивать себе голову, братья считали себя индейцами. Старшему, Хосе, которого Максим так удачно встретил на пристани, было лет двадцать пять, Пабло – чуть поменьше, а Диего был Максиму ровесником. Ни земли, ни постоянной работы у братьев не было. От отца им досталось два пожилых мерина и один вполне еще бодрый мул со скверным характером. Сейчас он брел, спотыкаясь, по узкой тропе, нагруженный баулами с дешевыми ножами и тканями, припасенными Максимом для задабривания лесного племени. День шел к концу, моросило, и тропа, идущая по дну оврага, грозила вот-вот превратиться в ручей, а то и речку.

Уже третью неделю они шли через Чако. В хорошие дни удавалось проходить по двадцать-двадцать пять километров, изредка – больше, но большей частью они продвигались му-

чительно медленно. Дороги кончились почти сразу за Пуэрто-Касадо. Какое-то время держались трассы, идущей мимо нефтяных месторождений, но, в конце концов, пришлось уходить на север. Шли по компасу, продираясь через низкорослые заросли кустарника и кактусов, стараясь обходить совсем уж болотистые участки, где в ямах стояла подернутая пленкой ржа-вая вода, белесая трава выглядела сухой и мертвой, а воздух казался темным от миллиардов москитов. Консервы, закупленные Максимом еще в Асунсьоне, берегли, и ели в основном броненосцев. Те действительно оказались глупыми животными и, услышав стук лошадиных копыт, сворачивались в непроницаемый клубок и замирали. Всякий раз, когда Максим подбирал очередного обреченного на съедение зверька, ему хотелось извиниться.

Тропа запетляла вверх по склону оврага. Лошади зашагали быстрее, рывками одолевая крутой подъем, но один из меринов забуксовал. Он задергался, пытаясь выбраться на место покровнее, копыта заскользили по раскисшей глине. Максим, ругнувшись, подпер плечом конский круп и, не глядя, схватился рукой за какую-то ветку. Конечно, это оказался кактус. Максим зашипел от боли, вызвав у Диего приступ хохота. Максиму нравился неунывающий характер младшего Увера, но сейчас он подумал, что слишком много жизнерадостности – это не так уж приятно, как могло бы показаться. Шлепнув уцелевшей ладонью по мокрой шкуре мерина, который наконец выкарабкался из грязи, Максим зашагал следом, на ходу зубами выдирая из пальцев колючки.

Уже в сумерках выбрались наверх, и Максим тоскливо вздохнул: перед ними снова тянулось болото, поросшее чахлым кустарником. Ни сухого места, ни деревьев, между которыми можно было бы растянуть гамаки. Быстро темнеющее небо было обложено тучами, и морось уже превратилась в мелкий и нудный дождь. Опять придется ставить палатку в лужу и

кипятить воду для мате на крошечной спиртовке, сидя на уже подгнивающем от сырости мокром брезентовом полу.

Максим огляделся, высматривая место посушке, и тут Диего удивленно вскрикнул:

– Смотрите, там свет!

Максим прищурился и сквозь завесу дождя увидел синеватый огонек. Сумерки и морось мешали точно оценить расстояние, но скорее всего, до него было не больше полукилометра, похоже он находился в нескольких метрах над землей. Судя по холодному оттенку, источник света был электрическим. Там были люди, причем люди цивилизованные, а значит – была защита от дождя и тепло.

Максим радостно устремился вперед, но неожиданно возникла заминка. Хосе, пряча глаза, начал мялить о каких-то невнятных опасностях. Не веря своим ушам, Максим выслушал предложение переночевать на месте, а еще лучше – вернуться назад, за овраг. Не стоит идти ночью, говорил Хосе, неизвестно, что за люди там живут, да и люди ли вообще... Нет, конечно, люди, но места здесь дикие, сначала стреляют, потом разбираются. Младшие Увера дружно кивали.

– А днем пойдем и посмотрим, что там за башня такая с огоньками, – закончил Хосе.

– Как хотите, – сухо ответил Максим. – Лично я иду сейчас.

Он задрал подбородок и зашагал на свет. Через несколько минут он не выдержал и оглянулся. Братья шли следом, держа наготове винтовки. Максим приостановился, дожидаясь, пока его нагонят.

– Ты не обижайся, – шепнул Диего. – Только здесь, говорят, демоны водятся. Вот пойдешь так на свет – тут они тебя и...

– Что за суеверие! – презрительно бросил Максим, но Диего лишь пожал плечами.

Местность медленно повышалась. Под ногами перестало хлюпать, зато кустарник стал гуще, и в нем снова начали по-

падаться кактусы. За спиной шумно вздыхали лошади. Холодный свет приближался, и постепенно Максиму, по-прежнему идущему впереди, стало не по себе. Где-то в глубинах сознания шевелились, оживая, детские страхи. Он вдруг вспомнил, как тетки пугали его серыми тварями, которые приходят к не послушным детям и откусывают им руки, чтобы не шалили и не убегали далеко от дома... Резоннее было бы откусывать ноги, подумал Максим с нервным смешком. Что-то громко зашуршало, и Максим отпрыгнул в сторону, едва не завизжав, как девчонка. Он направил луч карманного фонарика под ноги. Пойманная в пятно тусклого света земляная сова недовольно моргнула круглыми глазами и отвернулась.

Еще пара десятков метров, и заросли неожиданно кончились. Подворачивая ноги, путники прошли по участку развороченной, голой земли и уперлись в ограду из проволоки. За ней виднелась решетчатая башенка; фонарь, на свет которого они пришли, покачивался на ней, отбрасывая синеватые тени. Чуть дальше чернело несколько больших палаток. Усталый мул громко фыркнул, и в ответ от палаток донесся звонкий лай.

– Нефтяная вышка... – протянул Пабло, и Диего хихикнул.

В свете фонаря Максим заметил, что физиономия Хосе вытянулась от разочарования, но он слишком устал, чтобы задуматься об этом.

– Могли прийти сюда нормальной дорогой, – с досадой сказал он. – Даже приехать, наверное. Глупо вышло.

Увера убрали оружие. Из-за ограды вылетели две, заходящиеся лаем, дворняги и заметались вокруг, скаля зубы и припадая к земле. Один из меринов шарахнулся, выдрав повод из рук Диего. Тяжело вскидывая зад, он метнулся к ограде и застыл, дрожа и косясь на собак. Заскрипела калитка, и навстречу Максиму вышел бородатый европеец с винтовкой наперевес. Максим подумал, что Хосе, возможно, был прав – вряд ли

небритые хищные физиономии его спутников внушают доверие, по таким могут и выстрелить. На всякий случай он поднял руки, показывая раскрытые ладони. Бородач рявкнул на собак, дворняги отступили, и теперь только тихо рычали, внимательно глядя на пришельцев.

– Кто там? – окликнули бородача из-за ограды.

– Мальчишки какие-то. Что вам надо? – спросил он Максима, нещадно коверкая гуарани.

– Переночевать бы, – ответил тот, сердясь на жалобные нотки в голосе.

За оградой скрывалось не промышленное месторождение, как подумал сгоряча Максим, а единственная разведочная скважина, с каротажем которой горстка геологов и инженеров возилась уже второй месяц. Как только изнывающие от скуки нефтяники, давно не видевшие новых лиц, убедились, что пришельцы – не бандиты, им тут же одолжили сухую одежду и усадили за стол.

От кофе со сгущенкой Максим, который изначально не собирался рассказывать о цели похода, совершенно размяк и принялся болтать. Когда он представился зоологом и натуралистом, его слова встретили дружным хохотом. Но рисунок Кавимы заинтересовал каротажников, правда, только теоретически. Бородач оказался знатоком палеонтологии, и Максим вцепился в него клещом, но вскоре разочарованно отстал: в микроскопических водорослях и пыльце допотопных растений его собеседник разбирался куда лучше, чем в гигантских млекопитающих. Максим был потрясен и почти обижен, когда до него дошло, что вся эта невидимая живность представляется геологу более важной и интересной, чем прекрасные древние звери.

Братья Увера давно уже не пытались участвовать в разговоре и молча поглощали сгущенку. Какое-то время Максим

честно старался вникнуть в то, как мельчайшие различия в диатомовых скелетиках используются для поисков нефти. Но очень быстро, размаяненный относительным уютом и перегруженный новыми знаниями, он начал неудержимо зевать. У нефтяников нашлось несколько запасных гамаков, и вскоре Максим уютно устроился под теплым пончо. Засыпая, он слышал, как сердито перешептывались Пабло и Хосе. Максим мельком подумал, что Хосе, похоже, ожидал увидеть на месте нефтяной вышки нечто совсем иное, но вскоре заснул, так и не сумев сообразить, на что именно рассчитывал его спутник.

К утру дождь перестал. После ночевки в сухости и тепле Максиму казалось, что даже старые кони шагают как-то бодрее. Они прошли около километра, когда Пабло, рубашка которого подозрительно топорщилась с момента выхода, остановился.

– Убери-ка это во выюк, – сказал он и достал из-за пазухи две банки сгущенки.

– Откуда? – изумленно воскликнул Максим, хватая банку.

– Выменял на мясо.

– На броненосца? – удивился Диего. – Они что, идиоты?

– На оленину, – ответил Пабло и радостно рассмеялся.

– Не понимаю, – проговорил Максим. – Мы не охотились на оленей.

– Вот и они не поняли. Наверное, нам лучше идти побыстрее, пока они не распробовали. Я ни разу не ел оленины, но, боюсь, на броненосца она не похожа.

– Нехорошо как-то, – проговорил Максим, но старшие Увера не ответили ему, а Диего лишь фыркнул и закатил глаза.

Путь продолжался. По подсчетам Максима, со дня на день впереди должна была показаться граница сельвы, но его одолевало странное равнодушие к цели экспедиции. Его радуж-

ное настроение сменилось непреходящей усталостью и чувством одиночества. Глупый эпизод с обменом мяса, казалось, прорвал некую плотину, за которой копились сомнения. Максим вдруг сообразил, что ничего не знает об Увере. Братья, которые за время пути стали ему своими и которых он, не задумываясь, считал друзьями, вдруг обернулись подозрительными незнакомцами. Их мотивы были неизвестны, цели – скрыты. Только теперь Максим начал спрашивать себя: зачем, собственно, эти люди пустились в тяжелый и опасный путь?

Он снова чувствовал себя чужим. Он был чужаком среди русских эмигрантов: из-за выходок отца, из-за индейской крови, из-за привязанности к Беляеву, к деятельности которого давно уже относились без одобрения. Он, как ни старался, не смог стать своим в компании механиков, коллег по автомастерской, те были просты и дружелюбны, но посмеивались за спиной над его увлечениями. А индейская родня, все эти многочисленные тетушки, дядьки и кузены, казалось, душила его, втягивая в темный семейный круг, где было место только житейским заботам и где не оставалось ни времени, ни сил на что-либо, кроме работы и общения с любящими родичами.

В пути они несколько раз останавливались в поселениях чимакоков, и Максим с ужасом и неосознанным, тщательно подавляемым отвращением смотрел на убогие крытые травой хижины, голых детей и сгорбленных тяжелым трудом женщин. Он почти не помнил мать: в глубине его памяти оставался невыразимый теплый образ, наполненный красотой и любовью, и ему страшно было думать, что прекрасная дочь касика больше походила на этих людей, чем на сказочную королеву. Максиму казалось, что он никак не связан, не может быть связан с ними – при том, что среди жителей селений наверняка встречались и его родственники...

С удивлением и стыдом Максим начинал понимать, что сердится на генерала Беляева, хотя и не может сказать, за что. Иван Тимофеевич представлялся ему источником всех бед, главной причиной отчуждения, которое все больше мучило Максима. Даже недоверие, возникшее к братьям Увера, каким-то странным образом связывалось с ним. В глубине души Максим воспринимал Беляева как отца – тот бросил его, оставил без внимания, и теперь Максим шел неизвестно куда, одинокий, в компании чужих людей, изнывающий от бессмысленного и бесполезного гнева...

Со злобным разочарованием он смотрел в спины Хосе и Пабло, шедших сегодня впереди. Они крепко ступали кривоватыми ногами, их лопатки мерно двигались под выгоревшими рубашками. Сдвинув головы, братья о чем-то спорили на ходу – не слишком таясь, но и недостаточно громко для того, чтобы их можно было расслышать. Максим ускорил шаг, и Хосе, услышав его, замолк на полуслове и оглянулся.

– Думаю, нам надо взять чуть западнее, – сказал Максим, сделав вид, что прерванная беседа нисколько не интересует его. – Если я не ошибся в расчетах, до селения, где живет Кавима, осталось не больше пяти километров.

Хосе кивнул, и Максим замолчал, кусая губы. Отставший Диего прикрикнул на спящего на ходу мула. Лица Увера были равнодушны и совершенно непроницаемы, и Максим не выдержал.

– Что за дело у вас на севере? – спросил он.

Хосе сощурился. За спиной часто задышал подошедший Диего, и Максим вдруг осознал, что каждый из братьев держит в руках заряженную винтовку.

– У вас какое-то свое дело на севере, – упрямо повторил он. – Я хочу знать, какое.

Пабло пожал плечами. Хосе еще несколько мгновений пристально смотрел на Максима, но тот не отводил взгляда.

– Выпьем мате, – сказал Хосе, отвернулся и принялся развязывать выюк.

Максим со шкворчанием втянул остатки горьковатой жидкости и передал калебасу Пабло.

– Башня, набитая волшебными вещами... – проговорил он. – Это же старая легенда, ее все знают. Извини, Хосе, но как-то не верится.

Старший Увера покачал головой.

– Эти вещи существуют, – сказал он. – Один наш родственник видел такую своими глазами и рассказал отцу. Этот родственник однажды заблудился вместе с приятелем. Он уже не знал, что делать, но тут его друг достал фигурку ворона, серебристую такую. Посидел с ней немного, а потом встал и сказал, куда идти. Она ему вроде как любые места показывала, какие бы он только не захотел. Так что волшебные вещи существуют, не сомневайся.

– Но, значит, башня уже разграблена? – спросил Максим.

– Нет-нет. Тому человеку, немцу, вещь досталась от предков. Но есть и другие.

Максим вздохнул, и вдруг, будто в ответ, налетел ветерок, неся запах дыма и отдаленный собачий лай.

Едва увидев Кавиму, Максим понял, что проводником по сельве тот уже не станет. Похоже, лечение дикарей подействовало лишь временно, и теперь старая инфекция доедала печень индейца. Кавима исхудал так, что землистая кожа свисала с его шеи складками, белки глаз были темно-желтого цвета, а радужка – странно светлая, будто выгоревшая, голубоватая у одного глаза и зеленая – у другого.

Изможденное лицо индейца было совершенно непроницаемо. Пока Максим говорил, он равнодушно поглядывал то на него, то на присевших поодаль на kortochki Увера. Пальцы

безостановочно двигались, сплетая из травы нечто вроде гамака.

— Я расскажу вам, где искать, — сказал он, выслушав Максима.
— Но у вас ничего не получится. Вы будете идти по сельве день, два... Потом придет на землю лесных людей, и они вас убьют. Они не любят чужих.

— Вас же не убили, — рассердился Максим. — Вы жили рядом с этими людьми, а теперь повторяете злые рассказы! Это же не-правда. Вы бы знали, что еще двадцать лет назад рассказывали о вас белые... Люди боятся чужих и выдумывают о них ужасы, а они такие же, как мы!

Кавима ухмыльнулся беззубым ртом.

— Ты добрый мальчик, — сочувственно сказал он. — Но очень глупый.

Максим беспомощно всплеснул руками.

— Они вас спасли!

— Я — другое дело. Но меня бы тоже убили, если бы не... — он пожевал изжелта-коричневыми губами. — Говорят, ты дружишь с Алебуком, — неожиданно сказал он. Максим неуверенно кивнул. — Это хорошо...

Кавима замолчал, рассматривая гостя с каким-то отстраненным интересом, и Максим смущенно отвел глаза.

— Знаешь, что это? — неожиданно спросил индеец, показывая на свое плетение. Максим пожал плечами. — Это погребальный покров. У меня нет близких, поэтому приходится плести его самому.

— О! — неопределенно откликнулся Максим, не зная, как реагировать.

Кавима все не отводил глаз, но теперь он смотрел сквозь Максима, погруженный в глубокую задумчивость. Индеец медленно прикоснулся к груди, будто нащупывая что-то; у него был вид человека, который решает очень сложную задачу. Казалось, он начисто забыл о присутствии Максима. Тот

тихо кашлянул, Кавима вздрогнул и отвел руку. Его взгляд прояснился.

– Так ты будешь слушать, как вам идти? – неожиданно сварливо спросил он. – Или тебе просто охота поболтать?

– Буду, – удивленно ответил Максим. – Конечно, буду.

Когда Максим вернулся к братьям Увера, Хосе задумчиво сказал:

– Тот немец, про которого рассказывал наш родственник. У него тоже были разноцветные глаза...

Максим опустил мачете и уступил место Пабло. Намозоленные руки гудели, к залитому потом лицу липли мелкие паутинки. На секунду Максим закрыл глаза, и под веками поплыли зеленые пятна. «Почему никто не рассказывал о том, как это скучно? – с горечью подумал он. – О том, как трудно, опасно – есть в любой книге. Но никто не пишет о том, как это нудно. Может, я просто не гожусь в исследователи?». Особенно выматывали полосы скудной земли, на которой не росли большие деревья: такие прогалины зарастали непроходимым подлеском и тростником, сквозь который приходилось прорубаться, по очереди работая мачете. Иногда такие места удавалось обойти, но чаще приходилось ломиться напрямик.

Пабло с уханьем врубился в заросли; из-под лезвия полетели ошметки кустов, и Максим отступил. Диего сунул ему в руку флягу с водой.

– Как ты думаешь, мы уже в Боливии? – азартно спросил он.

Максим пожал плечами и принялся глотать почти горячую воду. А вот Диего не скучно, мрачно подумал он. Ему все интересно, все забавно, а возможность нелегально и незаметно для самих себя очутиться в другой стране и вовсе смешит до колик. Насколько знал Максим, граница с Боливией в этих местах существовала лишь на карте, но какой-нибудь патруль

при случайной встрече мог попортить им кровь. Однако откуда здесь патрули? Похоже на многие километры вообще нет людей, даже тех примитивных племен, встреча с которыми так волновала Максима. Он уже начал подумывать – а не надул ли его старый индеец с дорогой? А в особо трудные дни ему казалось, что жизнь с дикарями и встреча с гигантским зверем и вовсе причудились Кавиме в бреду, пока он лежал в лихорадке. Правда, это не объясняло, почему нарисованное животное было так похоже на реконструкции мегатерия... Но, с другой стороны, почему бы и нет? Мало ли какие совпадения бывают. Возможно, злобные каннибалы – это всего лишь еще одна легенда, детская страшилка вроде серых демонов, объедающих пальцы непослушных детей.

А если нет? Ужасно глупо было бы погибнуть от рук людей, которым не только не желаешь зла, но и сочувствуешь. Еще вчера, когда они встали лагерем на опушке прогалины, тянущейся с запада на восток, Максим предложил не прорубаться через нее, а свернуть в сторону. Чем дальше они уходят на север, тем больше вероятность забрести на земли диких племен или нелегально пересечь границу с Боливией. Территория обитания у такого крупного животного должна быть очень велика, объяснил Максим братьям Увера, рано или поздно они наткнутся на его следы, так зачем искушать судьбу?

Его слова встретили ледяным молчанием. Непроницаемые лица спутников смущали Максима, он присел над костром и принялся помешивать в котелке.

– Конечно, это надо обсудить, – сердито проговорил он, – но я не понимаю, зачем подвергать экспедицию опасности, если...

– Так башня же! – воскликнул Диего, и Хосе недовольно вздохнул.

– Ах, башня! – спохватился Максим. – Но разве...

Он взглянул на лица Увера и замолчал: было ясно, что их вера в существование волшебной башни непоколебима. Мак-

сим мог сомневаться и размышлять сколько угодно, но Увера были твердо намерены дойти до цели. И, судя по их закаменевшим лицам, споры здесь не помогут – если Максим будет упрямствовать, с них станется попросту бросить его в сельве. Он вздохнул.

– Ты не переживай, – дружелюбно сказал Пабло. – Этот твой мегатерий наверняка где-нибудь рядом с башней и живет. А с дикарями мы справимся, если что.

– А с пограничниками? – мрачно спросил Максим.

– Ну откуда здесь пограничники? – спросил Пабло, обводя широким жестом сельву, подступавшую сзади, и заросли, через которые им предстояло пробиваться завтра. – Что им тут делать, следить, чтоб из Боливии тапиры не убегали?

Диего радостно захохотал, и Максим криво улынулся в ответ...

...Пабло резко остановился, и Максим ткнулся лицом в его спину. Прогалина закончилась, и он радостно устремился под кроны гигантских, уходящих на десятки метров вверх деревьев. Подлесок здесь не выживал из-за недостатка света, и ровная поверхность земли была устлана многими и многими слоями прелой листвы. Максим стер с лица пот, наслаждаясь полутьмой и относительной прохладой, и посмотрел по сторонам. Только тогда он понял, почему так резко остановился Пабло.

Кустарник на границе поляны и леса был выкорчеван. Досковидные, в рост человека корни стоящего чуть отдельно дерева, переломаны и выворочены из земли. Рядом возвышались остатки разрушенного терmitника. Вся местность в радиусе нескольких десятков метров выглядела так, будто по ней прошелся трактор, управляемый запойным пьяницей.

Теперь Максим видел и следы – оттиски вытянутых чуть ли не на метр в длину ступней, содранную огромными когтями кору, отпечатки зубов на обломанных, объеденных ветвях.

– Ну надо же, – проговорил Хосе.

Мул фыркнул и, косясь на следы, обошел их по широкой дуге. Максим, не веря своим глазам, рванул с плеча рюкзак и вытащил фотоаппарат.

– Все-таки нашли! – завопил подоспевший Диего. – Нашли! Ну надо же! Слушай, – затеребил он слегка обалдевшего от радости Максима, щелкающего кадр за кадром, – давай капкан поставим, а? Давай прямо сейчас! Он же к вечеру опять сюда кормиться придет!

Он смешно всхрюкнул и замолчал, глядя на Максима широко раскрытыми глазами и все еще улыбаясь, а потом вдруг начал медленно валиться вперед.

ГЛАВА 6

ТРИКСТЕР

Москва, октябрь, 2010 год

– Дурацкое имя – Сергей, – говорила Юлька. – Полностью – твердо и слишком серьезно. А сокращать… Какое же это сокращать, если получается на слог длиннее? Да еще и сиропное такое. Се-ре-е-е-жа… Бррр.

– Си-ррррьо-жжжа, – подхватила бабушка с хитрой улыбкой.

– Ну, кошмар ведь, правда? – Юлька передернула плечами. – Он не такой совсем.

– Мачо? – предположила бабушка.

– Ну не совсем… Знаешь, он так чудно взрыкивает, когда сердится. Как динозавр. Тиранозавр. Ти Рекс… Что ты смеешься?

– смущенно улыбнулась она, глядя как бабушка трясется от беззвучного хохота. – Да, я знаю, что ты и на таких с копьем ходила, и что теперь?

– Ну, на таких я с копьем не ходила. Хотя шансы были…

– Ба?!

– Шучу, шучу. Почти. Твой дед – я имею в виду, твой настоящий дед, говорил, что как раз в Конго они могли сохраниться. Все мечтал устроить экспедицию по поискам. После того, как построит коммунизм, конечно…

Юлька сочувственно вздохнула.

– Что-то не так? – спросила бабушка.

– Нет, все нормально… – Юлька снова вздохнула, поводила пальцем по столу, гоняя крошки печенья. – Не звонит третий день, – сказала она.

– Занят, – ответила бабушка. – Умер. Потерял телефон. Оглох и ослеп. Агент ЦРУ отрубил ему руки. В любом случае – самой звонить не надо.

– Знаю, – буркнула Юлька. – Что я тебе, маленькая?

Юлька бездумно нанизывала бисеринки на проволоку и оплетала ее вокруг медного каркаса. Серый, фиолетовый. Коричневый, оранжевый. Полосатый панцирь и когтистые лапы. Агатовая бусинка – глаз, розовая жемчужинка – нос. Молчаливый телефон слепо поблескивает экраном.

А ведь все было так хорошо. Целых две недели. Был осенний Нескучный сад и студия, где Юлька пыталась рисовать каких-то фантастических животных, пока Сергей рисовал ее саму. Было много разговоров и смеха, – Сергей доводил ее до боли в животе, когда с серьезной миной нес уморительную чушь; их смешило все подряд, от Юлькиных рисунков до обрывка услышанной на улице мелодии. И еще больше, чем разговоров и смеха, было секса – при воспоминании о ночных, проведенных с Сергеем, Юлька застонала сквозь зубы. Как же так? Две недели, четыре... или пять? Кажется, все-таки пять встреч. А теперь он не звонит третий день. Невыносимо. Невозможно поверить, что все может закончиться вот так, глупо и без предупреждений.

А с другой стороны, все было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Тем более, чтобы стать правдой надолго. Так просто не бывает. По крайней мере, не с Юлькой. Такие истории – для сопливых книжек, а в реальности все по-другому... Хорошо, что есть мобильники, думала Юлька, подбиравая бисер. По крайней мере, не надо мучительно выбирать – ждать, как на цепи, или жить нормальной жизнью, рискуя пропустить звонок. А может, наоборот, было легче? Всегда можно было убедить себя, что он позвонил, пока ты была в душе...

Просто свинство – пропадать вот так, без объяснений. Как бы человек не был занят – найти пару минут и перезвонить всегда можно... Уши тоже должны быть розовые, с серой каймой. Сколько полосок на панцире броненосца? Можно посмотреть на боливийский кулон, но лень его снимать, и подходить к зеркалу тоже неохота. Юлька смутно припоминала, что бывает по-разному. В Патагонии живут одни, в сельве – совсем другие. Вот бы туда! Фотографировать бабочек размером с ладонь или жить в индейском племени, записывать легенды. Или просто бродить по джунглям и искать водопады, и чтобы Сергей рисовал их, а потом купаться и целоваться под потоками теплой воды. В конце концов, нет ничего страшного в том, чтобы позвонить самой... Еще раз. А еще можно искать древние индейские города и найти клад, целую кучу прекрасных золотых вещей с волшебными орнаментами... Стряхнув с себя просыпанный бисер, Юлька перебралась за компьютер, открыла поисковик и несколько минут просматривала фотографии и зарисовки – большей частью черно-белые, расплывчатые и невнятные. Бабушка, конечно, молодец, но принципы у нее совсем древние. Не средневековые же. А если Юльку все-таки бросили – она имеет право знать об этом, верно?

Хлюпнув носов, Юлька взяла телефон. Длинные гудки – уже хорошо. Если снова не ответит, она ему больше не позвонит. Никогда.

Сергей рявкнул в трубку так, что Юлька невольно отодвинула телефон от уха.

– Я по тебе ужасно соскучилась, – сказала она. – Мы можем как-нибудь встретиться?

– Слушай, у меня все руки в краске, – ответил Сергей. – Черт, теперь и морда. Короче, я тебе потом позвоню, ладно?

– Когда потом?

– Как-нибудь.

– Звучит как никогда, – сказала Юлька, очень стараясь не плакать. – Я понимаю, все было слишком хорошо, чтобы случиться надолго, но все-таки...

– Слушай, не морочь мне голову, я занят, – сердито перебил Сергей. – Потом поговорим, ладно?

– Ладно. Если все, так и скажи.

– Ну, значит, все, – рявкнул Сергей.

Юлька послушала короткие гудки и нажала на отбой.

– Кажется, я что-то не то сделала, – проговорила она в пустоту.

Юлька доедала плитку шоколада, когда на кухню вплыла бабушка. Она покосилась на распухший нос Юльки и раскурила трубку.

– Позвонила все-таки, – сказала она.

– Как-то у нас не очень удачно выходит с мужчинами, да? – тоскливо спросила Юлька. – По крайней мере, с нормальными, – уточнила она, вспомнив байкера.

– С любимыми, – поправила бабушка. – Или хотя бы с теми, в которых влюбляемся. С теми, которых мы приманиваем по расчету, все складывается более-менее удачно.

– Я не хочу по расчету, – вздохнула Юлька. – Но получается, что если я влюбилась, значит, мне уже ничего не светит. И у мамы так было, и у тебя. Ну почему так, а?

Она жалобно взглянула на бабушку в надежде услышать, что несет глупости и чушь, что неудачи бывают у всех, но рано или поздно заканчиваются, и что все у нее наладится. Или хотя бы, что все будет хорошо, как только она перестанет делать глупости. Но бабушка отвела глаза.

– У всех так было, начиная с Фатин, – проговорила она.

– Только не надо рассказывать про порчу кармы и венцы безбрачия, – испуганно замахала руками Юлька. – Хватит с меня и Любимой Заказчицы, у нее в приемной знаешь какие брошюры

лежат... С фотографиями моих талисманчиков, купи – и карма как новенькая. Ох, черт! – спохватилась Юлька и всполошено посмотрела на часы. – Мне же завтра ей партию сдавать, а я еще шнурки к ним не приделала!

Она залпом проглотила остатки чая и выскочила из кухни, не услышав вздоха Марии, облегченного и разочарованного одновременно.

К сожалению, возня со шнурками занимала руки, но голову оставляла совершенно свободной. Переживать и вспоминать Юлька могла сколько угодно, пожалуй, больше, чем хотелось бы. И она еще дурила голову Сергею, рассказывая, что уродилась слегка ведьмой! Умела бы хоть немного колдовать – в первую очередь вправила бы себе мозги, чтобы не подсовывали воспоминания, еще два часа назад счастливые, а теперь – причиняющие лишь боль.

Они с Сергеем, полуголые, голодные и счастливые, стояли перед раскрытым холодильником – совершенно пустым, если не считать надкусанного кочана цветной капусты. «Это можно пожарить, – неуверенно сказала Юлька, – но как-то лень». «Я не могу есть разумные растения, – ответил Сергей. – Еще немного – и это эволюционирует и сожрет меня». Так ему и надо, подумала Юлька. Интересно, существуют ли на самом деле плотоядные растения, способные напасть на человека? Разве что где-нибудь в джунглях. Стоя на коленях, Сергей протягивал ей руку, сердце и билет до Ла-Паса. Он не мог уйти в экспедицию без нее – ведь он ее так любит, к тому же Юлька – незаменимый специалист-ботаник, знаток съедобных растений, эксперт по защите от хищных лиан...

Ох, они же расстались. Юлька всхлипнула. Ее глаза остановились, очередной шнурок выскользнул из пальцев. Не сознавая, что делает, она запустила руку за воротник и сжалла в ладони броненосца. Она пробиралась по сельве, одна, свободная и ди-

кая. Она вернулась, наконец, на землю предков, и теперь была единственным целым с джунглями, их естественной частью. Где-то рядом ломились сквозь сельву грубые и неумелые учены-гринго, но Юлька лишь смеялась над ними. Она протянула руку, чтобы сорвать цветок, но вдруг шипы впились в ее руку, и лиана опутала ноги...

Нет, плотоядные растения – это все-таки как-то нереалистично, решила Юлька. Ягуар! Подлый ягуар, бесшумный, как ночь, и неумолимый, как смерть. Юлька успевает закричать и ударить копьем, но тяжелое тело гигантской кошки обрушивается ей на плечи, и когти впиваются в грудь... Он не успевает, опаздывает всего лишь на мгновение. Юлька еще успевает услышать выстрел и увидеть любимое лицо... Сергей рыдает над ее истерзанным трупом, это вранье, что мужчины не плачут – они плачут, когда умирает их единственная любовь. Он рыдает в отчаянии, раскаиваясь, что не проводил с ней каждую секунду своей жизни; теперь он понял, как сильно любит ее, но поздно, поздно.

Юлька вытерла слезы и высморкалась. Но, конечно, потом оказывается, что ягуар ее не доел. Шаман из дружественного племени накладывает целебную мазь на ее раны. Придя в себя, Юлька видит Сергея. Он отошел от горя, бледен и небрит. Узнав, что Юлька жива, он едва не сходит с ума от счастья. Они вместе пойдут в экспедицию, потому что Юлька – незаменимый специалист по ботанике и выживанию в сельве, и потому что он слишком любит ее, чтобы расстаться хоть на мгновение. Он бросается на колени, чтобы поцеловать ее. Ах, да – все это происходит в шатре, и вокруг никого нет, а укрытая шкурами Юлька, конечно, совершенно раздета, и одеяло соскальзывает с нее, а его поцелуи становятся все настойчивее...

Юлька застонала и выгнулась, конвульсивно сжимая броненосца.

– Что за черт? – прохрипел Сергей.

Только что он сидел на кухне, попивая пиво, и рылся в дисках с фильмами, выбирая какой-нибудь расслабляющий мозги боевичок. Раздражение из-за Юльки, которая сначала отвлекала его звонками, а потом, когда он наконец ответил, закатила истерику, поутихло. Трехдневное погружение в работу не прошло зря – ему явно есть, что выставить. И, главное, дописан «Каракас-Майами». Предчувствие, появившееся после сна о Че Геваре, летящем в полном лошадей самолете, сбылось: картина вышла отличная. Сейчас Сергею казалось, что она – лучшее из того, что он написал за всю жизнь.

Художник был вполне доволен и собой, и работой, и первым за последние несколько дней нормальным ужином. А потом... То ли он задремал и увидел на редкость яркий сон, то ли у него был приступ бреда, то ли галлюцинации... Припоминалась череда смутных образов. Какие-то тропические заросли, в которых он сначала пристрелил, а потом добивал голыми руками огромную, очень тяжелую и дурнопахнущую пятнистую кошку, кажется, ягуара. Носился с подозрительно чистеньkim и аккуратно поцарапанным Юлькиным трупом в поисках индейцев. Бурно трахался с каким-то образом воскресшей Юлькой на шкуре той самой кошки, судя по запаху, ничем не обработанной. Пожалуй, последний эпизод, если отвлечься от ароматов, был даже приятен, но...

Сергей с подозрением понюхал остатки пива и вылил их в раковину.

Несмотря на пристрастие к сюрреализму, за Сергеем никогда не водилось никаких заметных странностей. Естественные для любого живого человека приступы хандры и плохого настроения никогда не переходили у него в депрессию. Неудачи не выбивали из колеи: он пожимал плечами, исправлял то, что мог, а остальное выкидывал из головы. Он редко напивался и был совершенно равнодушен к наркотикам. Серьезных ду-

шевных травм ему тоже удалось избежать. Сергей влюблялся быстро и искренне, легко добивался взаимности и расставался так же легко. Его младший брат из подопечного давно превратился в лучшего друга. Родители были живы, здоровы и бодры, обожали своих сыновей и друг друга, и при этом были слишком самодостаточны, чтобы портить кому-нибудь нервы избыточной заботой или круглосуточными требованиями внимания.

В общем, Сергей почти гордился своей нормальностью настолько, что частенько представлял ее другим как некий недостаток. Поэтому красочные видения, обрушившиеся на голову без всяких видимых причин, не испугали, а скорее удивили его. В конце концов, он решил никаких фильмов сегодня не смотреть, а вместо этого хорошенько выспаться, и отправился в душ.

Шампунь пах зеленью и мхом. Приятный запах, но необычный: раньше Сергей его не замечал. Он крепко зажмурился и громко фыркнул, чтобы сдуть с лица пену. Под веками плыли зеленые пятна, их становилось все больше, и пахло все пронзительней – деревьями, землей, мокрым железом...

Так нечестно, думала Юлька, ползая под столом и собирая рассыпанные талисманы. Воображаю тут всякое, вместо того, чтобы работать. Лучше бы было наоборот: она бы сидела и сосредоточенно делала какой-нибудь шедевр, какие-нибудь поразительные супербусы, а он бы переживал и мечтал. Вот бы как-то передать ему все, что Юлька выдумывает! Тогда бы он понял, что такое морочить голову по-настоящему. «Не морочь мне голову», надо же! Юлька выпутала лодыжку из петель шнуря, уселась под столом по-турецки и задумалась. Подобрала затаившуюся бусину, сунула в карман. Она морочит голову... Дед Макс морочил голову бабушке, она говорила, что какие-то странные вещи с ней творились... Морок. Бред... Юлька сжа-

ла броненосца. Вот было бы здорово: она выдумывает, а видит Сергей. Отличная вышла бы шутка на прощанье!

Она представила, как наводит на художника морок. История с ягуаром, конечно, глупая, надо придумать что-нибудь поинтересней. От напряжения Юлька высунула кончик языка, но в голову ничего не шло. Ну и пусть тогда бегает по джунглям со своим любимым Че Геварой, сердито решила Юлька. Она крепче сжала броненосца; пальцы кололо, и кулон оставался прохладным, будто не висел на живом человеке, а лежал в холодильнике. Раз он ему так нравится – пусть берет автомат и валит... куда там? Да в ту же Боливию.

С мерзким визгом заскрежетал о камень металл, и Сергей ткнулся лицом в землю прежде, чем успел понять, что это была пуля. Несколько мгновений он лежал, тупо глядя на лист перед глазами, большой и коричневый, будто кожаный. Вдоль прожилки полз крошечный паучок. Сверху донеслась автоматная очередь, в ответ раздался выстрел из винтовки. Сергей плотнее вжался в палую листву и скосил глаза. Небольшая поляна была окружена плотной стеной кустарника. Чуть правее из земли выступал большой валун, исчерканный пулями. За ним лежал молодой парень, почти мальчишка, и прижимал ладонь к плечу; пальцы его были в крови, и по посеревшему лицу стекал пот. Рядом бородатый человек в берете напряженно скалился, целясь из винтовки куда-то в просвет между зарослями. Сергей узнал его сразу, но удивиться не смог.

Он вдруг осознал, что знает довольно много. Он понимал, что находится в ущелье Куэбрада-дель-Юро, что отряд попал в окружение, и их осталось двенадцать человек... А судя по неподвижности некоторых из лежащих рядом партизан – еще меньше. Накануне они страшно наследили, остали целую траншею, пока шли через картофельное поле, а еще была старуха, что пасла коз. Инти вчера дал ей пятьдесят песо за

молчание. Может, бабка и не сказала ничего рейнджерам, кто угодно еще мог увидеть отряд. Сергей знал, что парня рядом зовут Паблито, а того, что близоруко щурится и шарит руками по земле – Анисето, и он минут десять назад потерял свои очки, без которых ничего не видит. Что у Че только что разнесло пулей магазин винтовки, так что стрелять он уже не может... Свинцовая предсмертная усталость навалилась на Сергея.

За спиной громко затрещали кусты, и он резко обернулся, готовый отстреливаться. Но человек, выбравшийся на поляну, был безоружен. Не солдат и не партизан – на нем были старые джинсы и очень грязная рубашка; на плече висел небольшой рюкзак. Узкие усики придавали ему насмешливый вид, но брови были сосредоточенно нахмурены. Увидев нацеленные на него винтовки, он поднял руки с открытыми ладонями, а потом, ловко перебежав открытое место, упал рядом с Че.

– Успел, – пробормотал он. – Все-таки успел.

– Товарищ Морено, если не ошибаюсь? – резко спросил команданте. – Макс? Что вы здесь делаете? Как вы вообще здесь оказались?

Макс досадливо поморщился.

– Вы окружены, – сказал он. – Обложены рейнджерами со всех сторон.

– Я заметил, – иронически ответил Че.

Макс сунул руку за пазуху и достал небольшой предмет, висящий на кожаном шнурке. Между пальцами засеребрился какой-то металл. Лоб Морено прорезала глубокая складка.

– Это та вещь, которую вы показывали в Конго? – спросил Че. Макс кивнул. – Она действует на всех разом? Их там больше сотни.

– Больше двух, – ответил Макс. – Откуда я знаю? Сейчас поймем. Хуже не будет.

Он крепче сжал кулак и закрыл глаза.

Из-за деревьев донеслось несколько разрозненных выстрелов, чей-то крик, и вдруг все затихло. На висках Макса вздулись жилы.

– Не стрелять! – заорал кто-то. – Не стрелять, это Гевара! Да вон же он!

Снова застrekотал автомат, и офицерский голос завопил, срывааясь:

– Отставить огонь, брать живым! Бросайте оружие, Гевара! Сдавайтесь!

Че задрал брови и широко улыбнулся.

– Надо уходить на юг, пока они не разобрались, – сказал Макс.

– Там ущелье...

– Да, ущелье и скалы, но я знаю, где можно спуститься. Эта тропа не перекрыта, о ней никто не знает, ни солдаты, ни крестьяне, я нашел ее случайно, когда выслеживал одну разновидность... а, неважно. Уходим!

– Это может быть ловушкой, – сказал Анисето.

– А у вас есть выбор? – откликнулся Морено. – Решайте скорее, вряд ли их заморочило надолго.

Че приподнялся, подхватил одного из раненых и махнул рукой оставшимся в живых партизанам. Второй раненый повис на плече Макса. Пригибаясь, они нырнули в заросли, отходя по следу Морено.

По поляне снова начали стрелять, но отряд уже скрылся в джунглях.

Сергей открыл глаза, и в них сразу защипало. Из душа, зажатого в опущенной руке, хлестала исходящая паром вода. Плохо соображая, что делает, художник направил струю в лицо, смывая пену, медленно опустился на дно ванны, сел и обхватил руками колени. Его тряслось крупной адреналиновой дрожью, в ушах еще звучали выстрелы. Это не было сном – слишком

хорошо он ощущал, как давит на плечо ремень винтовки, как припекает затылок горное солнце. Слишком отчетливо чуял запах пороха, крови, джунглей. Видел каждый волосок в растрепанной бороде Че Гевары и обломанные ногти на руках этого человека, Макса... Из его рюкзака торчали обтрепанные края каких-то блокнотов. А очки Анисето лежали буквально у него под рукой, Сергей помнил стеклянный блеск, просто не сразу догадался, что это...

Вот как, оказывается, сходят с ума. С другой стороны, если ты понимаешь, что твоя крыша едет, значит, она все еще на месте? Обязательно ли сразу сдаваться психиатру? Не то чтобы Сергей всерьез боялся, что его запрут в дурдоме – все-таки он по-прежнему ощущал себя абсолютно нормальным. Однако если придется лечиться, неизвестно, как это скажется на способности рисовать. Некстали вспомнились двое коллег, которым пришлось выбирать между живописью и приемом антидепрессантов. Нет, психиатра стоит оставить на крайний случай. Что может вызвать осознанные галлюцинации? Одна из его одноклассниц, Алена, стала невропатологом, и, говорят, отличным. Может, стоит сначала позвонить ей?

Сергей выбрался из душа и взглянул на часы. Время позднее, звонок придется отложить. Он налил себе чаю, закурил, глядя в залитое дождем окно. Он вдруг сообразил, что сражение, которое привиделось ему, было для Че Гевары последним – именно в том ущелье его взяли в плен. Так что же, подсознание выдало ему альтернативную версию событий? И этот странный мужик, Макс Морено. Фамилия казалась Сергею знакомой, но он никак не мог вспомнить, где ее слышал. Какое-то время он хмуро взглядывался в ореолы холодного, полного дождевых капель света вокруг фонарей и рылся в памяти, но, в конце концов, плонул и лег спать.

В эту ночь ему ничего не снилось.

Вот было бы здорово, думала Юлька, если бы она и правда могла морочить головы с помощью волшебного кулона. Она тихо посмеивалась, пока доделывала партию талисманов и разбирала постель. Образ Сергея, ползущего по джунглям с винтовкой в руках и в берете со звездой, страшно веселил ее. В зубах у него была сигара. Она представляла себе пылающее революционным жаром лицо и закусывала губу, чтобы не расхохотаться вслух. Можно было бы заставить художника прожить все его картины. Можно было бы – Юлька согнулась и застонала от сдерживаемого смеха – заставить Любимую Заказчицу видеть, что она и вправду творит чудеса. А возлюбленного когда-то байкера, любителя вести задушевные беседы со своим мотоциклом – услышать, как машина отвечает ему и бодро бьет копытом, вернее, колесом. В ванной Юлька уже не могла сдержаться, хохотала в голос и плевалась зубной пастой, пока чистила зубы.

Если бы она узнала о событиях, произошедших с Сергеем, то, наверное, испугалась бы. Но Юлька ничего не знала и все еще посмеивалась, засыпая. Снились ей кролики, пауки и лисы, а еще, конечно, броненосцы.

ГЛАВА 7

ВЗГЛЯД ЧИМОРТЕ

Ятаки, октябрь, 2010 год

Зеленоглазый дух лианы вел Ильича сквозь мир мертвых, и он чувствовал, как вздыхают, сдвигаются пласти реальности. Как будто долгие годы мир балансировал в неустойчивом равновесии, словно почва в горах после затяжных ливней. И вот кто-то бросил камешек – и тысячи тонн щебня и земли, пропитанной водой, начали движение, постепенно набирая скорость и мощь, чтобы превратиться вскоре в стремительные селевые потоки, сносящие все на своем пути. Всего лишь маленький камешек, подвернувшийся под колесо на скользкой обледенелой дороге.

И где-то в глубине, куда не было ходу даже самому сильно-му шаману, в трясине ужаса, жадности, страсти и поклонения чужим богам, тяжело ворочался готовый проснуться зверь Чиморте.

Ильич очнулся в темноте хижины, потный и дрожащий от слабости. Он потянулся, ища воду, и кто-то вложил кружку в его руку.

– Ты приехал, чтобы убить его, – сказала Таня.

Ильич гулко глотнул. Вода была теплая и пахла железом.

– Это был бы не самый плохой вариант, – сказал он. – Но уже поздно.

– Я знаю, – в голосе Тани звучало злобное удовлетворение. – Ты не сможешь помешать мне. И не можешь убрать его.

– Уже поздно, – повторил Ильич. – Ты не понимаешь... – Таня презрительно фыркнула, и Ильич вздохнул. – Мне позволят по-жить в монастыре? Нет? Тогда я останусь в Ятаки.

– Мне пора, – сказала Таня и бесшумно встала. Ее силуэт замаячил на фоне сереющего дверного проема. – Надо уйти до рассвета, не хочу, чтобы меня кто-нибудь увидел.

– Особенно он, да?

– Особенно он.

– Зачем ты вообще приходила? – спросил Ильич.

– Чтобы спасти бедного учителя от злобного шамана, конечно, – с деланным удивлением ответила Таня. Тихо зашуршало покрывало, закрывающее вход, и Ильич остался один.

Майами, октябрь, 2010 год

– Дважды выпили кофе? И это все? Ты же Орнитолог, – желчно напомнил Родригес. – Специалист по цыпочкам.

– Это не цыпочка, это курица какая-то безмозглая! Ладно, на то, что она совершенно не в моем вкусе, плевать, кому интересны мои вкусы. Ладно, в первый раз она просто опоздала, а потом перевернула на меня пепельницу. Но во второй – она решила изобразить мне крики ящерицы токи. Вы знаете, как кричит токи?

– «Токи», – буркнул Родригес.

– Да. Только после этого он издает еще всякие звуки, – Орнитолог вздохнул. – Я ее даже в хороший ресторан сводить не могу – выведут. Впрочем, и не пустят, наверное... А это бы могло сработать, пожрать она любит.

– Я не понял, – процелил Родригес. – Ты что, вышел на связь, чтобы пожаловаться?

– К тому же у нее несчастная любовь, это осложняет, – продолжал изливаться Орнитолог, почти не слыша начальства. – И, судя по тому, как мечется бывший дружок, наша милая девочка пустила в ход броненосца. Она со мной дружит. Так что я все подробности уже наизусть знаю, включая цвет его глаз. Скоро она поведает мне размер... – Орнитолог плонул.

Но Родригес не испытывал ни капли сочувствия.

– Так форсirуй, – сухо сказал он. – За волосы и в пещеру. Женщинам это нравится. Мне что, учить тебя?

– С этой не выйдет. Взбесится. Я от нее тогда не то что предмет, стакан воды не получу. Так я хотя бы в курсе ее несчастной личной жизни, есть шанс удачно поймать момент. Возлюбленный, кстати, художник, малюет картины с комandanте, – насмешливо добавил он. – Хотите, прикуплю вам для кабинета?

К удивлению Орнитолога, по лицу Родригеса не скользнуло и тени улыбки. Старик, напротив, нахмурился и забарабанил пальцами по столу.

– А прикупи, – неожиданно сказал он. – Только сделай вот как...

Родригес оборвал связь и зашагал по кабинету. Если Боливия чему и научила его, то тому, что в таких делах случайностей не бывает. До сих пор он готов был игнорировать отношение этой Морено к кому бы то ни было. В конце концов, Орнитолог все равно возьмет свое. К тому же с той стороны никаких чувств к девчонке не просматривалось, и, значит, помешать ему этот парень не мог. Но пристрастие к портретам Че Гевары настораживало. Родригес не верил в простые совпадения. Стоило хотя бы присмотреть за этим типом, а в идеале – держать под рукой, на случай, если русский художник и есть следующий...

Он помнил дикий взгляд сержанта Терана и военного хирурга, когда те услышали приказ ампутировать кисти расстрелянного комandanте. И удивление болванов из аргентинской полиции годом раньше – ну надо же, в досье Че нет отпечатков пальцев! Да его люди могли спереть не то, что отпечатки – весь полицейский архив, и никто бы ничего не заметил. В Мехико его человека и вовсе подпустили к до-

сье за мелкую взятку. В Вашингтоне было сложнее, но и там Родригес сумел подчистить все следы. Когда Гевару брали в плен, его отпечатки уже хранились лишь в единственном отделе ЦРУ.

Возможно, потрошить досье в собственной конторе и не стоило, но к тому времени Родригеса одолевала паранойя. В Боливии ему начало казаться, что сторонники бешеного аргентинца проникают во все щели. Даже имея дело с правительством, ни в чем нельзя было быть уверенным, именно там месяцами отиралась милая немочка, Тамара Бидер, которая, как потом выяснилось, одновременно готовила конспиративные квартиры и собирала для Че Гевары ту самую информацию, которую так старался скрыть Родригес. Правда, он не был уверен, что она не работает заодно на его коллег, американских или каких-нибудь других. При мысли о том, какие нити держит в руках неизвестно на кого работающая «Таня», у Родригеса пересыхало во рту.

В конце концов, он оказался прав: потерянные отпечатки пальцев стали отличным предлогом для того, чтобы отрубить и хранить руки Гевары. Конечно, он поделился информацией и с мексиканцами, и с Бэуэнос-Айресом. Аргентинцы прислали целую делегацию, чтобы торжественно снять отпечатки с запиравшихся кистей какого-то бродяги из Санта-Круза. А у Родригеса осталась запечатанная емкость с формалином, в котором плавали кисти Че. Он считал, что этого достаточно, и информация, найденная в записях Тамары-Тани, это подтверждала. Да что там, он думал, что достаточно просто отпечатков, но в последний момент решил подстраховаться.

...Бледное лицо учительницы, как ее звали? Хулия Кортес, вспомнил Родригес и довольно улыбнулся – память по-прежнему работала как часы. Эта Хулия раздавала потом всем желающим интервью о том, как влюбилась в раненого команданте с первого взгляда и на всю жизнь. Интересно, знала ли

она, рассказывая о том, как был прекрасен Че, что в последние часы жизни из его глаз смотрел Чиморте? И смех монашки, истерический, больше похожий на тявканье. Она не сводила глаз с тела Че Гевары, с его обрубленных рук, и все смеялась, и смеялась, и не могла остановиться. Родригес хотел арестовать ее, но испугался. Он прекрасно знал, что за монахини приходят в Камири из низовьев Парапети.

Он ошибся тогда, провалился, все оказалось зря. Родригес заскрежетал зубами, вспомнив свои хвастливые сообщения в центр. Он заявился в монастырь с отрядом рейнджеров и запечатанным контейнером, уверенный, что теперь контроль над зверем Чиморте, а значит, и над всей Южной Америкой, в его руках. Монашки шептались по углам, и он, идиот, еще подмигнул паре самых хорошенъких. А потом, уже совсем не в радужном настроении, потеряв лицо, требовал сотрудничества, в бешенстве грозил настоятельнице расстрелом, и молчаливые женщины в черных рясах смотрели на него, как на сумасшедшего...

Тогда он, слегка отойдя от позора, решил, что вся операция была задумана в приступе безумия, и он был идиотом, раз согласился в ней участвовать. Так было проще. Он продолжал работать с Южной Америкой, провернул несколько неплохих дел и уже надеялся благополучно уйти по покой, когда в его руки почти случайно попала невзрачная папка с несколькими листками бумаги, на первый взгляд никак не связанными между собой. Странное поведение Сталина накануне второй мировой. Загадочная привязанность Кеннеди к некому небольшому предмету из серебристого металла. Черновики студента-физика из Ла-Паса. Краткий пересказ уже знакомого досье на некого парагвайца, палеонтолога-любителя... О, кто-то там прекрасно знал, что мозги старого Феликса Родригеса все еще отлично работают, что он не забыл боливийский провал и захочет взять реванш...

Он, как паук, раскинул сеть, по которой к нему стекалась странная и зачастую бессмысленная на первый взгляд информация, и начал ждать. Он был терпелив, осторожен и внимателен. И вот результат: нужный предмет найден. И, возможно, на горизонте только что появился нужный человек. На этот раз Родригес не ошибется.

Ятаки – Башня, октябрь, 2010 год

Жирная грязь громко чавкала под копытами тяжело груженых мулов. Вьюки были заполнены всякой всячиной, от туалетной бумаги до шоколада – Таня, воспользовавшись вылазкой, пополнила запасы монахинь. Она возвращалась успокоенная, убежденная, что теперь ничто не сможет помешать ей. Над знакомой тропой реял знакомый страх, за много лет она так и не смогла привыкнуть к тому, что каждая вылазка из монастыря может обернуться гибелью.

Все жители болот знали об этом и покорно шли на риск, почти не задумываясь об опасности. Но Таня боялась. Она раз за разом вызывалась съездить в Ятаки, надеясь, что однажды привычка возьмет свое и страх уйдет, но поездки не помогали. Солнце клонилось к западу, и в сумраке, залегшем в зарослях, ей чудилось мелькание серых теней. Таня правила мулом одной рукой, другой сжимая крест на груди. Воображение без спросу подсказывало, что чувствует человек, завороженный призрачным демоном. Губы пересохли; она часто слатывала, и у слюны был ненавистный привкус апельсинов.

– Пойми, – говорил Ильич, – если отвлечься от излишней сакрализации, мы можем рассматривать воздействие шамана просто как еще одну разновидность энергии. Возможно, нынешние знания физиков уже позволяют описать ее, возможно,

нет, это нам сейчас неважно. Просто будем сейчас рассматривать ее как некое реальное влияние, имеющее направление и какие-то... количественные характеристики. Хорошо?

– Хорошо, – покорно согласилась Таня, и Ильич уныло замолчал. Как всегда, увлекшись, он заговорил языком, всем понятном в университете, но совершенно недоступном девушке, росшей и учившейся в маленьком городке. Таня была умна и честно пыталась понять теории старого друга, и, наверное, была способна это сделать, но объяснить надо было доступными ей словами. Ильич вздохнул.

– Смотри, – сказал он и толкнул маленький зеленоватый апельсин. Тот покатился по столу. Таня, засмеявшись, прихлопнула его ладонью и принялась счищать ногтями жесткую корку. – Шаман делает то же самое, только толкает не рукой, и не предметы, а ум.

– Ну, это все знают, – пожала плечами Таня, высасывая апельсиновый сок.

– Ну прям уж все, – усмехнулся Ильич. – Но вот что действительно мало кто знает: обычно шаман двигается только вдоль одной из осей, скажем так, вверх или вниз.

– И ты предлагаешь попробовать сдвинуться вбок? – быстро спросила Таня, и Ильич довольно кивнул – она сразу ухватила суть.

– Помнишь, я рассказывал тебе о волшебной вещи, которую искали мои предки? Вот она как раз позволяет сдвигаться в любую сторону самому или двигать других. Ну, то есть я так думаю. По легенде, она позволяет наводить морок и видеть несбывшееся, но, кажется, это и есть движение в сторону. Но вещь давно потеряна, никто не знает, где ее искать. Зато я, кажется, придумал, как обойтись без нее. И если я прав...

– Сможешь, наконец, защитить диплом?

– Диплом! – расхохотался Ильич. – Таня, ты даже не представляешь... Это масштабы Эйнштейна...

– Ты будешь знаменитым?

– Наверное. Но это не важно. Я хочу знать, понимаешь? Ты поможешь мне?

– Почему именно я? Почему не попробуешь сам?

– Мне трудно одновременно проводить ритуал и фиксировать происходящее, – признался Ильич. – А мои приятели из университета думают, что я свихнулся. Один так и вовсе заявил, что он принципиально против наркотиков, будто я ему не аяваску предложил, а какую-нибудь дурацкую марихуану...

– Ладно, – сказала Таня. – Давай, двигай вбок.

Вот так, легко и не задумываясь, совершенно буднично. Тане в тот момент и в голову не пришло, что она выбирает судьбу, судьбу недобрую и пугающую. Она привыкла доверять шаманам, она привыкла слушаться Ильича – еще с тех времен, когда он, тощий, усталый вымотанный бесконечной подготовкой к инициации подросток, присматривал за ней, шестилетней, пока она играла с его младшими братьями.

Густое питье горчило – Тане был уже знаком этот вкус, старший Чакруна проводил с ней ритуал год назад, чтобы избавить от мигреней. Она медленно растворялась в мире, превращалась в апельсин, в луну, в порыв ветерка, долетевшего с реки. Она была гекконом и москитом, которого тот съел, ночным небом и шелестом листьев; свет наполнял ее, и она становилась светом.

А потом Ильич двинул вбок.

И что-то пошло не так. Мир оказался перевернут вверх ногами: где-то далеко внизу, за багровым туманом, сияла древняя башня, и жадный взгляд Чиморте тянул ее к себе. Она оступилась. Она хотела отойти от края обрыва, вернуться в человеческий мир, но перед этим взглянуть хоть одним глазком на загадочного зверя, позволить себе хоть на секунду почувствовать его прекрасную власть, освобождение от оков разума. Она по-

тянулась навстречу – и пошатнулась, мир под ногами качнулся, и Таня полетела вниз, к вершине башни, всем телом слыша торжествующий звериный рев...

Это был несчастный случай, говорил потом Ильич. Так же твердил присланный в Ятаки новый учитель. Просто несчастный случай, но девочка убита. Просто ошибка, но Таня, мечтавшая стать врачом, вынуждена жить на болоте, среди моношек, которые всерьез верят, что своей любовью способны удержать Чиморте в башне. Разглядывая ретаблос, заказанные послушницами, Таня едва удерживала истерический смех. «Я была средней дочерью бедного крестьянина, у которого было семеро детей, и была вынуждена пойти работать к синьоре Катарине. Благодарю Святого Чиморте за то, что он обратил на меня свой взгляд и призвал служить себе, и теперь я живу жизнью, угодной Богу». «Мой муж попал под грузовик на дороге в Ла-Игуеру и умер, я не знала, как мне жить дальше, и сходила с ума от горя. Благодарю Святого Чиморте за то, что он дал мне утешение».

Таня пробовала сбежать, пробовала сопротивляться, жить нормальной жизни, но стоило ей закрыть глаза, и она чувствовала этот взгляд, стоило чуть ослабить контроль – и тоска начинала терзать ее. В конце концов, она сдалась. Поначалу ей казалось, что привязанность к монастырю – ее беда, но постепенно, сама того не понимая, начала искать оправдание такой жизни. Ведь он был прекрасен, этот зверь, древний индейский бог, Святой Чиморте. Она ненавидела его, но и любила.

Таня не знала, в какой момент она твердо решила разбудить его, вызволить из башни и тем самым освободиться самой. Она очень смутно представляла, как это можно сделать, пока не появился Дитер. Таня не сразу поняла, что ей дан шанс. Поначалу новый учитель вызвал у нее лишь недоумение – его угрюмость,

его явное недовольство своим положением противоречили самой идеи добровольной помощи бедным отсталым племенам. Дитер совсем не походил на жизнерадостных волонтеров, с которыми Таня приходилось сталкиваться раньше. Но несколько слов, оброненных местными благотворителями, все объяснили. В момент встречи с Ильичом в Камири Таня уже знала, что будет делать, и лишь дожидалась удобного момента. Нужно было найти повод, чтобы заманить учителя в монастырь, но Таня была уверена, что случай для этого найдется сам собой. Она боялась, что шаман сможет помешать ей, но теперь убедилась, что причин для опасений нет.

Таня не собиралась вникать в заботы Ильича; главное – он почему-то считает, что вмешиваться поздно. Ну и прекрасно, решила Таня и ударила пятками задремавшего мула. Впереди в болотном тумане уже темнели стены монастыря, выстроенного вокруг башни Чиморте.

ГЛАВА 8

В ПОИСКАХ ИЗБАВЛЕНИЯ

Москва, октябрь, 2010 год

Сергей с отвращением доцедил пахнущий ржавчиной кипяток и подбросил в огонь трухлявшую ветку. Под плотными кронами, колышущимися высоко над головой, уже давно стемнело, и гладкие стволы окружало едва уловимое глазом белесое свечение. Но кусочек чистого неба над рекой еще мерцал золотым и розовым, и в нем отчетливо темнели силуэты трех летящих на восток уток.

После счастливого спасения из Куэбрадо-дель-Юро они потеряли в боях еще двух человек. Однажды это случилось на глазах у Сергея, и он до сих пор не мог забыть выражения усталости и раздражения в глазах умирающего Паблито. Он был ранен в живот; помочь ему не могли, и партизан, мучающийся от дикой боли, хотел только, чтобы все поскорее закончилось. После этого случая Сергей начал плохо спать. Попадая в ту странную реальность, где Че Геваре удалось уйти из рокового ущелья, он никогда не забывал, что галлюцинирует, но теперь стал задумываться – а что будет, если его убьют? Сможет ли он вспомнить в предсмертной тоске и боли, что ему есть куда вернуться, или его разум так и угаснет посреди несуществующей сельвы?

Партизаны уходили все дальше на юго-восток, прочь от населенных земель. Видимо, отряду все-таки удалось вырваться из зоны, контролируемой войсками – по расчетам Че, их должны были оставить в покое еще раньше. С боливийскими солдатами так и вышло; но рейнджеры гнались за партизанами

удивительно упорно, и Сергей видел, что эта настойчивость тревожит комandanте намного сильнее, чем привычная уже угроза ввязаться в очередной бой. Иногда он ловил угрюмо-вопросительные взгляды, которые Че кидал на Макса Морено. Похоже, преследование рейнджеров вызывало подозрения в адрес парагвайца.

Но последняя стычка случилась несколько дней назад. К вечеру, пройдя полтора десятка километров, разбивали лагерь, и Че тут же погружался в бумаги, доставленные Максом Морено. Сергей опасался в одной из галлюцинаций нарваться на пламенную лекцию о марксистских основах партизанской борьбы, но комandanте явно было не до того. Он вступал в разговоры только для того, чтобы отдать краткие распоряжения либо в сотый раз призвать бойцов к дисциплине и разобрать очередную скору. В лагере разговаривали о подходящих к концу припасах, о том, что неплохо было бы достать хотя бы мешок маиса. Вспоминали друзей из отряда Хоакина – гадали, верить ли сообщениям по радио, что все партизаны перебиты, или кому-то все-таки удалось спастись. Изредка вспыхивали перепалки – боливийцы считали, что приезжие влезли в авантюру, не попытавшись разобраться в местных особенностях, а кубинцы, убежденные материалисты, раздражались из-за суеверий, которыми их в изобилии снабжали аборигены.

Много говорили о картах. Историю о том, как Лоро вынуждался достать их в земельном управлении, но вернулся с пустыми руками и пытался пересказать увиденные мельком карты на словах, вспоминали, как мрачный анекдот. В конце концов, карты добыли, но они оказались из рук вон плохи и совершенно не совпадали с тем, что отряд видел своими глазами.

Проблема разрешилась непонятным Сергею образом в конце января, когда среди прочих боливийцев к отряду присое-

динился парень по имени Бенхамин, совсем еще мальчишка, слабый и неуклюжий, но упорный и свято верящий в революцию. Поговаривали, что на самом деле ему не восемнадцать, а не больше четырнадцати, и он сбежал от своего респектабельного немецкого семейства, владевшего небольшой каучуковой плантацией под Санта-Крузом. Создавалось впечатление, что Бенхамин держит в голове точный и подробный снимок местности. Не то чтобы его загадочное умение воспринимали всерьез, Че так и вовсе практически игнорировал мальчишку, считая, что знание партизана еще надо заслужить. Но как-то так выходило, что всякий раз, когда возникали сомнения по поводу правильного пути, в конце концов, обращались к Бенхамину, и тот ни разу не ошибся. К сожалению, продолжалось это недолго. В конце февраля этот хилый мальчишка со странными разноцветными глазами стал первой потерей отряда, утонув в Рио-Гранде – его тело, унесенное бурным течением, так и не нашли.

После гибели Бенхамина партизаны снова были вынуждены ориентироваться по картам, составленным, видимо, не выходя из кабинета со слов какого-нибудь самоуверенного субъекта вроде Лоро. Правда, теперь, когда отряд ушел из района Камири, и они стали бесполезны: здесь начиналась нехоженная сельва, еще не знакомая толком ни одному цивилизованному человеку. Какие-то подсказки мог дать Макс, который явно понимал, куда они идут. Этот странный зоолог-парагваец, невесть как прибившийся к партизанам, во время перестрелок казался обузой, но здесь, в сельве, оказался одним из самых толковых людей в отряде. Но и тот ориентировался плохо, так как бывал в местах, до которых хотел добраться Че, только со стороны Парагвая, да и то лет десять назад.

Что это за место, Сергей не очень понимал. Он знал, что запасной план был разработан на случай, если не удастся

добиться поддержки крестьян, и что он категорически не нравился команданте. Информацию, нужную для его исполнения, должна была добыть Таня, разъезжавшая под видом доктора этнографии по всей Боливии. Подробностями Че ни с кем не делился, складывалось ощущение, что команданте смущен тем, что делает, и с удовольствием бы выдал поход на юг скорее за передышку между вооруженными столкновениями, чем за серьезное предприятие.

Кубинцы все так и воспринимали; но боливийцы, большей частью – простые малообразованные крестьяне, были напуганы. В лагере шептались о племенах каннибалов; о каких-то демонах, сторожащих болота; о католических монашках, приносящих несчастье. Сергей подозревал, что партизаны не бунтуют только потому, что не хотят возвращаться под пули: за голову каждого из отряда была назначена награда, и дезертировать, чтобы зажить прежней мирной жизнью, было невозможно.

Подошел Анисето с полным котелком мутноватой воды. Сергей поворотил в костре, подвесил котелок над огнем и стал слушать, как один из кубинцев тихо напевает какую-то полузнакомую песенку.

Он все еще слышал ее, медленно приходя в себя на собственной кровати, сухой и чистой, освещенной полосой малинового света, отбрасываемого огромной рекламой на крыше соседнего дома. Первым его чувством была радость по поводу того, что в углу кухонного шкафчика стоит почти целая пачка мате – можно заварить его прямо сейчас и напиться вволю. Потом он вспомнил, что мате терпеть не может, и эту пачку купил года три назад вместе с калебасой и бомбильей исключительно из любви к красивым ритуалам.

Не включая света, Сергей пробрался на кухню и поставил кипятиться прекрасную, кристально-прозрачную, почти сладкую родниковую воду. Тщательно заваривая чай, он

окончательно пришел в себя. За окном то и дело проезжали машины, слышались голоса. Слегка удивленный, Сергей взглянул на часы. Он был уверен, что давно наступила глубокая ночь, однако было всего восемь вечера. Художник вздохнул. Видимо, звонок бывшей однокласснице больше откладывать нельзя – галлюцинации не прекращались, и надежды на то, что они пройдут сами по себе, уже не оставалось.

– ...пронес эту табакерку через всю первую мировую, дед – через вторую, – рассказывал Алекс. – Просто чудом она не пропала. Не потеряли, не продали с голодухи – все-таки серебро, за нее во все времена много можно было выручить. Я в детстве очень любил рассматривать этих драконов, пытался прочесть иероглифы... Но ничего не вышло, конечно. А твои?

- Что мои? – рассеянно откликнулась Юлька.
- От твоего деда тебе что-нибудь досталось?
- Целая комната, – лениво пробормотала она.
- Расскажи, а? – оживился Алекс.

Она сидела на пледе, расстеленном на пожухлой траве. С обрыва далеко в обе стороны виднелась лента совсем узкой здесь, чистой и темной Москва-реки, и поблескивали сквозь дымку, затянувшую горизонт, купола каких-то церквей под Можайском. За рекой через поле тянулась мелкой рысью цепочка всадников на смешных пегих лошадках. В руке у Юльки был большой картонный стакан с лучшим, по словам Алекса, в Подмосковье капучино, на коленях – коробочка с мороженым, а в голове – полный бардак.

До Юльки, наконец, дошло, что за ней старательно и настойчиво ухаживают, и она понятия не имела, что ей с этим делать. Такой роман был бы кстати чуть позже, когда она отошла бы от влюбленности в художника и захотела выбить клин

клином. Но не сейчас когда она ревет по ночам в подушку, отчаянно мечтает и подпрыгивает на каждый телефонный звонок, чувствуя, как сердце рвется из груди в дикой и бессмысленной надежде.

Юлька облизывала ложку с мороженым и мучительно пыталась решить: стоит ли честно сказать Алексу, что ему ничего не светит или расслабиться и попытаться получить удовольствие. Тем более что уж это ее новый знакомый умел: все их встречи были продуманы до мелочей. Юлька с наслаждением сходила на концерт какой-то малоизвестной, но отличной блюзовой группы, сожрала несколько громадных стейков, а ее комната была заставлена букетами мохнатых астр, которые она так любила. Алекс был остроумен, терпел ее опоздания и равнодушие, выслушивал бесконечную болтовню и изо всех сил старался угодить ее вкусам. Осчастливила ее россыпью чудесных, невиданных в Москве бусин, правда, наверное, пожалел об этом: в тот раз Юлька, не в силах терпеть, полчаса ковырялась в пакетиках, не видя ничего кругом, а потом и вовсе отменила свидание и побежала домой, чтобы немедленно сбрить придуманное ожерелье. На следующий день она, очнувшись, бросилась извиняться, но Алекс только посмеялся и ничуть не рассердился.

В общем, Алекс был очень мил, и Юльке было даже обидно, что она никак не может в него хоть немного влюбиться. Единственное раздражало в поклоннике: все их разговоры каким-то непостижимым образом все время сворачивал к ее предкам. Вообще-то Юлька любила поболтать о своих экзотических корнях, выдумывая то, что не знала, но Алекс был слишком настойчив, и она вдруг заупрямилась. Вот опять. Он за кем вообще ухаживает?

– Ну что ты прицепился к моему деду? – устало спросила Юлька. – Я тут перед тобой сижу, вся такая прекрасная, а

ты расспрашиваешь о древнем старикане с дурным характером.

– Да мне просто интересно, откуда ты...

– Такая уродилась? Ты не поверишь – маме тоже.

– ...такая замечательная взялась, – упрямо договорил Алекс.

– Хорошо, – сдалась Юлька, – но почему дедушка? Я же о нем практически ничего не знаю. Почему не мама, не папа, не бабушки, в конце концов?

Алекс растерянно моргнул.

– Извини, – пробормотал он, – если тебе неприятно, я не буду больше спрашивать.

– Просто достало, – раздраженно сказала Юлька. – У меня было два деда, один – ботаник, другой – бродяга, не пойми кто. Который тебя интересует?

Алекс секунду раздумывал. Потом его лицо прояснилось, и он весело сказал:

– Наверное, тот, который ботаник.

Юлька бешено уставилась на него, раздувая ноздри.

– Надоело мне, – сказала она. – Не буду ничего рассказывать. Может, в другой раз.

– О, так значит, будет другой раз? – обрадовался Алекс. Юлька пожала плечами:

– Мороженое было вкусное, – сказала она. – И кофе отличный. И пейзаж ничего так, я даже не знала, что под Москвой такие славные места есть.

Юлька заскребла ложкой по дну, собирая остатки мороженого. Значит, его интересует ботаник... Уже неплохо – она уже начинала бояться, что ее параноидальное отношение к серебристому броненосцу оправдалось и объявился охотник за предметом. По совету бабушки Юлька перестала носить кулон. Глаза снова стали карие, и она успокоилась – если даже кто-то ищет броненосца, причин подозревать ее нет.

О предмете знает только бабушка и Сергей. Но бабушка никому не скажет, а Сергей... Юлька облизала ложку и решила, что художник тоже будет молчать. Еще, конечно, знает дед Макс, но вряд ли он станет болтать после того, как сам же призывал ее быть осторожной. Да и потом – где он, этот дед?

– А где сейчас живет этот твой дед-ботаник? – будто подслушав ее мысли, спросил Алекс.

– Вообще-то он умер, – ответила Юлька.

– О! Извини.

– Ничего, я давно привыкла, – сказала она, мельком взглянула на Алекса и удивленно повернулась к нему всем телом.

На лице Алекса явно читалась растерянность. Почему-то известие о давней смерти чужого дедушки всерьез потрясло его. Он моргнул, по лицу прошло что-то вроде судороги, секунда – и он снова смотрел на Юльку с добродушной насмешкой и откровенным мужским интересом.

– Интересуешься ботаникой? – невинно спросила Юлька. Алекс весело пожал плечами.

– Я всем понемногу интересуюсь. А давно он умер?

– Давно, я еще маленькая была.

– И на похороны тебя не взяли?

Юлька медленно кивнула, стараясь, чтобы на ее лице не было ничего, кроме легкой рассеянной улыбки. Ну что за черт! Похоже, Алекс действительно ухаживает не за ней, а за дедом. Но что может быть нужно мелкому бизнесмену от профессора Цветкова?

– Напомни, чем ты там занимаешься? – спросила она.

– Водой. Питьевой водой для офисов и всего такого.

– И что, хочешь найти какие-нибудь особые травки, чтоб на них настаивать? Чтоб клиенты валом шли?

У Алекса на мгновение отвисла челюсть. Через секунду, придя в себя, он заржал.

— Мне надоело, — сказала Юлька и встала. — Я поеду домой, а ты как хочешь.

Выпутавшись из пледа, она задрала подбородок, промаршировала мимо джипа Алекса и зашагала через поле туда, откуда изредка доносился шум проходящих электричек.

Алена еще раз внимательно взглянула на томограмму и перевела взгляд на Сергея. Тот сидел, с интересом разглядывая негативное изображение собственных мозгов, но под маской беспечности и досужего любопытства скрывалось напряжение, готовое превратиться в панику.

— Органических проблем у тебя нет, — сказала Алена. — Конечно, может быть какое-то микроповреждение мозга, но это очень маловероятно.

— Так что, получается, я просто так галлюцинирую, без всяких причин?

— Если хочешь, я дам тебе направление к другому врачу, — чуть обиженно ответила Алена. — К нашему завкафедрой, хочешь? Он, пожалуй, лучший...

— Да нет, зачем, я тебе верю, — замахал руками Сергей. — Я наоборот рад, что все цело, боялся, ты скажешь, что у меня мозги давно в яичницу превратились... — он вздохнул и с надеждой спросил: — Так что мне, просто не обращать внимания, само пройдет, как простуда?

Алена помолчала, разглядывая Сергея. Со школы тот практически не изменился, лишь слегка увеличился в размере, да с лица сошла детская мягкость. Алена слегка пожала плечами.

— Ты зря не хочешь обратиться к психиатру, — мягко сказала она. — Никто не будет класть тебя в стационар. Возможно, хватит легких транквилизаторов, чтобы снять симптомы.

— Аленка, у меня выставка на носу! Как мне под транквилизаторами работать, сама подумай!

Алена покачала головой, убрала снимок в конверт и протянула Сергею.

– Короче, по моей области у тебя все чисто, так что... Если все-таки надумаешь – звони, дам телефон проверенного специалиста. Снимок сохрани на всякий случай, мало ли что.

Похлопывая конвертом по перилам, Сергей медленно спустился по лестнице. До сих пор он не сознавал, как отчаянно надеялся на Аленку. Рассчитывал, что она скажет: ну конечно, проблема известная, не страшнее гриппа. Съешь вот такую таблетку – и все пройдет. Ну или еще лучше: не тревожься, такое со всеми бывает, это нормально. Худшим случаем Сергею казалось долгое и нудное лечение. Но на то, что врач разведет руками и отправит его к психиатру, Сергей никак не рассчитывал. От растерянности он просто не представлял, что делать дальше: запасного плана на такой случай у него не было.

Он протянул номерок гардеробщице и, ожидая куртки, бездумно поворотил стопку брошюр на стойке. Одна привлекла его внимание яркими, смутно знакомыми узорами, и Сергей начал читать. Православная парапсихологиня предлагала свою помощь всем, от кого отказались врачи, обещая исправление кармы, чистку энергетических каналов, лечение гипнозом, а заодно и приворот. Раскрытие чакр прилагалось по умолчанию. Сергей иронически хмыкнул и собирался уже отправить бумажку в урну, но в последний момент передумал и сунул в карман. Возможно, лечение гипнозом – как раз то, что ему надо. Даже если от галлюцинаций не получится избавиться – то, может быть, удастся внушить, что он ничего не видит? Или просто заставить себя игнорировать их вместо того, чтобы тревожиться и переживать.

От этой мысли Сергей даже приостановился. А что ему мешает перестать тревожиться без всякого гипноза? Да то, что

с ним происходит, – ненормально, но не слишком мешает жить, да к тому же бывает интересным. Может, вместо того, чтобы бегать по врачам, ему нужно научиться управлять этим?

Сергей завел машину и осторожно потянул носом. Пахло вроде бы нормально: бензином, освежителем воздуха и разлитым недавно назад растворителем для красок. Есть шанс, что в ближайшее время его не накроет. Вот в том-то и дело, думал Сергей, осторожно выбираясь с парковки, ладно, когда это случается дома. А если на людях? А если он начнет галлюцинировать при родителях и напугает их до смерти? А если это свалится на него, когда он будет за рулем, успеет ли он вывернуть к обочине и остановиться? Ругнувшись сквозь зубы, Сергей вытащил из кармана листовку целинницы.

Стоило бы сначала расспросить Марию, но Юлька не хотела волновать бабушку зря. В конце концов, Алекс мог задавать вопросы из невинного любопытства.

– Это паранойя какая-то, – громко сказала она и толкнула дверь.

С тех пор, как дед уехал в свою последнюю командировку, здесь ничего не изменилось: по-прежнему посреди комнаты стояло массивное кресло под одиноким торшером, а на журнальном столике лежала раскрытая книга и очки. Лишь прибавилось пыли, да в углу у двери появилась большая коробка из-под телевизора. Заглянув в нее, Юлька обнаружила самодельную куклу из желтоватой бязи с глазами-крестиками и груду секций от игрушечной железной дороги, под которыми краснели какие-то пластмассовые бока. Щелкнув куклу по носу, Юлька огляделась, на цыпочках подошла к креслу и осторожно присела. Кресло по-прежнему было таким же уютным, как в детстве. Юлька подобрала

ноги, свернулась клубочком и грустно улыбнулась. Дотянулась до книги – это оказалась «История культурных растений». В предисловии мелькнула фраза «рассмотрено с марксистских позиций»; Юлька фыркнула, полюбовалась на экслибрис – ветвь с узорчатыми листьями, складывающимися в подпись «проф. Цветков», и отложила книгу в сторону.

Когда-то Юлька сидела здесь каждый вечер, втиснувшись под бок худого жилистого деда. Чтение на ночь было обязательным ритуалом, не нарушавшимся, пока профессор не уезжал в очередную экспедицию. Неважно было, что именно прочтет сегодня дед. Иногда это были сказки Гофмана или Киплинговская «Книга джунглей». Изредка что-то невразумительное и совершенно непонятное, вроде докторской диссертации дедушкиного коллеги. Однажды это и вовсе оказалось подшивкой еще пахнущих типографской краской номеров «Спутника партизана» за семьдесят девятый год с двумя дедушкиными статьями: «Весенняя зелень» и «Первая помощь раненому бойцу». Из второй Юльке почему-то врезалось в память, что лучшее кровоостанавливающее средство – высохший панцирь каракатицы; много лет спустя это знание пригодилось на тайском пляже, где Юлька жестоко изрезала пятку об острые ракушки.

Но чаще всего книга оказывалась одним из экспедиционных дневников деда – странным собранием путевых заметок, хозяйственных расчетов, кратких описаний диковатых обрядов и мифов, распространенных в странах, о которых нормальный человек и не слышал ни разу. Зарисовки диковинных ритуалов, удивительные случаи, произошедшие в джунглях с дедом или его спутниками. Перевалы Тибета в короткой щетине привыкших к суровым ветрам трав. Стычки с ведьмами и жрецы таинственных культов, заброшенные тропы, ведущие к пещерам, где жили племена

колдунов, недели пути ради того, чтобы найти волшебную лиану...

– Дедушка-ботаник, – иронически произнесла Юлька, вы-бинаясь из кресла. Мертвый воздух проглотил слова.

Ящики большого письменного стола были заперты, но в одном из них торчал позеленевший медный ключ. Пожелтевшую тетрадь с надписью: «Дневник ученицы 3 «В» класса Степановой Юлии» Юлька отложила сразу, чувствуя, как горят уши. Дневник сам собой открывался на странице, где была жирно выведена двойка, а гневная запись под ней сообщала, что Юля плевалась на уроке пения.

Минуту спустя она уже сидела на полу, обложенная пачкой документов, и держалась за голову. Хлопнула входная дверь, и Юлька встрепенулась. «Я дома!», – крикнула бабушка. Теперь надо было выждать минуты три. Юлька начала неторопливо собирать в кучку многочисленные дедовы корочки.

– Кем был дед Андрей? – спросила Юлька.

– Ботаником, – быстро ответила Мария. Слишком быстро. Без запинки, как хорошо выученный урок.

Юлька вздохнула.

– Вот это – удостоверение врача-психиатра на его имя, – тихо сказала она, выкладывая на стол документ. – Вот из этого, – она выложила следующий, – видно, что он был как минимум полковником...

Мария, не глядя на внучку, принялась медленно выбивать трубку. Ее пальцы слегка дрожали.

– Бабушка? – тихо окликнула Юля.

– Ну хорошо, – сказала та, откладывая недочищенную трубку. Искося взглянула на Юльку, в выпуклых черных глазах мелькнуло сумасшедшее веселье. – Твой дед Андрей был ботаником.

- Бабушка!
- В том числе и ботаником. Специалистом по психоактивным растениям.
- Ой, – сказала Юлька, глядя на бабушку во все глаза и вслепую нашаривая зажигалку. Мария тяжело вздохнула и принялась заново набивать трубку.
- Как, по-твоему, я оказалась в Москве? – спросила она. – Полуграмотная девица из африканского захолустья стала студенткой меда?
- Ну как, – опешила Юлька. – Вы с дедом друг в друга влюбились, поженились, и...
- Она испуганно замолчала, сбитая с толку горьким смехом Марии.
- Не, ну конечно, обезьянка...
- Я была его подопытным кроликом, Жюли, – перебила бабушка. – Его кандидатской. Ступенькой в блестящей карьере. Или ты думаешь, что он женился и привез меня сюда из воожделения? Ты же большая девочка... А начальство? Снизошло к его страсти? Поверило в большую любовь? У меня ведь даже документов не было!
- Я думала, ты была коммунисткой, поэтому...
- Ой, Жюли, – скривилась бабушка. – Гевара к тому времени расплевался с Союзом в пух и прах, он же с идеями носился, а тут наткнулся на тех же буржуа, только соус другой. Да если бы и нет – кого волнуют политические взгляды кухарки?
- Мария замолчала, глядя в пустоту.
- Так что дедушка? – подтолкнула ее Юлька.
- Он сразу заподозрил приворот. Понимаешь, профессиональная деформация. Да и неестественно это было для него – мечтать о беременной перезрелой девице с кухни. По мне уже заметно было... Думаю, какое-то время он проверял, убеждался, что на него и в самом деле влияют извне. А потом стал хитростью выманивать у меня имя колдуна, поначалу он

считал, что я действую с чьей-то помощью. А я хитрила и юлила... Но дала ему понять, что и сама неплохо колдую, – Мария ухмыльнулась, пыхнула трубкой. – Конечно, он хотел бы выяснить все на месте, а не тащить меня в Москву. Но, сама понимаешь, мне-то нужно было уехать...

– Я думала, он был влюблен, – тихо сказала Юлька.

– Я три месяца просидела в каком-то госпитале под Москвой, – тяжело проговорила Мария. – Я была беременна и всю жизнь провела на солнце, а меня заперли в пропахшей лекарствами комнатушке. Твоя мама там родилась... Я рассказала им все, что знала о колдовстве и приворотах, а знала я немало, папа много общался с колдунами.

– Твой папа? Священник?!

– Обрати в христианство одного колдуна и считай, вся деревня спаслась для вечной жизни, – пожала плечами Мария. – От него я знала много, он любил поговорить о вреде суеверий – с подробностями и примерами. Так что я болтала и болтала. И часами сидела над Андреем, пока с него снимали ЭЭГ и прочие кардиограммы... Поначалу они были довольны, но им хотелось знать, как именно я его приворожила.. Я не могла соврать, у них были способы проверить. Но рассказать о предмете... – она покачала головой, усмехнулась. – Знаешь, Жюли, думаю, таких предметов не один на свете и не два. И кто-то там, – она дернула подбородком вверх, – конечно, о них знает. Я думаю, они просто перестарались с секретностью, и... хм... правое полушарие не знал о чем было известно левому.

– Так ты им не рассказала?

– Почему же, рассказала, – сухо ответила Мария. – У них были способы...

Юлька тихо ахнула и прикрыла рот ладонью.

– Так дедушкина кандидатская...

– Гроша ломаного не стоит! – злорадно откликнулась бабушка. – Я им все рассказала, все, что знала от бабки Фатин, слово

в слово. Слово в слово. На сленге, принятом в эфиопском публичном доме. И объяснила, что не знаю, как это перевести.

Мария закатилась полусумасшедшим смехом.

– И ты после всего этого прожила с ним столько лет?! – с ужасом воскликнула Юлька. – Как?!

– Ну, он же честно выполнил все, что обещал, – цинично усмехнулась бабушка. – Женился, выправил документы, выучил, помог поступить в институт... Я не самую плохую жизнь прожила. Он помог мне, а я – ему, – и она снова расхохоталась.

– Мама об этом знает? – спросила Юлька, помолчав.

– Что ты! – испуганно воскликнула бабушка. – Ей не надо. Не надо, хорошо?

Юлька покивала.

– Теперь я хотя бы понимаю, какого черта вы отговорили меня стать ботаником, – мрачно сказала она.

Разговаривать о семейной истории больше не хотелось. Не зря в их доме всегда закрыты двери – открой любую, и вывалитесь скелет.

– Есть хочется, – пробормотала Юлька.

– Ну так приготовь, – отрезала бабушка. – А я пойду, полежу.

Она тяжело всталла и уже в дверях сказала через плечо:

– Знаешь, я тоже мечтала, что Макс очнется и умыкнет меня из-под венца.

– Что значит «тоже»? – вскинулась Юлька. – Можно подумать, я...

Ответом ей была стук закрывшейся двери в бабушкину комнату.

«Православный институт парапсихологии» прятался в одном из переулков в центре Москвы. Сергей поднялся на второй этаж и оказался в приемной, стены которой с пола

до потолка были выкрашены в синий цвет. В углу висело несколько пышно раззолоченных икон; на противоположной стене – пара плакатиков с пестрым изображениями Шивы и Ганеши и парадный портрет целительницы в полный рост, при виде которого Сергея перекосило. Стараясь не смотреть на кошмарную картину, он подошел к сидящей под портретом секретарше с гигантскими золотыми кольцами в ушах и длинными, густо подведенными глазами. Двигало им скорее упрямство и желание оправдать два часа, потерянных в пробках, надеясь на реальную помощь в этом заведении явно не приходилось.

– Госпожа Агафья ждет вас, – торжественно объявила секретарша, заглянув в записи, и кивнула на дверь в кабинет.

Госпожа Агафья оказалась преувеличенным вариантом секретарши: золота и косметики на ней было еще больше, а пышный бюст обтягивал черный шелк. Она кивнула Сергею на низкое кресло, и он сел, тут же утонув в его кожаных пучинах. «Стараются, чтоб клиент не сбежал», – уныло подумал он, глядя на свои колени, торчащие на уровне головы.

– Крещеный? – деловито спросила целительница. Сергей неуверенно кивнул. – В церкви давно были?

– Давно, – сокрушенно ответил он, не уточняя, что был там единственный раз в жизни, младенцем, во время того самого крещения.

– Очень плохо, – поджала губы госпожа Агафья. – От этого у вас нарушилась энергетическая защита, и вы не можете сопротивляться проблемам... проблемам с...

– Со здоровьем, – подсказал Сергей.

– Это все потому, что в церковь не ходите. Я вижу вашу исаженную ауру. Пробой у сердца... Курите?

– Курю.

– И выпить тоже не отказываетесь. А в результате – проблемы с сердцем, а вы же молодой человек! Бросьте курить и из-

бегайте стрессов, это не дает раскрыться вашим чакрам. Сходите в церковь, помолитесь, свечку поставьте... Все болезни от стресса!

– И галлюцинации тоже?

– Какие галлюцинации? – насторожилась целительница.

– Понимаете, мне кажется, что я один из партизан Че Гевары, – объяснил Сергей и тут же понял, что сморозил глупость: целительница как-то подобралась и зашарила глазами.

– Конечно, конечно, – ласково сказала она. – И давно это с вами?

– Да пару недель.

– Так, так... – госпожа Агафья поправила ароматическую палочку и нервно покосилась на пациента. Видимо, решив, что тот не опасен, она слегка приободрилась и заговорила с прежней уверенностью: – Вот видите, у вас такая слабая энергетика, что вы поддались бесам. Сейчас мы проведем сеанс, и вам станет легче. Но одним приемом здесь, конечно, не обойтись, проблема серьезная...

Сергей не успел возразить. Откуда-то набежали перегидрольные помощницы, затянутые в черное и леопардовое, и мягко переместили его в полутемную комнатку без мебели, где совсем уж было не прдохнуть от благовоний. Они усадили Сергея на застеленный циновками пол и бросились зажигать свечи. Из скрытых динамиков полились тягучие звуки какой-то мантры, навевавшие мучительную зевоту. Помощницы исчезли, и в комнату вплыла госпожа Агафья, успевшая облачиться в расшитые золотом одежды. Она простерла руки над головой Сергея, и тот, поняв, что сопротивляться бесполезно, уселся поудобнее и прикрыл глаза.

Похоже, он успел задремать, зажегшийся в комнате свет банный электрической лампочки ударил по глазам. Сергей

потер лицо и встал. Целительница уже стояла в дверях, демонстративно тряся руками.

– Ну что ж, мне удалось немного слегка почистить вашу ауру, – довольно сказала она. – Возьмите у Дианы на кассе амулет – она знает какой, и обязательно носите с собой, чтобы не ухудшить ситуацию. И непременно поговорите с батюшкой и сходите к психиатру. Не стоит отвергать огульно официальную медицину, мы вполне можем сотрудничать.

Сергея ловко передали на руки секретарше, и через пять минут он, одуревший от запаха благовоний и расставшийся с изрядной суммой, отданной за прием и амулет, призванный защищать от бесов, очутился на улице. Он повертел головой, приходя в себя.

– К батюшке и психиатру, – мрачно повторил он, глядя на вывеску. – Да они тут сами все психи.

К психиатру не хотелось: никогда в жизни Сергей не чувствовал себя настолько нормальным. Он разжал ладонь, посмотрел на амулет и вдруг дико заржал. Он хлопал себя по бедрам, всхлипывал, вытирая слезы и снова начинал ржать, не в силах остановиться, пока к нему не подошел охранник.

– Слыши, друг, – сказал он, – шел бы отсюда.

– Иду, иду, – сдавленно ответил Сергей, борясь с новым приступом смеха. – Вы не волнуйтесь.

– Я вас, психов, за версту чую, – ответил охранник, – насмотрелся. Вас тут дофига ходит. Давай, давай, – он подошел вплотную, тесня Сергея от входа.

– Все, ухожу, – ответил Сергей, еще раз посмотрел на амулет и снова закатился от смеха.

Он понятия не имел, что должны означать иероглифы, ловко вплетенные в сложный узор талисмана. Зато прекрасно знал, что там написано на самом деле. Он видел этот амулет, еще не покрытый лаком и поблескивающий сырой краской, в Юлькиной комнате всего три недели назад. Тогда же, хихикая, она с

наслаждением перевела ему надпись. Шаловливой Юлькиной рукой на амулете было выведено: «Я суеверный придурак. Великий Будда, дай мне мозгов!»

Юлька оставила греться воду под макароны и принялась тереть сыр. Оставшаяся наедине с собой, она бормотала и корчила рожи. Во-первых, ни под какой венец она не идет. Во-вторых, ей от Алекса ничего не надо, она не бедная конголезская кухарка и прекрасно живет сама по себе. Хотя Алекс, конечно, умеет здорово украсить жизнь. Но ведь она его не любит! И даже не хочет. Юлька задумалась, представляя себе Алекса – высокого, с правильными чертами лица... Слишком правильными – настолько, что его физиономия совершенно не запоминалась, и каждый раз, идя на свидание, Юлька боялась, что не узнает его. Нет, если бы ей удалось выкинуть из головы Сергея, это было бы приятно... А потом они случайно встретятся. Вот прям когда ей будут делать предложение – как положено, с кольцом и стоя на одном колене. Он увидит, какая она счастливая, довольная и невозможна прекрасная, и сразу поймет...

– Черт, – сказала Юлька кастрюле с кипящими макаронами, – ну да, я тоже.

Раздраженно кривляясь, она насыпала в тертый сыр орегано и черного перца и вывалила макароны в дуршлаг. Ну хорошо, из-под венца ее, конечно, никто умыкать не будет. Но наслаждаться романом и между делом придумать повод для встречи с Сергеем можно запросто. Например... Юлька высунула кончик языка, пытаясь дотянуться до носа. Ну почему у нее нет привычки забывать свои вещи! Оставила бы у него сумочку... Или какую-нибудь флэшку, или диск – можно было бы наврать, что на нем страшно важная информация... Эскизы, например. Могут ведь у нее быть цифровые эскизы! Или просто спросить, как дела. Может же ей быть просто инте-

ресно! Да нет, дурацкий вопрос. Тем более что если шутка с броненосцем работает, то Юлька и сама прекрасно знает, как у него дела – примерно как в дурдоме, только веселее. А если нет, то ей лучше и не знать, чтобы не чувствовать себя еще глупее, чем сейчас. Но спросить-то можно...

Юлька кое-как смешала сыр и макароны и выскочила в коридор. Стукнула в бабушкину комнату, крикнув «готово», и понеслась к своему компьютеру.

Только бы не забыть, что еще надо наслаждаться романом с Алексом, напомнила себе Юлька, набивая письмо. И плевать, нужно ему что-нибудь от ее деда или нет. Может, в конце концов, получится увлечься им и забыть о художнике.

ГЛАВА 9

КУРЬЕР ИЗ ЧАКО

Чако Бореаль, январь, 1957 год

Максим допил мате и со вздохом вытянул ноги, наслаждаясь дружелюбным теплом костра, огонь которого в сумерках казался полупрозрачными крыльями больших блеклых бабочек. Дым разгонял насекомых; где-то за хижинами потякивали собаки, не поделившие пищу. Хосе куда-то исчез, и сейчас Максим был рад этому. Вид Хосе о многом напоминал ему, а Максим не хотел вспоминать.

Диего лежит перед ним ничком, из его шеи торчит что-то маленько и черное. Максим не сразу догадывается, что это дротик. Раскрыв рот, он смотрит в лес, но тут на него налетает Хосе и сбивает с ног. Они валятся в яму между огромными корнями, вырытую мегатерием; Хосе, лежа на боку, выдергивает из-под себя винтовку и осторожно выглядывает, и Максим, ничего еще не понимая, снимает с плеча свою.

Мул дико визжит, закатывая глаза, и падает на бок. Его ноги бешено бьются, голова судорожно закидывается назад. Подпружи лопаются. Потом лопаются ремни, стягивающие вьюки, и на землю вываливаются пестрые ткани, ножи и пакет со стеклянными бусами и зеркалами. От взгляда на бусы Максиму становится нестерпимо стыдно. Увера начинают стрелять; Максим глохнет. Он видит, как Пабло кричит, широко раззявив рот, и как под его нижней челюстью дрожит куцее оперение короткой стрелы.

Максим истерически стреляет куда-то в глубину леса, и из-за дерева вдруг выходит голый мальчишка с изумленным ли-

цом. По его груди течет тоненькая струйка крови. Он делает несколько неверных шагов к Максиму и падает. Смуглая рука загребает листья, в которых блестят рассыпанные стеклянные бусы.

Патроны кончились. Максим и Хосе смотрят на лежащего на открытым месте мертвого мула, – во выюках есть запас, но добраться до них невозможно. За деревьями мелькают, перебегая и подбираясь все ближе, люди с кожей цвета черной меди. Максим не чувствует страха – лишь какую-то сосущую пустоту. Хосе отбрасывает винтовку и приподнимается, выглядывая из-за корней.

Издалека доносится предупреждающий крик, и подбравшиеся совсем близко индейцы настороженно замирают. Максим всем телом прижимается к земле и чувствует ритмичную вибрацию – кто-то идет к ним, тяжко ступая, кто-то огромный. Дикии испуганно оглядываются и начинают отступать. В конце концов, один из них не выдерживает и, вскрикнув, переходит на бег. Паника заражает остальных: они с воплями бегут прочь, и Максим облегченно вздыхает.

Глаза Хосе лезут из орбит. Он молча тычет пальцем куда-то в лес; Максим смотрит туда, и его сердце дает сбой. Максим медленно поднимает фотоаппарат и жмет на спуск.

Он продолжает снимать, даже когда от дыхания мегатерия начинают шевелиться волосы на голове. Максим чувствует его едкий, удушающий запах, запах болот, крови и земли. Он смотрит в крохотные багровые глаза, в которых боятся безумие, ненависть и тоска. Он снимает, не слыша Хосе, не чувствуя, как тот тянет его за рукав, пока не кончается пленка, а потом бросается следом за Увера.

Они бегут, проринаясь сквозь кустарник, выворачивая ноги на кочках; листья тростника хлещут по лицам, оставляя кровоточащие порезы; они бегут, и Максим спиной чувствует взгляд мегатерия.

…Троє болівійців обирають рюкзак Максима, пока начальник патруля держить його під прицелом. Максим поняття не має, куди зник Хосе, і це тривожить його і обнадіює. Один із пограничників радостно викликає і побегає до командира з фотоаппаратом в руках. Максим протестуюче кричить, протягуючи руки, пульта вибиває фонтанчик землі під ногами. Максим зупиняється і торопливо пытается объяснити, що іменно він фотографував. С минуту його внимательно слушають.

Потім начальник отряда, пристально глядя в очі Максиму, з холодної улыбкою видаєє з фотоаппарата пленку і отшвыриває її прочь.

…По лицю мертвого болівійца ползет, деловито шевеля усицями, великий жук. Хосе молча подбирає засвічену пленку і віддає її Максиму; той послушно береть її, не пытаясь объяснити, що тепер это мусор.

— Я думаю, що ми все-таки в Парагває, і вони були не правы, — говорить Хосе, і тоді Максим починає смеяться. Він задихається, по лицю течуть слези, живот сводить, але зупинитися він не може.

— В чому дело? — бешено спрашивает Хосе.

— Диего.... — говорить Максим, давясь від хохоту. — Диего було смішно.

Его сміх переходить в різдання, і Хосе якісно-то час відчуває на себе мертвими очима, а потім изо всіх сил бьє по лицю.

Максим сидить на землі, глотаючи теплу кров, текучу із розбитого носа, і все ще смеється.

Завопил в хижине младенець, жіночий голос затянув успокаючу, заунівнулу мелодію. Максим відчув колибельну мелодію, яку пели коли-то і йому. Він закриє очі, задремавши, але тут поруч зашуршала під ногами трава, і до костру підішов один із молодих воїнів.

– Кавима тебя звал.

Максим неохотно поднялся и пошел за ним. Хижина Кавимы стояла на отшибе. Подойдя к ней, индеец тихо вскрикнул и ускорил шаг. Максим заспешил следом. Кавима лежал перед входом на одеялах, и, видимо, спал – его глаза были закрыты, а грудь тяжело, но мерно вздымалась. Звенящее облачко москитов вилось над лицом, несколько насекомых впились в руки, но он не реагировал на них. Над Кавимой стоял, оскалившись, Хосе, и его пальцы сжимались и разжимались, будто птичьи когти. Не слыша шагов Максима и воина, он быстро посмотрел по сторонам и жадно склонился над стариком.

– Ты что, Хосе? – испуганно воскликнул Максим. Тот посмотрел на него, как на пустое место. Подбежавший молодой индеец крепко схватил Хосе за локоть и оттолкнул от хижины. Увера обмяк и сгорбился, будто став меньше ростом, хищное напряжение исчезло. Не говоря ни слова, он пошел прочь, его руки безвольно свисали, как у большой исхудавшей обезьяны. Индеец, недобро бормоча под нос, двинулся следом.

Удивленный и встревоженный, Максим обернулся к Кавиме. Тот лежал с широко раскрытыми глазами. Неизвестно, заметил ли он Хосе, но сейчас явно был в сознании.

– Говорят, вас вернулось двое из четверых, – сказал он, пристально глядя на Максима.

– Да, – ответил тот, сглатывая.

– Двое... Но все-таки вернулись. Значит, я был слаб... – теперь Кавима говорил будто бы сам с собой, и Максим, хоть и не понимал, о чем идет речь, не решался перебивать его. – Значит, это была слабость, а не здравомыслие. Но мне позволено исправить...

Кавима поманил крючковатым пальцем. Максим присел рядом с ложем и склонился над стариком.

– Он отдал тебе волшебную вещь.

Максим вздрогнул: с тех пор, как они вернулись в поселок, Хосе заговорил впервые.

От былой лихости Увера не осталось ни следа. Хосе ссугулился и двигался осторожно и напряженно, будто каждое движение причиняло боль. Сейчас он сидел у костра, обхватив колени руками, и неотрывно смотрел в огонь. Узкое лицо Хосе густо заросло щетиной, в которой пробивалась седина, глаза ввалились. Сейчас он смотрел на Максима так, будто очнулся от глубоко сна и не может понять, где находится.

Максим молча кивнул.

– Что она делает, эта штука? – вяло спросил Хосе.

– Морок... Она наводит морок, – ответил Максим. – Показывает то, чего нет. Может быть, то, что могло бы быть... Кавима сказал, что это плохая, злая вещь.

– Тогда зачем он отдал ее тебе?

– Чтобы я отвез ее Беляеву, – Хосе чуть шевельнулся, но Максим не заметил этого. – Генерал поймет, что с ней делать. Сможет поступить правильно.

– Поступить правильно! – Хосе горько ухмыльнулся. – Ты думаешь, это так? Думаешь, правильно вообще существует?

Максим молчал. Он не знал, как объяснить Хосе то, что чувствовал. Не мог найти слов, чтобы рассказать о том, как получив на совершеннолетие небольшое наследство, тут же побежал к Беляеву делиться радостью – экспедиция, которой он бредил с тех пор, как узнал о мегатерии, теперь стала реальной! А генерал уже выходил из дома, предстояли очередные бесполезные переговоры с чиновниками. Как Иван Тимофеевич рассеянно и невнимательно выслушал на ходу сбивчивый, торопливый рассказ Максима и горько бросил: «Я не понимаю, почему мертвые звери интересуют больше живых людей». И – «глупость ты затеял, голубчик, сущую чепуху!». Как рассказать о том, какой он был старый, сгорбленный и маленький, и как из папки, за-

жатой подмышкой, лезли какие-то бумаги с бледно-синими печатями, как белесые, мертвые, заплесневелые листья...

До самого отъезда Максим больше ни разу не зашел к генералу. Дал себе слово, что явится только тогда, когда ему будет что показать. Фантазировал, представляя, как приходит и говорит: вот, Иван Тимофеевич, фотографии, вот этологические записки... А вот, кстати, мирный договор с лесными индейцами, которых вы считали каннибалами, и словарь. Это бы Беляеву понравилось, это бы он, лингвист и знаток языков Чако, сам автор двух словарей, оценил бы... И чтоб на улице в открытом грузовики ревел в клетке пойманный мегатерий. И чтобы Беляев вышел во двор, протер очки и озадаченно взглянул на огромного зверя, страшного Чиморте, а потом сказал бы Максиму, какое большое дело он совершил...

Как рассказать, насколько мучительно возвращаться после такого провала? Пленка потеряна, двое мальчишек погибли по вине Максима, и единственное дело, которое осталось – это отвезти Беляеву странную вещицу, потому что один старый индеец решил, что только Алебуку, Великому Белому Отцу она по разуму...

– Давай оставим вещь себе, – вкрадчиво сказал Хосе. – Только представь! Мы сможем вскружить голову любой женщине. Отвести глаза любому мужчине. Подумай, как много мы сможем сделать. Мы...

– Мы? – тихо спросил Максим, но Хосе уже не слышал его. Он смотрел в огонь, не видя его, и в его глазах дрожали языки пламени.

– Мы сможем совершать великие дела. И видеть, что Пабло и Диего снова рядом с нами... – сдавленным голосом проговорил он. – Нет, Кавима не прав, это добрая, нужная вещь! Если тебе она не нравится – отдай ее мне!

Последний Увера подался к Максиму, и тот отшатнулся, как от удара. В глазах Хосе плескалась боль, готовая затопить разум.

– Нет, – прошептал он.

– Они из-за тебя погибли! Ты привел их туда! – Максим, закусив губу, молча мотал головой. Хосе наступал. – Ты должен мне, – бормотал он, как в жару, – ты думал, что купил наши жизни за жалкие песо? Отдай вещь мне!

…И как рассказать Хосе, какое лицо будет у Ивана Тимофеевича, когда он узнает, что Максим присвоил доверенную ему вещь?

– Я не могу, Хосе, – прошептал Максим. – Просто не могу. Пойми же…

Звякнула сталь. Хосе ощерился, бросаясь вперед, быстрый, как змея. Кончик лезвия оказался так близко, что можно было почувствовать его холод.

Максим подался навстречу.

– Ну, давай! – заорал он. Хосе, не спуская с него глаз, опустил нож, повертел его в руке.

– Говорят, волшебная вещь не будет служить, если взять ее силой, – задумчиво проговорил он. – Но как узнать, если не проверить?

Время для Максима остановилось. Лезвие плыло к нему мутильно медленно, и на нем плясал огонь, а за спиной Увера шевелились, приближаясь, какие-то неуклюжие черные тени.

На Хосе навалились.

– Подождите! – крикнул Максим, и Хосе разразился диким хохотом. – Вы не понимаете… да подождите же…

Его отшвырнули, как щенка. Один из индейцев уперся между лопатками Хосе коленом и стянул запястья ремнем.

– Я отправлю отряд воинов, чтобы они проводили тебя, – хмуро сказал касик. – Заодно доставят в город этого бандита, – он сочувственно взглянул на растерянного Максима и отеческим тоном добавил: – Надо внимательнее выбирать себе попутчиков.

Рассвет в день отъезда выдался серый и пасмурный. Понурые мулы выстроились в ряд, вяло отмахиваясь от москитов и сонно развесив уши. Из-за хижин доносились негромкие голоса и бульканье воды в бомбильях, видимо, индейцы, вызвавшиеся сопровождать Максима, пустили по кругу калебасу.

Лошади Увера стояли чуть в стороне от остальных, уже поседланные и завьюченные. Максим, стараясь не шуметь, скинул выюки с того мерина, который был покрепче. Заглянул в седельные сумки второго и одобрительно кивнул, увидев запас вяленого мяса и мате. Он привязал повод завьюченного мерина к седлу того, что шел налегке. Конь переступил с ноги на ногу, громко ударило о камень копыто, и Максим испуганно шикнул. Поразмыслив, он приторочил запасное одеяло и сунул во выюк свою калебасу и нож. С минуту раздумывал над винтовкой; в конце концов, приторочил и ее, убедившись, что оружие разряжено. Коробку патронов он положил на самое дно сумки. Изо всех сил затянул подпруги; мерины прижимали уши и грозно оглядывались, и Максиму приходилось молча отмахиваться локтем от скалящихся морд, сдерживаясь, чтобы не прикрикнуть по привычке.

Теперь все было готово. Стараясь даже не дышать, он скользнул в хижину, где лежал связанный Увера. Увидев нож в руке Максима, Хосе ослабился. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать, но Максим прижал ладонь к пересохшим губам и резанул по ремням, стягивающим руки. Задубевшая сыромятная кожа подалась не сразу, и Максиму пришлось некоторое время пилить путы, сдувая со лба лезущие в глаза волосы и стараясь не пыхтеть. Хосе затих и лежал, не двигаясь, лишь поблескивая в темноте полусумасшедшими глазами.

Наконец Максим одолел ремни и отступил.

– Твои кони справа у коновязи, – шепнул он.

– А вещь мне отдашь? – спросил Хосе, и на его лице мелькнуло нехорошее веселье. Максим покачал головой. – Зря, – сказал Увера и, пригибаясь, вышел из хижины.

Максим выбрался следом и опрометью бросился к себе.

Когда индейцы, так и не догнавшие последнего Увера, заглянули в хижину, Максим сидел, кутаясь в одеяло, и отчаянно тер глаза.

– Что за шум был? – спросил он, давя зевок.

– Вставай, – холодно ответил касик. – Пора ехать.

Асунсьон, январь, 1957 год

Максим лихо осадил у ограды сада дребезжащий грузовичок, арендованный рядом с аэропортом в мастерской мрачного китайца. На секунду положил голову на руль. Его все еще слегка мучило после перелета. Максим горько жалел, что не вернулся рекой – дольше и, возможно, в сопровождении кого-нибудь из индейцев, но надежнее и не так мучительно. Но что-то будто толкало его под локоть, заставляло торопиться. Фигурка броненосца жгла руки.

От своей охраны, больше похожей на конвой, Максим избавился только в Пуэрто-Касадо. Появление странного отряда произвело сенсацию в городке, не видавшем такого почти тридцать лет. Синьора Паула растроганно заметила, что это напоминает ей лучшие времена. Глаза матроны затуманились, и она предалась воспоминаниям о лихих офицерах, заполонивших Пуэрто-Касадо в Чакскую войну, не то, что сейчас, когда бедным девушкам совсем нет работы. Индейцы оставили Максима в покое, только когда убедились, что он сел в самолет. Сюрреалистичное зрелище отряда, выстроившегося на своих мулах вдоль взлетной полосы, какое-то время заставляло Максима посмеиваться, но потом тягости полета взяли вверх, и большую часть времени, проведенного в воздухе, Максим был

способен только нервно теребить в руках бумажный пакет, тупо глядя прямо перед собой.

К горлу опять подкатил тяжелый ком. Максим скривился и отхлебнул из фляги воды. Тошнота отступила, и его снова охватило острое волнение. Бросив машину, Максим почти бегом пересек двор, толкнул дверь генеральского дома и замер, еще не в силах осознать перемен, но уже потрясенный ими.

– Иван Тимофеевич! – окликнул он, неуверенно входя и оглядываясь.

Дом Беляева был пуст. Никто не тянул на веранде мате, не возились на полу дети. Кресло, в котором генерал проводил столько времени, стояло в углу пустое и сиротливое, и через подлокотник мертвого свисало аккуратно сложенное узорчатое пончо. Никаких звуков не доносилось со двора, не гремела на кухне посуда, и даже запахи исчезли, лишь слегка тянуло откуда-то сердечными каплями.

А еще в доме было очень чисто. В нем царила непривычная уютная опрятность, а какая-то стерильная, ледяная чистота помещения, в котором нет никого живого.

– Иван Тимофеевич! – снова позвал Максим. – Александра Александровна!

Еще ничего не понимая, но уже обмирая от ужаса, Максим быстро обошел дом. Никого. Даже толстый белый кот, любимец Александры Александровны, куда-то исчез – то ли ушел вместе со всеми, то ли спрятался, то ли удрал, потрясенный переменами...

Нога за ногу Максим вернулся к грузовичку. Куда теперь? В Барталамео Лас Касас? Домой, показаться отцу, сообщить, что вернулся, жив и здоров? Максим медленно вырулил из переулка на улицу побольше, еще не зная, в какую сторону свернет, стараясь не думать о жутком, мертвом порядке в доме генерала. Притормозил, пропуская машину.

С городом тоже что-то было не так. В городе творилось странное. Вдоль дороги, теряясь в резной тени жакарапд, шли индейцы из Чако. Не отдельные редкие группки по два-три человека, весело болтающие и глазеющие по сторонам, – сплошной поток молчаливых людей, идущих медленно, но целеустремленно.

Максим двинулся следом. Он уже все понял, но не желал верить, отказываясь замечать траурные знаки. Сквозь листву мелькнул голубой луковичный купол храма Покрова Богородицы. Церковный двор был полон индейцев; толпа людей переполняла сквер и выплескивалась на тротуары. Неумело крестясь, они читали «Отче наш». Читали на чимакоко, читали перевод, сделанный когда-то для них генералом Белявым, и Максиму не нужно было заглядывать в церковь, чтобы понять, кого там отпевают.

Максим скорчился за рулем, пряча лицо. Слезы жгли горло.

Фигурка броненосца холодно и зло толкалась рядом с сердцем, и отдать ее теперь было некому.

ГЛАВА 10

ЛИАНА МЕРТВЫХ

Москва, октябрь, 2010 год

До открытия выставки оставалось совсем немного. Сергей еще раз прошелся по залу, ненадолго останавливаясь у каждой картины. Он давно научился сохранять видимость спокойствия, но под ложечкой до сих пор екало, как перед первой выставкой, оказавшейся совершенно провальной. После той неудачи ему впору было идти верстать визитки да клепать рекламные листовки, выкинув амбиции художника из головы, однако он продолжил писать – и выиграл. Основным источником денег все еще оставался компьютерный дизайн и заказные портреты, но баланс уже смешался в сторону картин. Сергей многое умел на уровне дилетанта со способностями, но по-настоящему ему удавались лишь две вещи: рисовать и принимать решения, а потом упираться рогами до тех пор, пока обстоятельства не складывались так, как ему было нужно.

У Юлькиного портрета он чуть задержался, с легким сожалением глядя на смуглое задиристое лицо. На редкость стремительный и нелепый романчик вышел, и кончился по-дурацки. Папа, что это было?! Слегка пожав плечами, Сергей двинулся дальше. Среди индейских танцовщиц, извивающихся вокруг костра, тоже угадывалась Юлька.

Время шло к полуночи, и в галерее остался только художник да директор, маленький сморщеный человечек с размашистым именем Матвей, которое ему совершенно не шло. В холодном электрическом свете лысина галериста отсвечивала

почти стеклянным блеском. Засунув руки в карманы, Матвей застыл перед центральной картиной, висящей в торце зала.

– В берете было бы лучше, – скептически заметил он, оглядывая конские морды и сидящего у иллюминатора Че Гевару.

– Он тогда не носил берета.

– Он всегда носил берет. В наших сердцах. Ну да ладно, узнаем. Главное – хорошая сопроводиловка. Коммунизм и кони апокалипсиса, – Матвей начал тихо раскачиваться, будто впадая в транс. – Постмодернистское переосмысление советской действительности. Призраки коммунизма во тьме. Конь рыж, бледен, черен... Че Гевара везет их в Америку, да, да. Он бременен бомбой, этот самолет, атомной, идеологической...

– Навозной, – вставил Сергей.

– А?

– Говорю, из этого самолета только навоз можно сбрасывать. Конский.

– Да, да, ты прав. Так лучше купят. Глубокий символизм. Дерьмо, но в тоже время удобрение, которое даст со временем всходы...

Сергей схватился за голову.

– Послушай-ка. Во-первых, я не хочу продавать эту картину. Просто не хочу. А во-вторых, в ней нет никакого символизма. Ни на грош. Это реальный эпизод, понимаешь? Обычный факт из жизни. Его родственник попросил присмотреть за грузом. Родственник лошадей разводил и продавал американцам, понимаешь? И называется картина «Каракас-Майами», но это не важно, потому что она не продается.

Матвей внимательно выслушал его и кивнул.

– Понимаю, – сказал он. – Реальный эпизод. Конечно. Все понимаю.

– Ни черта ты не понимаешь.

– Я понимаю, что тебе рот при клиентах открывать нельзя. Понял? Глуши свою выпивку на открытии и молчи. Распуга-

ешь мне всех. Тоже, реалист нашелся. Ты еще скажи, что вот эта девка разноглазая, – он ткнул пальцем в портрет Юльки, – реальный эпизод. Правдоруб хренов.

Сергей устало махнул рукой.

– Сам придумай, что она символизирует. «Каракас-Майами» не продается, с остальным делай что хочешь. – Он взглянул на часы и зевнул. – Слушай, мне ехать пора, а то за рулем засну. Тебя подбросить?

– Что-то жарковато, – проговорил Сергей и отключил печку. Рядом возился Матвей, выковыривая из-под себя ремень безопасности.

– Вроде нормально, прохладно даже, – откликнулся он, но Сергей его едва расслышал. По машине пополз запах гнилой зелени, воды и подтухшей рыбы.

Че отложил в сторону лист с остатками запеченной в углях пираньи и обхватил руками плечи, трясясь в приступе озноба. Неслыshно ступая, подошел Макс, протянул кружку с кипятком.

– Боливийцы говорят, что к северо-западу отсюда есть старая миссия, – сказал он. – Вроде бы там до сих пор живут несколько монахов. У них могут быть лекарства...

Команданте покачал головой.

– Хотя бы хинин – уж он-то наверняка есть. У половины тварищей малярия. У остальных – скоро будет, если мы не выберемся из болот.

– Нельзя... отклоняться от цели, – проговорил Че. – Должны дойти. Как можно скорее.

Макс присел рядом, помолчал, глядя на перистые кроны древовидных папоротников, карабкающихся по склону холма.

– Вы считаете меня храбрым человеком? – спросила он. – Хладнокровным?

Че удивленно взглянул на зоолога.

– Я никогда не сомневался в вашей мужественности, – ответил он. – Вы странный человек, и я не очень понимаю, почему вы с нами, но вы, несомненно, смелый человек и хороший товарищ, Макс. Почему вы спрашиваете?

– Потому что мне страшно, Эрнесто. Больше того – я в ужасе. Вы собираетесь разбудить древнее зло. Чем больше я об этом думаю, тем более кошмарными мне видятся последствия. Я не рассказывал вам – человек, которого я считал приемным отцом, культурнейший, великолепно образованный ученый, считал легенды о Чиморте аналогом европейского мифа о Люцифере... Но мир здесь моложе, и то, что в Старом Свете давно превратилось в сказку, у нас может обернуться реальностью! Здесь, в Чако, еще кроются загадки, недоступные рациональному пониманию...

Чем больше он говорил, тем удивленней становилось лицо комandanте, еще немного – и он раскатисто расхохотался, вспугнув маленькую ящерку, подобравшуюся к остаткам еды.

– Что за мистическая чушь, товарищ! – воскликнул он. – Вы говорите так, будто этот Чимортэ и правда существует!

– Но он...

– А я говорю, если для того, чтобы крестьяне пошли за нами, надо поймать какое-то допотопное животное и приволочь в Санта-Крус, да хоть в Ла-Пас, – я это сделаю! Если для того, чтобы они поверили в революцию, я должен найти его берлогу и ткнуть веткой в зад, или пристрелить и вырядиться в его шкуры – я это сделаю! Если их не берет пропаганда, если они не готовы подняться с оружием в руках, пока не сбудется предсказание из заплесневелой легенды, – я пойду на все, чтобы это предсказание сбылось! А вам, товарищ Морено, должно быть стыдно! Вы, ученый, впадаете в какой-то религиозный мистицизм...

– Мистицизм? – усмехнулся Макс. – Хорошо. Пусть так. Напомнить вам, что случилось в Куэбрада-дель-Юро?

Леска, привязанная к руке Сергея, резко натянулась, и пойманная рыбина забилась на крючке, вспенивая мутную воду и дергая рукав. Он замотал головой, стряхивая тяжелую дрему и хватаясь за леску. Рыбина извивалась, вырываясь из рук, и он, сжав сопротивляющееся тело как можно крепче, ударил ее головой о камень.

– Ты совсем охренел! – крикнул Матвей, пихнул художника в грудь и затряс ушибленной рукой. Вокруг Сергея медленно сгущалась реальность – родной и привычный салон автомобиля и черный московский переулок за стеклом, к которому прилип пожелтевший тополевый лист. Матвей сидел на самом краю кресла, приоткрыв дверцу, и, видимо, готов был выпрыгнуть из машины.

- Извини, – пробормотал Сергей. – Мне... сон приснился.
- Ты меня рукой по панели приложил, придурок!
- Думал рыба.

Художник нашарил сигареты и закурил, окончательно приходя в себя.

– Ты вроде как отрубился, – удивленно сказал Матвей. – Я сначала не понял, потом будить тебя начал... А ты драться.

– Извини, – повторил Сергей и силой потер ладонями лицо. – Это бывает со мной. В последнее время.

- Засыпаешь на ходу?
- Нет...

Матвей захлопнул дверцу и снова завозился, устраиваясь в кресле поудобней. Его возмущение прошло, и теперь он поглядывал на художника с сочувствием и каким-то странным пониманием.

– Это бывает, – сказал он. – Это ничего. Мы все слегка психи.

И тогда, неожиданно для самого, себя Сергей набрал в грудь воздуха и выложил галеристу все и о галлюцинациях, и о бесполезных походах по врачам, и даже о нелепом визите к знахарке с лицензией.

– Ты извини, но, по-моему, у тебя неправильный подход, – сказал Матвей, когда художник замолк.

– А что, здесь может быть правильный? – мрачно спросил Сергей.

– Если тебя глючит на тему всяких индейцев и прочей латиноамериканщины, то и разбираться надо через них. Послушай, я знаю одного чувака, который проводит индейские обряды, вроде как исцеляет. Не знаю, как оно для здоровья, но мозги, говорят, здорово прочищает.

– Говорят? – насторожился Сергей. – Ты сам-то...

– Ну, я сам не пробовал, только с ребятами общался... Но тебе-то что терять? А если тебя в следующий раз за рулем скрутит?

– Н-да...

– Ну что, познакомить?

Сергей пожал плечами.

– Ну, дай координаты, – вяло согласился он.

– У меня нет координат. Он, сам понимаешь, старается не светиться.

– Да что за обряды такие?

– Церемония аяваски. Это трава такая, – пояснил Матвей в ответ на недоуменный взгляд. – Вернее, лиана. Такая, в общем, выход в астрал обеспечен.

– То есть ты предлагаешь мне полечиться от глюков галлюциногенной травой?

– Это не глюки, а видения, – строго поправил его Матвей. – Что тебе не нравится? Клин клином. Этот парень кучу времени проторчал в Перу, от шаманов не вылезал. Прошел несколько церемоний, а там ему посвящение дали... Посадил куст у себя дома, вырастил чуть ли не с нуля, из черешка, зато теперь всегда запас под рукой. Варит, правда, по сокращенной программе, с вытяжкой соляной кислотой, но по полной там, говорят, полгода возиться надо. Сам он, конечно, тип сомнительный, но аяваска у него натуральная. Великая вещь!

– Знаешь, я уж лучше к психиатру.
– Ну и будешь в дурке слюни пускать. Морок нейролептика-
ми не снимешь!

– Да с чего ты взял, что это морок?

– Потому что это – морок, самый настоящий, – убежденно
сказал Матвей. – Что я, психов не видел? Да я в дурдоме полгода
пролежал, насмотрелся! – заметив выпученные глаза Сергея,
он осекся. – У меня духовная жизнь напряженная была, – про-
бормотал он, отводя глаза.

Сергей обхватил голову и тихо застонал.

Комнаты мате-клуба оказались пестроватыми и перегружен-
ными этническими деталями разной степени аутентичности,
но, в общем-то, вполне уютными. Диванчики, пестрые подуш-
ки, какие-то шкуры на стенах... Сергей с некоторым сожале-
нием подумал, что Юлька точно пришла бы от них в восторг.
Несколько человек сидели над своими калебасами, рассла-
бленные и погруженные в себя.

Сергей взял у увешанной фенечками девушки свой мате и,
чувствуя себя идиотом, сказал ей, что хотел бы поговорить с
Рафаэлем. Девушка взглянула на него с некоторым уважением,
попросила подождать минутку и вышла. Сергей присосался к
бомбилье, сморщился от травяной горечи и, следуя традиции,
погрузился в размышления.

В последнее время его галлюцинации стали не только на-
вязчивыми, но и откровенно скучными. Перестрелок боль-
ше не было, видимо, след партизан потеряли либо просто
перестали преследовать, загнав в глубину сельвы. День за
днем отряд прорубался сквозь заросли, медленно продвига-
ясь на восток, так что главным видением Сергея стал здоро-
венный мачете и разлетающиеся из-под него ветви и листья.
Запах зелени казался удушающим, пот заливал лицо, при-
влекая тучи москитов. Припасы давно кончились – послед-

нюю банку сгущенки сожрал Лоро, и команданте едва удалось остановить разгоревшуюся после этого драку. Стрелять Че запретил, чтобы не выдать отряд, и вся надежда была на двух боливийцев, которые более-менее владели луком и стрелами. Ели попугаев, носух, каких-то крупных жаб. Один раз удалось поймать пекари – это был настоящий пир. Цель похода по-прежнему была неясна никому, кроме команданте и, может быть, Макса, хотя Че каждый вечер читал смутные лекции об общем благе и революции, если не лежал с приступом астмы. По прикидкам Сергея, партизаны приближались к границе с Парагваем.

А мате у них кончился давным-давно, подумал Сергей, прислушиваясь к бульканью в недрах калебасы. Каково это аргентинцу? Наверное, хуже, чем русскому без чая. Интересно, нормально ли сочувствовать своим галлюцинациям?

– Добрый вечер, – раздался тихий голос, и Сергей резко вскинул голову, выходя из задумчивости.

Рафаэль оказался невысоким и плотным чернявым человечком. Он был подозрительно похож на добродушного травматолога из Еревана, лечившего когда-то Сергею пустяковый вывих. Глаза за неестественно толстыми линзами оказались огромными и печальными, как у сенбернара. Маленькую пухлую руку украшал перстень с пестрым бело-зеленым камнем.

– Это амазонит, – веско сказал Рафаэль, заметив взгляд художника.

– Ну естественно, – с преувеличенным энтузиазмом откликнулся Сергей, испытывая острое желание встать и уйти. Видимо, почувствовав это, Рафаэль отбросил вступление.

– Вам нужна церемония? Общение с... – он пошевелил пальцами, – духом джунглей? Расценки мои знаете?

Сергей кивнул.

– Половина сразу, половина по результату.

– Какому результату? – осторожно спросил Сергей.

– А какой вам нужен?

– Чтоб глюки прошли, – мрачно ответил Сергей. – Этот, как его, морок.

– Вы галлюцинируете? – оживился Рафаэль. – Психиатрические причины исключили?

Сергей поднял на него покрасневшие от недосыпа глаза, мечтая запустить в тускло мерцающие очки чем-нибудь тяжелым.

– Впрочем, неважно, – быстро сказал Рафаэль. – Церемонию можно провести прямо на это неделе, если хотите. Но нужна некоторая подготовка.

– В смысле – подготовка? Экзамен на начинающего психонавта?

Рафаэль поморщился.

– Значит, так, – деловито заговорил он. – Сутки не трахаться. Никаких девочек, никаких мальчиков.

– Мне не до того сейчас, – буркнул Сергей. Спать хотелось так, что реагировать на предположение о мальчиках не было ни сил, ни желания. – Но, если можно, лучше бы обойтись без этих заморочек, духовных.

Глаза за толстыми линзами стали еще больше. На секунду Сергею показалось, что Рафаэль сейчас выругается и уйдет, но тот только на секунду замер, потрясенный кощунством. Мясистые ноздри затрепетали от возмущения.

– А что вы хотите? – взвился он. – Это мощный инструмент мистического познания, а не игрушка! Это вам не экстази по клубам закидываться!

– Я не закидываюсь экстази по клубам, – раздраженно ответил Сергей. – Мне и без того интересно живется. Особенно, блин, в последнее время.

– Вам помочь нужна? – раздраженно спросил Рафаэль. – Или развлечься больше нечем?

– Нужна, нужна, – покаянно ответил Сергей.

– Не употреблять спиртное и не есть ничего, кроме сухарей,

– сухо продолжил шаман. – Запивать водой.

– Ничего себе, – опешил Сергей. – А как-нибудь попроще нельзя? Без истязания плоти?

– Это как раз чтобы обойтись без истязания. Не, я могу тебе список запрещенных продуктов дать, но лучше – ничего не есть, это проще. Слушай, оно тебе надо – вникать? Я могу лекцию по биохимии прочитать, а ты ее поймешь? Короче, инсульт хочешь?

– Не хочу, – мрачно ответил Сергей. Затея нравилась ему все меньше.

– Тогда делай, как я говорю. Послезавтра устроит? Встречаемся в одиннадцать. Вечера, вечера. Битцевский парк.

– Почему?!

– Место силы, – сухо объяснил Рафаэль. – Войдешь со стороны Балаклавского...

В половине одиннадцатого Сергей вошел в черный ельник на окраине парка. Фонарик выхватывал из темноты голые стволы, раскисшую тропинку под ногами и сплошной ковер рыжей хвои, усыпанной пакетиками из-под чипсов, обертками мороженого и прочим мусором. Страшно хотелось есть. Перед выходом из дома он сжевал почти целую буханку бородинского хлеба, но это не помогло. Очень хотелось мяса. Или яичницы с колбасой и помидорами, посыпанной зеленым луком. И запить ее не водой, а сладким крепким чаем. А еще лучше – хорошим пивом.

Кажется, именно это называется потерей критики – пойти ночью в лесопарк, чтобы выпить сомнительного наркотического зелья в компании незнакомца, рекомендованного приятелем с «напряженной духовной жизнью». Надо было все-таки к психиатру, подумал Сергей. И, наверное, еще не поздно. Он останов

вился, раздумывая, и в этот момент его снова накрыло. Сергей пошатнулся, едва удержал равновесие, цепляясь за шершавый еловый ствол, чувствуя, как щеку царапает сухая кора...

...Очнулся от тяжелого, мутного сна, трясясь от промозглого холода под отсыревшим одеялом. Лагерь обступала бархатная тьма сельвы, бледное свечение древесных стволов. Здесь все было мокро, все гнило, и, разлагаясь, испускало белесое сияние. От рубашки несло потом и плесенью. В близкой реке плеснуло: какое-то животное нырнуло в воду – то ли калибара, то ли кайман. Художник сел, охватил руками колени, пытаясь унять озноб и понять, что его разбудило.

Тихие шаги, шепот. Сергей понял, что в лагерь вернулись разведчики – один из боливийцев, Инти и Макс Морено. Осторожно ступая, разведчики прошли к гамаку, в котором спал Че.

– За нами идут лесные индейцы. Мы приближаемся к их территории, – боливиец говорил еле слышно, но в его голосе прорывались панические нотки. – Еще немного и – они начнут стрелять. Это не солдаты, от них не укрыться, их не найти... Они смазывают стрелы ядом, вы знаете?

– Потенциальные союзники... – задумчиво проговорил Че.

– Союзники? – вмешался Инти. – У вас уже были такие союзники, вспомните Конго!

– Ты прав.

Команданте отвернулся. Его плечи ходили ходуном, воздух со свистом прорывался в легкие – близился новый приступ астмы.

– Надо возвращаться к людям, – тихо сказал Макс. – Нам нужна пища. Нам нужны лекарства. Вам нужны...

– Если расчеты Тани верны, до монастыря осталось не больше двух дней ходу. Мы должны дойти.

– Это всего лишь легенда. Миф. Вы же сами обвиняли меня в мистицизме! Весь ваш план строится на палеонтологическом курьезе.

Че Гевара внимательно взглянул на парагвайца.

– Как легко вы меняете свое мнение, товарищ Морено, – с горькой иронией проговорил он. – Совсем недавно вы относились к Чиморте намного серьезнее, чем я.

Макс отвел глаза.

– Мы все устали, – пробормотал он. – Я ошибался тогда.

– Мнение вы поменяли, однако не цель: вы по-прежнему пытаетесь отговорить меня от этой попытки. Хотел бы я знать, отчего вы вдруг передумали. Но это не так уж важно. Я уже говорил вам и повторяю, товарищ Морено: если для революции нужно обратиться к мифу – я так и сделаю

– Надо возвращаться, Че, – вмешался боливиец.

– Возвращаться некуда – крестьяне нас не поддержат, пока...

– Да есть же куда! – воскликнул Инти. – Мы можем прорваться на Кубу. Фидель простит...

Стало так тихо, что Сергей услышал, как где-то в глубине древесной кроны переступила с ноги на ногу какая-то пичуга. Он вздрогнул, когда безмолвие нарушил натужный вдох команданте.

– Ты устал и не понимаешь, что говоришь, – ледяным голосом сказал Че. – Ложись спать. Завтра у нас тяжелый день.

Голоса затихли. Какое-то время на самой грани восприятия Сергей еще слышал, как перешептываются испуганные боливийцы, но потом постепенно начал задремывать. Краем сознания он понимал, что стоит в ельнике на окраине Битцевского парка, что ему надо идти, чтобы не опоздать на какую-то важную встречу, и запах хвои и выхлопных газов с Балаклавского проспекта мешался с тяжелым духом гнилой болотной воды и прелых листьев.

На рассвете на дерево, под которым Сергей растянул свой гамак, прилетела пара туканов. Сварливо перекрикиваясь, они сбивали своими огромными кловами плоды и шумно перелетали с ветки на ветку. Пора было идти: если партизаны не за-

блудились, сегодняшний переход должен был стать последним на пути к башне, где монахини сторожили душу Чиморте.

Толстые деревянные столбы с лицами идолов. В темноте сухая трава отливает серебром, и серебряными кажутся стволы берез... Сергей потряс головой. Большая поляна посреди парка была ориентиром, точкой, у которой нужно было свернуть под углом налево и найти диагональную тропинку, еле заметную в подлеске, перегороженную ветвями... Сергей со вздохом достал мачете.

Четверть часа спустя он стоял посреди ночного лесопарка, шаря под ногами желтым лучом фонарика в поисках тропинки. Батарейки садились. Еще немного – и он останется в темноте, самым глупым образом заблудится в московском парке. Сергей сделал несколько шагов вперед, тихо ругаясь и раздраженно отмахиваясь от веток кустарника.

Впереди мелькнул огонек костра. В этом было что-то очень понятное и невероятно древнее, отзывающееся в самой глубине души – смотреть из леса на языки прирученного пламени, которые мерцали за деревьями, обещая тепло, безопасность и пищу. Сергей ринулся напрямик и вскоре вышел на мыс, образованный тремя сходившимися здесь оврагами. Где-то внизу еле слышно причитал ручей, тихо потрескивали угли, и языки костра метались и дрожали, отраженные в очках Рафаэля.

Зеленовато-коричневая жижа, разлитая из термоса по двум кружкам, исходила паром. От нее пахло прелыми листьями и еще чем-то острым, почти животным – незнакомый, тревожный запах. Сергей поерзал на сыром бревне, стараясь сесть так, чтоб его многочисленные сучки и выступы поменьше врезались в зад. Рафаэль все вешал в том отточенном поколениями эзотериков стиле, который дает ощущение великой мудрости

и при этом не несет ни капли конкретной информации. До сих пор Сергей сталкивался с такими текстами только в письменном виде и теперь с изумлением обнаружил, что некоторые слова Рафаэль умудряется произносить так, что сразу понятно – написаны они были бы с большой буквы. Энергия, Сила, Путь... Сморщившись, Сергей отхлебнул из кружки. Рафаэль на секунду смолк, маниакально поблескивая очками, приложился к своей порции и снова заговорил. Теперь речь шла об Очищении – духовном и телесном. Горячая травяная жижа подкатывала к горлу, и от проповеди начинало тошнить уже в буквальном смысле.

– Что ты имеешь в виду под Очищением? – осторожно спросил Сергей. – И чего ты мне все эти салфетки пододвигаешь?

Рафаэль слегка смущился.

– Понимаешь, из тебя будут выходить шла... нет-нет, темная психическая энергия. Все дурное, что накопилось за жизнь... Выходить будет.

– Каким образом выхо... Твою мать! – сдавлено вскрикнул Сергей, перегибаясь через бревно.

– Бородинский хлеб, несомненно, просто олицетворение мирового зла, – процедил он через несколько минут. Рафаэль серьезно кивнул. – А предупредить нельзя было?

– А ты бы тогда пришел?

– Я что, псих, по-твоему? – спросил Сергей. Его трясло от слабости, колени казались ватными, а горло драло от желудочной кислоты.

– Ты вроде жаловался на глюки, – усмехнулся Рафаэль, на секунду теряя свою непроницаемую серьезность. Сергей издал неопределенный звук, но Рафаэль уже снова обрел торжественный вид. – Выпей, – сказал он, протягивая кружку, и Сергей почему-то снова хлебнул настой. – Ты должен избавиться от лишнего, чтобы суметь заглянуть за грань между мирами. Только так ты сможешь обрести...

Сознание художника будто раздвоилось: с одной стороны, он понимал, что связался с ловким жуликом, подрабатывающим на желающих странного клиентах. С другой – уже догадываясь, что все не так просто. Аяваска брала свое: мир становился мягче и податливее, он колебался и мерцал, в нем появились прорехи, в которые виднелась невыразимая изнанка. Сергей подумал, что бессмысленность эзотерической болтовни, не от глупости или желания запудрить мозги неофитам, а от невозможности выразить знание на языке, приспособленном совсем к другим задачам. Возможно, в языке индейцев, где аяваска – часть жизни, и каждый хоть раз, да заглядывает в Нижний Мир, есть нужные слова – так же, как у эскимосов есть слова для каждой из разновидностей снега...

Темнота парка наполнялась светлыми, как снег лунной ночью, пятнами. Контуры предметов светились синеватым пламенем, светящиеся пятна превращались в разноцветные, Сергей привычно попытался определить краски и бросил – неизываемые, непередаваемые оттенки... Да и зачем их изображать, имитировать жалкими человечьими средствами, если он сам уже один из этих невыразимых оттенков, сгусток силы, растворяющийся в свете, часть гениальной картины, единое целое с костром, деревьями, Рафаэлем, спящим скворцом в кусте боярышника, Юлькой, аяваской – бесконечно мудрым существом с зелеными глазами, непроницаемыми, как воды Парапети...

В мире нет зла, шептал дух, все зло – лишь в тебе, это оно тянет тебя назад... Сергей попытался остаться, уцепиться хоть за что-то, чтоб избежать падения, но свет протек сквозь пальцы, и его поволокло вниз, к костру. На минуту привычный мир вернулся – темный парк и вялый огонек, пляшущий на угле из супермаркета. Но тут Сергей вспомнил, сколько в нем зла, и содрогнулся от отвращения. Его снова вырвало, будто в попытке истогнуть из груди шершавый, непроницаемо-черный,

невыносимо тяжелый шар, который тащил все ниже и ниже, во тьму, населенную тенями, полными древнего ужаса.

Где-то рядом был Зверь. Сергей не видел его, но ощущал его присутствие, как горячее дыхание бесконечных болот, тяжелое биение сердца сельвы, ток ее темной крови. Он понял, о чем Че Гевара шептался ночами со своими людьми. Чиморте готов был пробудиться, и все были равны под его жадным взглядом. Он хотел жизни, он хотел горячей, кипящей крови; джунгли мгновенно затягивали нанесенные земле раны, когда он шел, неся свободу всем и каждому – свободу от всего.

Волосы на затылке Сергея зашевелились, и спину облило ледяным холодом. Он хотел бежать, но тело не слушалось; он вяз в ядовитой трясине Нижнего Мира, в которой растворялась привычная реальность, он пытался вернуться, но лианы спутывали ноги, и дыхание болот проникало в легкие, делая кровь густой и тягучей, как настой аяваски. Чиморте повернулся голову, шаря взглядом; за его спиной багрово пламенели стены храма, а за ними угадывалась невообразимо древняя башня, порождение разума настолько чуждого, что сама мысль о нем грозила безумием...

Задыхаясь от ужаса, Сергей зашарил по земле руками. Под ногти набилась грязь, в ладонь вонзился бутылочный осколок, но художник не почувствовал этого. Он хотел любой ценой вернуться в привычный мир, лишь бы скрыться от взгляда древнего бога, не слышать его дыхания, не видеть мертвеннего света башни. Он беззвучно закричал, прося о спасении, ни на что не надеясь, зная, что в мире теней нет иной помощи, кроме как от себя самого, что никто, кроме него самого, не сможет поддержать его и не дать провалиться еще глубже, что он не расчитал силы и не способен вернуться...

Но помочь пришла. Сознание Сергея снова раздвоилось: в сырой тьме сельвы мерцал, приближаясь, сгусток энергии, полный силы, света и мудрости; в то же время он понимал, что

никакого сгустка нет, а есть лишь смуглый и коренастый, чуть полноватый мужчина с круглым индейским лицом и длинными волосами, глядящий на него с откровенным раздражением. Сергей мог рассмотреть даже шорты, ожерелье из перьев и каких-то семян и небольшой шрам на круглом животе.

– Идиот гринго! – сказал сгусток света. – Достали чертовы наркоманы!

– Yo no soy gringo, yo soy ruso, – автоматически пробормотал Сергей.

Отец рассказывал Ильичу, что в шестидесятые и семидесятые годы белые экспериментировали так много, что трудно было работать, то и дело приходилось отвлекаться на очередную заблудившуюся душу перебравшего ЛСД хиппи. Не все они были непроходимыми глупцами, встречались и такие, с кем было о чем поговорить. После одной из таких встреч отец стал напевать странные мелодии, утверждая, что их создал тоже шаман, но другой. Он даже привез из города несколько кассет, которые, правда, не на чем было слушать. Из пленок он сделал ожерелье, а обложки повесил на стены. Ильич помнил написанное на каждой картинке английское слово «двери» – совершенно очевидно было, что за двери имелись в виду; правда, ему доводилось слышать, что у гринго их принято делать очень прочными, да еще и запирать так, чтобы открыть было как можно труднее...

Более того, Ильич подозревал, что на мысль сделать из него ученого-физика отца навела беседа с одним из таких путешественников. Но время шло, уголовный кодекс и мода менялись, гринго становились все осторожней, и к тому времени, как Ильич начал сам проводить ритуалы, поток психонавтов иссяк до тоненького ручейка. Ильич, впервые наткнувшись на такого заблудившегося, поначалу даже слегка растерялся, но быстро взял себя в руки. Уж здесь гринго точно нечего было

делать, совершенно непонятно было, как его вообще могло занести в самую тайную область Нижнего Мира, куда и Ильич-то проник с огромным трудом. Он уже хотел было выкинуть гринго обратно в реальность, и только в последний момент заметил след. След, который ни разу не видел, но о котором столько слышал, след, который искал так долго...

Броненосец! Предмет, который много лет искали его предки, из-за которого он разрушил жизнь Тани. Предмет, потерянный полвека назад где-то в Чако... Броненосец был связан с гринго!

Позже Ильич, оставаясь наедине с собой, часто корил себя за то, что не присмотрелся к этому человеку повнимательнее. Возможно, уже тогда можно было увидеть, как нити судьбы, ведущие к Чиморте, окутывают гринго прозрачным шевелящимся коконом. Может быть, удалось бы соединить в одну цепочку события, происходящие в разных концах света, понять их смысл и остановить оползень, грозящий снести все на своем пути. Не пришлось бы выбирать из двух зол и разрываться на части, едва соображая от страха совершить смертельную ошибку.

Но шаман видел только след броненосца. Отобрать! Срочно. Броненосец должен быть у Ильича, в этом предмете – смысл его жизни. Даже двух: жизни шамана и жизни студента-физика, перессорившегося со всеми преподавателями, заслужившего репутацию сумасшедшего и так и не защитившего свой диплом о веерной структуре реальности. Старики говорили, что с помощью броненосца можно навести морок, но Ильич был уверен, что предмет на время погружает человека в параллельную, несбывшуюся реальность.

Заблудившийся сам упростил ему задачу, сказав, что он русский. Разговорить его было нетрудно – вскоре Ильич знал имя, город... С городом повезло. Но, о духи предков, почему у этих русских такой сложный язык? Название улицы невозможно даже произнести. Да и толку от адреса, не заявившься же домой и не потребуешь вернуть предмет... И не прикажешь отдать,

с такими вещами добровольно не расстаются, навязанное желание расколет разум, и неизвестно, что выйдет в итоге. Зато можно вложить пару простых мыслей. Приказать совершить пару простых действий, которые приведут к нужному результату, и подтолкнуть к выходу...

— Забудь обо всем и возвращайся домой, — сказал сгусток света и мудрости.

Земля бросилась Сергею в лицо. В последний момент он успел выставить руку. Взвыл, ударившись коленом о подвернувшуюся ветку, и сел на холодную землю, привалившись спиной к бревну и жадно хватая ртом воздух.

Темнота парка выцвела и посерела, и где-то над головой неуверенно посвистывали первые птицы. Костерок почти погас. В его тусклом свете едва виден был Рафаэль, сидящий напротив. Глаза его были прикрыты, он раскачивался и тихо гудел на одной ноте, ритмично помахивая опустевшей кружкой.

Дать бы тебе по морде, сволочь очкастая, вяло подумал Сергей. Он был слаб, как новорожденный щенок, страшно замерз, и его снова подташнивало. Но отблески мировой гармонии, еще лежавшие на душе, и воспоминания о черном шаре зла, мешающем дышать, остановили его. Сергей с трудом поднялся на ватные ноги и, спотыкаясь, побрел прочь. Где-то на другом краю земли, за далеким Балаклавским проспектом, в неведомом дворе его ждала машина — теплое кресло, печка и четыре колеса, вполне возможно, способные отвезти его домой.

Однако до машины еще надо было дойти. Речка Чертановка извивалась и петляла, то ныряя в овраг, то разливаясь болотом. Несколько раз Сергей переходил ее по шатким мостикам из бревен, однажды наткнулся на огромную, будто нефтепроводную, трубу на бетонных опорах, тяжко нависающую ржавым брюхом над зарослями сухого бурьяна, и какое-то время шел

вдоль нее. Он уже уверился, что окончательно заблудился, когда впереди послышался шум большой улицы.

Только добравшись до своей машины, припаркованной во дворе старой пятиэтажки, и рухнув на водительское сиденье, Сергей понял, насколько устал. Мышцы ныли, будто после марафонского забега. Он был невообразимо грязен, в ботинках хлюпало, а от свитера несло рвотой и болотной водой. Постанывая и шипя, Сергей вытянул с заднего сиденья пакет с рабочей одеждой – толстовкой и джинсами, задубелыми от краски. Тяжко ворочаясь и ругаясь, он переоделся. Собрался с силами и отволок испоганенный свитер в мусорный контейнер неподалеку, вернулся в машину. Запахи масла и растворителя, исходящие от толстовки, успокаивали, привязывали к знакомой реальности, где в темноте не бродят гигантские звери, и сельва не заполоняет весь мир, и сквозь заросли не скалятся лица мертвецов. Сергей положил голову на руль, он успел подумать, что неплохо было бы попытаться нарисовать увиденное, и отключился.

ГЛАВА 11

ПЕСНЯ ДЛЯ ДУХОВ ОХОТЫ

Ятаки, октябрь, 2010 год

В поселке уже год как появилась мобильная связь, но для того, чтобы позвонить, нужно было забраться на дерево. Еще можно было выгrestи на середину Парапети – там тоже ловилась сеть, если удерживать лодку точно напротив небольшой банановой рощи рядом с поселком. Но тогда Ильича обязательно бы кто-нибудь заметил, а звонок по мобильному был событием, которое обсуждали бы всей деревней, особенно звонок шамана. Ильичу же совершенно не хотелось рассказывать, с кем и о чем он разговаривал. Поэтому, оглядевшись по сторонам и убедившись, что его никто не видит, он начал карабкаться на огромный удручающий фиксус, стоящий чуть отдельно на самом краю подступающих к селению джунглей. Лезть было легко – с тех пор как в деревне появились первые телефоны, к стволу дерева прибили множество дощечек, на ветви навесили веревочные петли, а лишние побеги регулярно подрезали.

Забравшись почти на самую вершину, Ильич надежно устроился в развилке ветвей и посмотрел вниз, чтобы убедиться, что его никто не услышит. Мрачно покачал головой: вдоль берега, бормоча и жалобно вскрикивая, шел учитель. Иногда он останавливался, с жаром объясняя что-то невидимому собеседнику, и шел дальше. Даже не зная немецкого, Ильич мог угадать, о чем идет речь: учитель снова и снова твердил, что невиновен.

Шаман пожал плечами: он сделал все, что мог. Нельзя силой увести человека в мир духов, не лишив его рассудка, а иного способа помочь учителю у Ильича не было. Только бы у Тани хватило хладнокровия и милосердия, чтобы не пытаться использовать его...

Ильич вздохнул и набрал длинный международный номер. В трубке трещало и скрипело, но сквозь шумы пробивались длинные гудки, а потом до шамана донесся далекий и сонный голос, раздраженно говорящий что-то на незнакомом языке.

– Привет, Хуанито, – прервал он поток явно ругательных слов.
– Это Ильич. Как почему на испанском, совсем обалдел в этой России? Университет, Ла-Пас, помнишь? Ну, узнал, наконец-то. Скажи-ка мне, Хуанито, вы все еще выступаете на Арбате?

Москва, октябрь, 2010 год

Сергей довольно оглядел поднос, заставленный едой и кофе. Подумав, попросил еще один чизбургер. Дотащил поднос с шаткой грудой еды до столика, запихал в рот горсть картошки и принялся просматривать почту.

Среди спама и пары писем от заказчиков он едва не пропустил письмо от Юльки. Заколебался, подумывая, не удалить ли его, не читая – очередное истерическое признание в любви ему сейчас было совсем некстати. Однако любопытство пересилило.

«Привет.

Извини, что снова к тебе лезу, но с тобой ничего странного в последнее время не происходит? Чего-нибудь совсем необычного? Вот бы встретиться поговорить об этом. Если нет, то извини, что побеспокоила, больше не буду.

Ю.»

Сергей моргнул и перечитал еще раз.

– Психопатка, – пробормотал он.

Если окажется, что в его глюках виновата Юлька... Но как? Не может же она на расстоянии подсыпать ему в кофе ЛСД. Чушь какая-то... А бабка у нее африканская ведьма, нет, это еще большая чушь. Совпадение. Юлька напридумывала себе романтической чепухи, может, под «необычным» она имеет в виду что-то вроде – ни есть, ни спать не могу, чахну от любви-тоски, жизнь без тебя не жизнь, счастья своего не понимал... Как там у нее, повязаны, да, и что-то про судьбу и все не просто так. Да, скорее всего, Юлька писала именно об этом, а он уже сам привязывает к тому, что волнует больше всего. Откуда ей знать о его галлюцинациях иочных похождениях в Битце? Самое умное – удалить письмо и забыть. Надо было сразу удалять, не открывая...

«Сегодня в шесть, Арбат, созвонимся», – набрал Сергей.

Непонятно, почему в голову пришел именно Арбат, – добираться туда было неудобно ни ему, ни Юльке. Разве что сработала ассоциация с очными психodelическими приключениями или Юлькиной манерой одеваться. Но сил думать уже не осталось. Сергей сердито ткнул в «отправить» и принялся за еду.

– Я должна тебе кое в чем признаться, – сказала Юлька, задирая голову, чтобы взглянуть Сергею в лицо.

– И в чем же?

Сергей чуть сбавил шаг. Был теплый пятничный вечер, на арбатскую брусчатку ложились синие с оранжевым тени, и найти свободный столик в уличном кафе было почти невозможно – люди ловили остатки бабьего лета. И зачем его понесло на Арбат? Уединенное место для серьезного разговора тут не сышешь. Конечно, маловероятно, что Юлька как-то причастна к его проблемам. Но чем черт не шутит...

– Ну, понимаешь, я все-таки чуточку ведьма, – улыбнулась Юлька. – Мне было очень жаль, что мы так глупо расстались, и я немножко колдовала...

Сергей закатил глаза. Все-таки романтическая чушь, глупо было рассчитывать на что-то иное. Разговаривать больше не хотелось. Сейчас он вежливо выгуляет девчонку вдоль улицы, напоит где-нибудь кофе и отправит домой. Зря только время терял.

– Посмотрим, кто здесь, – рассеянно сказал художник, подходя к плотному кольцу зевак и заглядывая поверх голов.

«Эту песню исполняли перед большой охотой, считалось, что она приносит удачу и обильную добычу...» – донеслось до него. Выступали музыканты из Боливии. Несколько индейцев в котелках и пончо, чуть сутулясь, уже вели хоровод под глуховатое пение флейт. Индеец постарше обходил стоящих кругом зрителей со шляпой в одной руке и несколькими дисками – в другой.

– О, мне так нравится, как они играют! – восхитилась Юлька, привставая на цыпочки и едва не подпрыгивая.

Сергей с улыбкой кивнул, плечом раздвинул толпу и подтолкнул Юльку вперед. Дождавшись, когда музыкант подойдет к ним, он опустил деньги в подставленную шляпу и произнес фразу на испанском.

– Что ты ему сказал? – чуть кокетливо, чуть ревниво спросила Юлька.

– Передал привет от Ильича, – слегка озадаченно ответил Сергей.

– Кто такой Вла...

Договорить Юлька не успела. Лицо индейца расколола хищная улыбка. Не прекращая играть, он шагнул вперед. За ним двинулись остальные музыканты. Приплясывая в хороводе, они надвигались, стягивая кольцо. Какие-то мгновения Сергею казалось, что это забавно, но тут флейтист придинул-

ся так близко, что стали видны табачные пятна на крупных желтоватых зубах, и улыбка художника увяла. Схватив Юльку за локоть, он попытался прорваться сквозь круг наигрывающих веселенькую мелодию индейцев, но его оттеснили назад. В следующую секунду один из музыкантов запустил руку за пазуху художнику. На мгновение Сергей оторопел, отпихнув наглеца, он врезал ему коленом в пах. Взвыла флейта. Скорчившись, индеец отступил, но на его место тут же бросились другие. Он запутался в чьем-то пончо, в нос ударили запах пыльной шерсти и пота. Краем глаза Сергей заметил, как Юлька падает на четвереньки и, прокатившись под ногами, выскакивает наружу, одной заботой меньшее. Кулак художника врезался в чью-то коричневую скулу, но множество рук уже вцепились в его карманы. Где-то над головой ритмично гремели маракасы. Громко затрещала ткань погибающей куртки. Сергей взревел медведем, раскидывая низкорослых боливийцев, но на него навалились, вдавливая лицом в брускатку, и мягкие жизнерадостные голоса затянули следующий куплет.

Сергей привалился к фонарному столбу и провел ладонью под разбитым носом. На пальцах осталась густая кровь. Пятничная толпа обтекала его, как река – застрявшее на мели бревно. Впереди мелькали разноцветными пятнами пончо: индейцы гуськом уходили вверх по Арбату, играя и приплясывая; последний тащил подмышкой два футляра и весело махал прохожим свободной рукой. Вслед им неслись смех и аплодисменты. Сергей вдруг понял, что только что случившуюся драку скорее всего приняли за какой-то цирковой номер. Он мрачно рассмеялся и принялся отряхивать с коленей пыль.

Тихо подошла Юлька, бледная, губы испуганно приоткрыты. Она молча подняла с мостовой раскрытый бумажник и про-

тянула его Сергею. Тот машинально заглянул внутрь: деньги, карточка – все на месте...

– Что это было вообще? – ошарашено спросил он в пространство. Юлька пожала плечами, отступила на шаг.

Сергей подобрал истерзанную пачку сигарет, закурил.

– Дай мне тоже, – попросила Юлька. Выпустила клуб дыма, глядя под ноги. – Кто такой Ильич? – спросила она. – Ты передал привет от какого-то Ильича, и они на тебя набросились.

– Так, – медленно произнес Сергей и отшвырнул окурок. – Ты что-нибудь знаешь об этом?

Юлька закусила губу и помотала головой. Глаза у нее были как блюдца.

– Детка, десять минут назад ты жаждала мне в чем-то признаться, – Юлька попятилась, и он крепко взял ее за тонкое запястье. Девушка задергалась, вырываясь, и Сергей подтащил ее поближе. – Вчера ты спросила, не происходит ли со мной странного. Так вот, как видишь, происходит.

– Я не знаю, чего они хотели, – пробормотала Юлька, сердито выдирая руку. – Я тут не причем, я этого не придумывала!

Сергей задрал брови.

– А что придумывала?

– Ну, всякое, – Юлька потупилась и покраснела. – Но я же это выдумывала! Просто представляла! И не такое совсем! Просто фантазировала...

– Просто фантазировала. И письмо, конечно, тоже плод твоего воображения.

Юлька зажмурилась и сморщила нос, чувствуя, как от стыда горят уши.

– Я просто так написала. Ну, не просто так. Я подумала, а вдруг ты захочешь со мной снова встретиться.

– Ну, захотел. Поздравляю.

– Извини, – проговорила Юлька. – Я пойду, ладно?

— Мы сейчас оба пойдем, — ответил Сергей. — Поедем. Ко мне. И подробно побеседуем о твоих фантазиях...

— Тебе не понравится, они не эротические, — с вызовом буркнула Юлька.

— Не переживай. В моих глюках тоже эротики маловато.

— Ка... каких глюках? — опешила Юлька. — Я не... О черт! — она в панике взглянула туда, откуда доносилась очередная боливийская мелодия, и схватила Сергея за руку. — Слушай, я не нарочно. Глюков больше не будет, забудь. Я не знала. Я не хотела так, я просто придумывала, думала, что это забавно, просто прикалывалась сама с собой... Черт, черт, надо же, прости...

— Да что...

Сергей не успел договорить — Юлька развернулась и побежала прочь.

— Пойти что ли индейцам морду набить? — задумчиво спросил Сергей сам себя. — Нет, смысла нет, только в ментовку зря попаду.

Галерея постепенно наполнялась людьми. Сергей бродил по залу со стаканом виски в руке, перекидываясь ничего не знающими словами с посетителями. Сказал пару фраз какому-то журналисту. Расцеловал перед камерой панкующих двойняшек в россыпях булавок, блондинку и брюнетку, терпеливых натурщиц, с которых он рисовал свою версию Евы и Лилит. В общем, по настоянию Матвея старательно, хоть и без энтузиазма, работал лицом. Юлька не пришла, он одновременно и сожалел об этом, все-таки Юлька была на редкость живописна и украсила бы любое сбогрище, и радовался: неизвестно, какие выходки остались у нее в запасе. Семья Сергея опаздывала — то ли мама никак не могла собраться, то ли брат по обыкновению нашел самую глухую пробку в городе. Наконец они появились, и Сергей облегченно вздохнул — искреннее

удовольствие родителей и чуть ехидное веселье далекого от искусства брата разбавляли чересчур богемную, на вкус Сергея, атмосферу выставки. Мама вплыла в зал, опираясь на руку мужа. Отец настороженно посматривал по сторонам, вглядывался в лица посетителей, пытался понять реакцию публики. Сергей с легкой болью подумал, что первый провал обошелся отцу дороже, чем ему самому. Подхватив пару бокалов, он двинулся навстречу. За спинами родителей, весело ухмыляясь, маячил младший брат.

– Ну как? – спросил Сергей, кивая на зал.

– Куча народу, – сказал Илья, озираясь. – Что они здесь забыли?

Сергей попытался отвесить брату подзатыльник, но тот привычно увернулся.

– Я старый сисадмин и не знаю слов любви, – ухмыльнулся он. – Но, кажется, это круто. Мне что, начинать гордиться?

– Давно пора, мелкий. Куда исчезла мама?

– Высматривает тебе невесту, как всегда, – ответил отец. – Я смотрю, в этот раз у нее большой выбор. Где ты находишь столько интересных девушек? Поделился бы с братом!

– Пока мелкий считает, что самая интересная часть девушки – это ее компьютер, делиться с ним бесполезно. Да и они как-то сами... – рассеянно ответил Сергей и оглянулся. – О, черт. Ее надо остановить... Пойдем, мам, я тебе покажу самое лучшее, – сказал он, подходя.

– Очень милая девочка, – сказала та, рассматривая Юлькин портрет. Двигаться с места она не собиралась, и Сергей обреченно встал рядом. – Экзотическая, но милая. Твоя знакомая?

– Мама, она выпила пять литров моей крови и хотела еще! Я не сомневался, что она тебе понравится.

– Делаешь вид, будто я какая-то гарпия, – чуть обиженно проговорила она. – А я просто...

— Просто хочешь, чтоб я остыпенился и завел себе счастливую семейную жизнь, я помню. Не дуйся, мам, — он наклонился и чмокнул ее в щеку, — в другой раз.

— Я уже десять лет слушаю про другой раз.

— Ну так пора бы привыкнуть...

Он не успел договорить — налетел Матвей, подергиваясь, ухватил Сергея за рукав и потащил в сторону.

— Слушай, — жарко зашептал он, — какой-то тип завис у твоих коней в самолете и стоит там уже пятнадцать минут. Промаршировал прямо к ним, ни на что больше не смотрел.

— И что?

— А то! Пойди, поговори с ним хотя бы!

— Сам поговори, твоя работа.

— Какая работа, если ты их продавать не хочешь? Давай, давай, — Матвей подпихнул его под локоть.

Человека, завороженного картиной, звали Алекс Сорокин. Он выглядел на удивление невзрачно, настолько серо, что Сергей даже не мог уловить черты его лица — они как будто расплывались, ускользали, так что невозможно было ухватить суть. Это слегка беспокоило художника и заставляло держаться настороже. Но Алекс умел сразу расположить к себе. У него была бледная вежливая улыбка и беззащитные серые глаза, в которых мелькала легкая растерянность, Сергею сразу захотелось оберегать его от зубастых завсегдатаев и всячески брать под крыло, чтобы бедняга не потерялся в толпе снобов. Художник даже потянулся покровительственно похлопать Алекса по плечу — и с легким удивлением обнаружил, что вообще-то его собеседник не так уж мал ростом, как кажется — не намного ниже его самого. Убрав руку, Сергей с жаром принялся рассказывать о рейсе из Каракаса в Майами.

— Я вижу, вы много знаете о Че Геваре, — уважительно заметил Алекс.

– Больше, чем хотелось бы, – ответил Сергей, отхлебывая из стакана. – Я даже знаю, зачем он на самом деле устроил заварушку в Боливии.

– О! – неопределенно воскликнул Алекс, моргая. Сергей ухмыльнулся. Чертник, взбудораженный выпитым на голодный желудок виски и наивным видом собеседника, толкал его под руку, хотелось хулиганить.

– Че хотел дойти до одного старого монастыря и разбудить там революционного мегатерия, – заявил Сергей. – Это такой гигантский ленивец, – пояснил он и с изумлением увидел, как с его собеседника сваливается серенькая вежливая маска, и под ней проступают иные, намного более жесткие черты.

– Откуда вы знаете? – взвизгнул Алекс, но тут же взял себя в руки и вновь заулыбался дружелюбно и чуть растерянно, как человек, который подозревает, что его разыгрывают. – Интересная версия, – сказал он. – Сами придумали?

– У меня были видения, – пояснил Сергей с загадочной улыбкой и покачнулся. – Видения, – он помахал пальцем под носом Сорокина. – Я художник, мне положено...

В глазах у Сергея плыло, и он не заметил, как невинные глаза Алекса хищно сощурились, будто высматривая цель.

– Видения, не галлюцинации, – повторил он. – Заросшие тропы, дикие племена. Коллекционируют пальцы врагов, неприятные люди. Остальное съедают, но только не в пост, посты блюдут и празднуют рождество, Куаре. Вы ели когда-нибудь попугаев?

– Не довелось.

– Это невкусно, – утешил его Сергей.

– А вы хотели бы нарисовать этот монастырь? – спросил Алекс.

– Я рисую только с натуры, – возразил Сергей. – Я р-реалист.

— Понимаю, — кивнул Алекс, косясь на картину, где обнаженная девушка, сидя верхом на рыбине, гнала над ночным городом стаю дирижаблей.

— Видения, — пояснил художник. — Чертова девчонка не дала досмотреть. Не показала, что внутри.

Глаза Алекса превратились в щели. Слегка придерживая Сергея под локоть, он повел его вдоль зала. Приостановился у портрета Юльки, цепко оглядел его — разноцветные глаза, ладошка, скромно прикрывающая висящий на шее кулон. С веселым изумлением покачал головой.

— Эта девчонка? — спросил он художника. Сергей кивнул.

— Ведьма, — доверительно шепнул он. — Натуральная ведьма. Вот здесь еще... Танцует... И здесь. Дед — индеец, бабка — вообще нечто фантастическое, уж поверьте, я на коленях просил, чтобы она мне позировала... Ну, не просил, но собирался. А девчонка — натуральная москвичка, бывает же. Вот здесь, на бульваре, видите?

Он поволок Алекса дальше.

— Монастырь существует, — тихо говорил на ходу Сорокин. — Вы можете писать его с натуры, во всех ракурсах, на плэнере, так сказать.

— Боливия, — качал головой художник. — Далеко. Дорого.

— Это ничего, — возражал Алекс. — Давайте сделаем вот как...

Сергей залпом допил остатки виски и, прикладываясь к невесте откуда взявшемуся стакану с новой порцией, стал слушать, и слушал, пока из цветных пятен не возникло лицо брата.

— Илюха! — воскликнул Сергей и широко повел рукой, расплескивая виски. — Мелкий! Пора начинать мной гордиться, а?

— Горжусь. Так упиться при твоих размерах — это надо уметь. Хорошо, предки уехали уже.

— Я был взволнован, — с достоинством пояснил Сергей. — А где этот, с которым я разговаривал?

Илья пожал плечами:

– А ты с кем-то разговаривал? А, да. Не знаю, куда он делся. Не заметил – какой-то совсем невнятный мужик, о чём ты с ним трепался?

– Он ниндзя. Человек-невидимка. Буду писать его с натуры.

– Человека-невидимку? – Илья вздохнул. – Давай-ка я тебя домой отвезу. Стоп! Падать не надо, подъемный кран не вызывали.

– Не выступай, мелкий, – с трудом проговорил Сергей, наваливаясь на плечо брата.

Стоящий у дверей длинноволосый брюнет с рубленым кирпичным лицом раскашлялся так, что вынужден был прикрыть лицо платком, когда они проходили мимо, но Сергей не обратил на него никакого внимания.

Никто не смотрит в лица дворников. Маленькие тихие люди в оранжевых жилетах, зачастую едва говорящие по-русски, давно воспринимаются как часть пейзажа, нечто само собой разумеющееся. Даже привычка Сергея глядываться в прохожих, высматривая интересные лица, на дворниках давала сбой. Вот и сегодня он стремительно прошагал мимо, помахивая пакетом с пивом и копчеными куриными крыльями. Ночевать пришлось у брата, и утро было тяжелым. Но сейчас, после душа и литра чая, Сергей чувствовал себя все еще помятым, но вполне бодрым, и пиво купил скорее по инерции и про запас, чем из необходимости. Однако он все-таки был рассеянней обычного, и лишь краем сознания отметил, что дворник как-то уж очень забавно держит свою метлу. Как-то не так, подумал Сергей, замедляя шаг. Как будто в первый раз ее видит. Уже у двери подъезда он оглянулся и едва не выпронил пакет.

Лицо у дворника было круглое и узкоглазое, но на этом сходство с безобидными таджиками заканчивалось. Красно-

коричневая кожа, выдающийся нос, резкие, будто рубленые черты... Заметив взгляд Сергея, поддельный дворник поспешил отвернуться и бессмысленно зашаркал метлой по асфальту. Художник медленно вошел в подъезд, кивнул выглянувшей консьержке.

– С каких пор у нас в дворники идут индейцы? – спросил он.

Консьержка испуганно захлопала тяжелыми от туши ресницами.

– Что-то не так с дворником? – уточнила она.

– Все в порядке, – успокаивающе махнул рукой Сергей. – Ко мне никто не приходил?

– Вы кого-то ждали? Никто не приходил, нет... Что-то случилось? – развел новаясь консьержка.

– Нет, ничего, все в порядке, – повторил Сергей и шагнул в подъехавший лифт.

На всякий случай он тщательно осмотрел замки, но ничего подозрительного не обнаружил. Хорошо, что у него есть привычка пристегивать ключи карабином – во время арбатской драки их то ли не смогли, то ли не захотели отстегнуть. Войдя в квартиру, Сергей тщательно запер все замки, налил большую кружку чаю и задумался.

Куда бы ни шел в последнее время Сергей, он постоянно ощущал чье-то напряженное, недобroe внимание. Он чувствовал себя как герой приключенческого фильма, попавший в джунгли, из-за кустов торчат украшенные перьями головы, каждая лиана готова обернуться петлей-ловушкой, из-за каждого дерева может вылететь дротик с курабе. То он ловил пристальные взгляды людей в нелепых медицинских масках – пожары уже кончились, эпидемия простуды еще не началась, а эти, прячущиеся за респираторами, все как на подбор были смуглые, с забранными в хвосты длинными черными волосами. То в метро поймал за руку мальчишку-карманника – но был час пик, и воришко сумел удрасть и затеряться в толпе. Да и вчера, смутно

припомнил Сергей, на выставке отирался кто-то подозрительный. А теперь у самого подъезда индеец неумело размахивает метлой, выжидая... Чего?

Сергей обошел квартиру, внимательно всматриваясь в привычный бардак. Вроде бы все на месте. А может, и нет. Кажется, свернутые в трубку холсты стояли немного иначе... А может, у него разыгралось воображение, может, душевная болезнь, начавшаяся с галлюцинаций, прогрессирует, и это преследование лишь чудится ему в приступе паранойи... Но драка на Арбате была на самом деле! Его действительно обыскали – вон валяется драная перепачканная куртка и джинсы с оторванными карманами. Искали какую-то небольшую вещь, которую можно положить в карман или кошелек... Или повесить на шею.

Он прошелся по квартире, осматривая все заново. Кажется, краски в коробке лежали немного не так. Кажется, чайник сдвинут. Кажется, ящик стола закрыт немного неплотно... Сергей покачал головой. Его квартиру могли десять раз перерыть сверху донизу – достаточно было бы ничего не громить и класть вещи более-менее на свои места, чтобы он ничего не заметил.

В конце концов, что бы они не искали, у него этого нет. Самыми дорогими предметами в хозяйстве Сергея были компьютер и фотокамера, но грабителей они явно не интересовали. Сергей вдруг сообразил, что у него есть простейший способ выяснить, что нужно индейцам. Сунув ноги в кроссовки, он вылетел во двор и бросился к боливийцу. Увидев несущегося на него художника, тот попытался сбежать, но Сергей оказался быстрее. Он схватил псевдодворника за шиворот и встряхнул.

– Какого черта вам от меня надо? – прорычал он. – Ну?
– Не понимай... – придушенно прошептал дворник.
– Не понимай? А так? – он проорал тот же вопрос на испанском.

– Не понимай... Не понимай... – твердил дворник.
– Может, с тобой на аймара поговорить? – орал Сергей. – Или гуарани устроит?

– Не понимай... Милиция...

Сергей вдруг понял, что поддельный дворник смертельно напуган. Его темные губы посерели от ужаса, глаза лезли на лоб. Ругнувшись, Сергей отшвырнул его прочь. Огляделся – в дверях подъезда торчала курчавая голова консьержки; она со страхом наблюдала за взбесившимся жильцом.

– Чтоб я никого из вас больше не видел, – рявкнул Сергей.
– Понял? И дружкам своим передай! У меня для вас нет ничего! И этому... Ильичу так и скажи! – он не знал, откуда всплыл Ильич и по-прежнему не мог вспомнить, кто это такой, но чувствовал, что говорит то, что надо. Дворник мелко кивал и пятился. В конце концов, он отбросил метлу и стремительно бросился прочь.

– Что-то не так с ним? Натворил что? – робко спросила консьержка, поспешно убираясь с пути Сергея. Тот буркнул что-то под нос и, чувствуя себя идиотом, торопливо нырнул в лифт.

А все-таки в квартире кто-то побывал. Придется менять ключи. И, пожалуй, стоит поставить наконец сигнализацию... Ищут маленький предмет, который можно повесить на шею. Что-то вроде причудливого Юлькиного украшения, которое она так просила не рисовать. Странные Юлькины вопросы... Происшествие в Куэльбрадо-дель-Юро... А, нет, это из галлюцинаций. Но все-таки... Сергей нахмурился, пытаясь ухватить мелькнувшую мысль.

В кармане завибрировал мобильник.

– Ну, ты силен, дорогой! – возбужденно заорал в трубку Матвей. – «Не продается, не продается»... Ты как его раскрутил на такие бабки, а? Ну-ка, делись! А ты не прост, не прост...

– Подожди, – поморщился Сергей. – Ты о чем вообще?

– Сдурел? «Каракас-Майами», забыл? Ты же сорок минут с этим хмырем перетирал! Хотел бы я знать, как ты его уломал, а?

– Случайно, – буркнул Сергей.

– Да уж понятно, что не нарочно, но как?

– Черт знает. Напился же до состояния макета. Вообще не помню, о чем говорили.

– Ну, молодец, молодец! Что теперь делать будешь? Ты смотри, не расслабляйся, мы тебе скоро еще одну выставку забацаем, раз такое дело!

Сергей подошел к окну. На лавочке у песочницы сидел индец в оранжевом жилете, держа метлу вертикально, как копье.

– Съезжу в Боливию, – сказал он Матвею. – Всегда мечтал.

ГЛАВА 12

СБОРЫ

Камири, октябрь, 2010 год

Ильич снял наушники, подошел к барной стойке и попросил пива.

– Вы знаете, синьор Чакруна, что Скайп контролирует ЦРУ? – поинтересовался Бу, ловко сворачивая крышку. – Под Вашингтоном вырыта огромная пещера, в ней – миллионы серверов, и на каждом – записи разговоров якобы свободных граждан. Раз в неделю их сортируют по странам и отправляют в секретные службы. Правительство следит за всеми нами.

– Конечно, – согласился Ильич, с сомнением оглядывая зааленые феньки, скрывающие тощие запястья Бу. – Но я всего лишь болтал с родственником.

– Это не важно, – покачал копной дредов Бу. – Они интересуются всем. Любая семейная неприятность может использоваться для шантажа. Они распустили слух, что я работаю на них, чтобы заткнуть мне рот и отвлечь от настоящего агента. Но я молчать не собираюсь.

Ильич молча кивнул. О паранойе Бу все знали и привычно отмахивались, однако сейчас, наверное, стоило к нему прислушаться и в следующий раз разговаривать с московскими приятелями поосторожней. Впрочем, будет ли этот следующий раз? Московская кампания, похоже, провалилась. Ребята напуганы: мало арбатской драки, так им пришлось вломиться в квартиру художника, рискуя угодить в тюрьму, бешеный русский еще и едва не избил Хуанито, по глупости попавше-

гося ему на глаза. И все зря: либо он держит предмет где-то в недоступном месте, либо броненосца у него просто нет. С собой он его точно не носит: карманы ему ребята обчистили тщательно, и даже не поленились составить список найденного – нудное перечисление всякой чепухи, которую можно найти в карманах любого мужчины, включая содержание лежалых бумажек.

Ильич взял свое пиво, прихватил со стойки рекламку и огрызок карандаша и отошел за столик. Он перевернул листок и на чистой стороне принялся вычерчивать примитивную схему, как делал еще студентом, пытаясь разобраться в хитросплетениях очередного задания.

Если у художника нет броненосца, значит, он находится под его влиянием. Значит, кто-то морочит его... Но кто и зачем? Ильич нахмурился, пытаясь ухватить мелькнувшую мысль. Список найденного в карманах... Лежалые бумажки... Смятая, потертая визитка. Девушка, которая была с художником на Арбате и удрала, как только началась драка...

Хлопнула дверь, в клуб вошел старый садовник, и Ильич едва не подпрыгнул.

– Добрый день, синьор Морено! – окликнул он. – Хотите пива? Бу, принеси нам пару бутылок!

Макс удивленно повел мохнатыми бровями и подошел к столику шамана.

– Добрый день, синьор Чакруна. Я, в общем-то, заскочил на минутку, посмотреть, что понаписали эти дилетанты на форуме. У нас возник спор по поводу частоты полива амариллиса. Но от пива не откажусь, спасибо.

Бу с грохотом поставил на стол запотевшие бутылки и помахал по столу тряпкой.

– Я вообще-то программист, а не официант, – буркнул он.

– Конечно, конечно, – закивал Макс. – Извини нас и спасибо за пиво.

– Просто я не хочу работать на правительство. Все программы, которые я мог бы написать, в конце концов, попали бы в руки спецслужб. Это против моих убеждений.

– Понимаю. Я тоже отказался продавать розы в мэрию.

– Правда? – просиял Бу. – И правильно сделали! Они прячут в букеты жучки.

Ильич сидел, как на иголках, дожинаясь, когда сумасшедший сисадмин уйдет, но тот, нависая над столиком, принял посвящать Макса в устройство микропередатчиков. Ильич в отчаянии завертел головой.

– По-моему, вон тот парень только что кликнул по баннеру порносайта, – наконец сказал он. – Как бы не поймал вирус.

Бу швырнул тряпку и ринулся к несчастному посетителю. Ильич с довольным видом отхлебнул пива и посмотрел на старика Морено. Тот безмятежно пил, с любопытством поглядывая по сторонам.

– Итак, синьор Морено, вы смогли расстаться с броненосцем и отправили его своей внучке в Москву, – без обиняков заговорил Ильич. Макс осторожно поставил бутылку на стол.

– Розита – болтушка и всюду сует свой нос, но посылки вроде бы не вскрывает, – задумчиво проговорил он и желчно усмехнулся: – Шаман!

– А вы надеялись, что об этом никто не узнает?

– Надеялся, – кивнул Макс. – Я вообще не был уверен, что она получит предмет. – Увидев удивление шамана, он объяснил: – Я боялся хранить броненосца у себя, это становилось слишком рискованным, но доверять его молодой девушке – еще глупее. Поэтому я нарочно написал ее имя с ошибкой.

– Зачем?! – изумленно воскликнул Ильич.

– Мне рассказывали ужасы о русской бюрократии. Я подумал, а вдруг бандероль просто похоронят где-нибудь в завалах невыданных посылок. Или она вечно будет летать между Камири и Москвой. И тогда никто не сможет дотянуться до броне-

носца. Ни вы, синьор Чакруна. Ни ваша подруга из монастыря. Ни другие...

– Могу вам точно сказать, что ваша внучка предмет получила и уже успела им воспользоваться, – сухо сказал Ильич. – Так что ваш расчет не оправдался.

Макс покачал головой.

– По крайней мере, броненосец в Москве. Это плохой, опасный предмет, и здесь он мог натворить больших бед. А там... Что ж, пусть девочка балуется. Надеюсь, ей это не повредит.

– Я всю жизнь мечтал заполучить его, сумел проследить его историю до деревушки в Парагвае, рядом с границей, я из-за него чуть из университета не вылетел... А вы сделали из него игрушку для внучки! Вы не понимаете, какое сокровище было у вас в руках...

– Нет, это вы не понимаете, синьор Чакруна! – перебил Макс. – Вы же шаман, черт возьми! Вы должны были понять то, что понял я, когда эта монашка устроила шум по поводу учителя! Сорок с лишним лет все было тихо, и я держал броненосца у себя, но сейчас... Вы же знаете, что-то назревает, как нарыв, и вот-вот лопнет, и никакие молитвы не остановят...

Ильич кивнул, с удивлением глядя на разволновавшегося старика. Усы Макса тряслись, морщинистые руки шарили по столу, смущая салфетки.

– Вы же знаете, как связан предмет с Чимортэ! – продолжал Макс, и тут Ильич удивленно поднял руку.

– Подождите, подождите, синьор Морено! Я ничего не знаю об этом!

– Как?! – опешил Макс. Помолчав, он спросил: – Вы что, ни разу не заглянули в монастырскую библиотеку?

Ильич расхохотался.

– Синьор Морено! – воскликнул он. – Какая библиотека! Меня за стены-то не пускают! Я же упорствующий язычник,

и Таня не устает напоминать об этом настоятельнице. Я могу, конечно, спуститься в Нижний Мир и вопрошать духов, не ухмыляйтесь, синьор Морено, будьте последовательны, вы не можете одновременно верить в миф о Звере Чиморте и презирать шаманские практики. Но я этого никогда не делал. Я разумный человек, синьор Морено! Зачем мне знать такие вещи? Да, мне любопытно, но одно дело анализировать легенды и читать старые записи, и совсем другое – рисковать душевным здоровьем ради знаний, которые не собираешься использовать на практике. Я недостаточно сильный шаман, чтобы заглядывать в такие области без риска остаться там навсегда. В конце концов, это было бы позорно – превратиться в овощ, не справившись с очередным путешествием. И, главное, зачем? Я не собираюсь приводить в мир древних богов. У меня хватает воображения и образования, чтобы представить, чем это обернется...

– Ах вот как... – протянул Макс. Он отхлебнул пива, тщательно размял сигарету и закурил. – Тогда я вам не буду ничего рассказывать, синьор Чакруна, – весело сказал он.

– Просто поверьте: если вы не хотите, чтобы Чиморте был разбужен, лучшее, что вы можете сделать – забыть о броненосце.

– Вы преувеличиваете опасность, синьор Морено, – буркнул Ильич. – У меня броненосец был бы в полной сохранности. Кроме того, войти в башню внутри монастыря может далеко не всякий...

– Знаю. Таким человеком был Че. Он мог, и знал об этом. Это был его запасной план – комandanте страшно не нравилась идея связываться со всякой мистикой, но он готов был пойти на это ради победы. Когда я думаю, какую страшную ошибку я мог совершить... – Макс покачал головой. – Я хотел помочь ему, но не успел – Че взяли буквально за полчаса до того, как я нашел отряд, – объяснил он.

Ильич молча пил, глядя во все глаза на старого садовода. «Ай да пенсионер!» – крутилось у него в голове.

– Но, наверное, это не единственный способ, – продолжал Макс. – Иначе вы бы не испугались так, когда эта девушка, Таня, начала возмущаться по поводу учителя.

Ильич поморщился.

– Вы же здесь недавно живете, синьор Морено? – спросил он. Макс с усмешкой пожал плечами.

– Здесь считают, что всякий, кто не родился в Камири или его окрестностях, живет в городе недавно, – ответил он. – Я окончательно осел здесь лет пятнадцать назад, когда стало трудно ходить в экспедиции. До того бывал лишь наездами.

– По местным меркам – недавно, – кивнул Ильич. – Вы здесь не росли, не слушали рассказы кумушек, не впитывали сплетни. И знакомых в лесных племенах у вас нет. Вы не знаете... Считается, что Чиморте берет себе жен, не терпит измен и может явиться к посягнувшему. Да, душа его заперта и спит, но тело-то свободно разгуливает по сельве... – Макс кивнул и скривился от воспоминаний. – Поэтому здесь шарахаются от монашек, – продолжал шаман. – Кто знает, которую он себе присмотрел. Даже разговор с кем-нибудь из монастыря считается дурной приметой. Таня вбила себе в голову, что она может заставить Чиморте проснуться... И заодно наказать убийцу, раз уж немецкие судьи выпустили его из рук.

– Она считает себя его женой? – тихо спросил Макс.

– Скорее невестой, – поправил Ильич. – Я виноват перед ней и не хочу, чтобы она еще больше сошла с ума.

– Бедная девочка, – вздохнул Макс. – Но, синьор Чакруна... Я знаю, вы человек упорный, но не ищете броненосца. Я не шаман и не умею общаться с духами, но верю в свои предчувствия. Предмет стал бы здесь запальным шнуром, сунутым в кучу динамита... Я не знаю, что происходит и откуда у меня это ощущение, но...

Ильич задумчиво допил пиво. Посмотрел на бумажку, исчерканную стрелочками. Некоторое время он задумчиво катал бутылку между ладонями, раздумывая, и, наконец, произнес:

– Я скажу вам, что происходит, синьор Морено. Появился человек, способный войти в башню. Так что вы, наверное, правы... Эй, Бу, приятель! Возьми деньги за пиво.

– Вы тут разговариваете, – мрачно сказал подошедший Бу, – а правительство, между прочим, сует жучки в каждый системный блок. Какой смысл отсаживаться в угол и шептаться, если у вас за перегородкой микрофон?

Москва, октябрь, 2010 год

– Я страшно хочу на море, – грустно сказала Юлька. – И вообще куда-нибудь, где тепло и интересно. Я уже год никуда не ездила...

– Так соглашайся! – воскликнул Алекс. – Не понимаю, о чем ты вообще думаешь!

– Так о работе же! Если я сейчас уеду – Любимая Заказчица мигом найдет кого-нибудь другого, а без нее я долго не пропаду.

Алекс закатил глаза, и Юлька шумно вздохнула.

– Ну давай чуть попозже, а? У нее предновогодний аврал сейчас, да и у меня тоже, скоро все бросятся за подарками. Мне вообще по-хорошему не с тобой надо сидеть, а у себя, очередные сережки клепать. Давай в январе?

– Не могу я в январе, – проговорил Алекс, прижимая руки к груди. – Рад бы, но не могу. Если не сейчас, то я еще полгода не выберусь, а я устал, как собака...

– Так езжай без меня, – предложила Юлька. – Я, так и быть, потерплю без тебя пару недель.

– А я не хочу без тебя, – ответил Алекс.

Юлька довольно рассмеялась, и Орнитолог едва сдержался, чтобы не дать ей пощечину. Феликса бы сюда, злобно подумал он, пусть бы старикашка сам с ней возился. Легко сказать – войди в доверие, влюби, добейся, чтобы отдала предмет...

Проблема в том, что эта умненькая, сообразительная, способная девушка была просто потрясающей дурой. Алекс несколько раз оказывался на грани провала просто потому, что Юлькино воображение, как взбесившаяся лошадь, могло занести ее куда угодно. Неделю она выносила ему мозг, утверждая, что на самом деле он ухаживает не за ней, а за ее дедом. При это она была настолько уверена, что Алекса интересует не Макс Морено, а какой-то безобидный ботаник, что Орнитолог сам едва не поверил в это и несколько дней сходил с ума, пытаясь увязать в одно целое предмет и какие-то африканские травки, собранные старичком. Потом, после примирения, девица вообразила, что у Алекса любовь до гроба, он спит и видит, как бы жениться на ней, и предложила расстаться, потому что его чувства не взаимны, а обманывать и расстраивать такого хорошего человека она не хочет. Стандартные уловки на чокнутую девчонку не действовали – не потому, что она их замечала и не велась, скорее наоборот. Юлька просто не в состоянии была сосредоточиться на Алексе настолько, чтобы он мог привлечь ее. До девицы даже не доходило, что ее сблазывают...

В конце концов Орнитолог понял, что в ближайшие полгода броненосца он не просто не получит, а даже не увидит. Это вдвойне раздражало потому, что Орнитологу было очевидно: стоит Юльке хоть на полчаса собрать свои разбегающиеся мозги и сосредоточиться – и славный влюбленный бизнесмен Алекс очень понравится ей, и тогда уж девушка не пожалеет для него ничего – сама расскажет о волшебной фигурке броненосца, сама отдаст в руки...

Он с огромным трудом сумел убедить Родригеса в том, что ухаживание ничего не даст, если тот спешит, пусть придумает что-нибудь другое. А старик явно торопился: видимо, ситуация в Боливии вот-вот грозила выйти из-под контроля. Родригес несколько дней размышлял – это стоило Алексу двух синяков, полученных во время катания на велосипеде по «чудесной, очень забавной» дорожке в одном из московских парков, и просмотра тошнотворной мелодрамы. Он уже отчаялся, когда пришло распоряжение: под видом отдыха вывезти Морено в Боливию. И если она не возьмет с собой предмет – пусть Орнитолог пеньет на себя.

Страдания Алекса вышли на новый виток. Юлька очень, очень хотела куда-нибудь съездить, и Боливия – прекрасная страна, но ведь там нет моря! А Юлька хочет купаться. Может, вместо Боливии они поедут в Эквадор? Там все так же, ну, кроме этой чудной соляной пустыни, зато есть целый океан. Алекс хочет именно в Боливию? Всегда мечтал? А почему именно туда? Он почти видит, как включается воображение Юльки, как щелкают в хорошенъкой голове винтики и шестеренки, запуская новый приступ паранойи. По ночам Юлька открывает шкатулку с украшениями и подолгу смотрит на броненосца. Еще одна тонна нервов, потраченная на восстановление отношений. «Знаешь, если бы я не видела, как ты ко мне относишься, я бы решила, что ты агент ЦРУ», – весело говорит Юлька.

Хорошо, она поедет с ним в Боливию, только все-таки она хочет купаться, давай и туда, и туда? Сначала в Эквадор, она наплавается и с удовольствием отправится в джунгли... Нет, что ты, трех дней мало! Тогда сначала в Боливию? Юлька задумывается, и ее осеняет новая идея: давай она съездит на море одна, а потом догонит его. Алекс делает нежнейшее лицо и начинает рассказывать, что без нее, прекрасной, любимой Юльки, он никуда не поедет, и она, наконец, размякает и соглашается...

А потом эта дура смотрит на календарь и вспоминает, что у нее есть работа.

– Никуда без тебя не поеду, – сказал Алекс. – Помру здесь, в Москве, на посту.

Юлька душераздирающе вздохнула. Уезжать из Москвы сейчас не хотелось. После дурацкой встречи на Арбате она больше не виделась с Сергеем и не разговаривала с ним, но подозревала, что художник влип из-за нее в какие-то загадочные неприятности. В конце концов, не могли же боливийские музыканты напасть просто так. Она догадывалась, что причина драки – кулон, что лежит в ее шкатулке под зеркалом. Вдруг Сергей это тоже поймет? Тогда будет повод для встречи.

А Алекс иногда смотрит на нее так странно, почти зло, и все эти вопросы и уговоры... Пляски вокруг да около Боливии настораживали, но зная, на что способно ее разыгравшееся настроение, Юлька изо всех сил давила подозрения. Надо же хоть иногда включать здравый смысл – ну откуда Алексу знать о броненосце? Не может же пол-Москвы гоняться за одним несчастным кулоном? Хватит и нелепых индейцев. Но уж с ними-то Сергей справится запросто.

Вспомнив художника, Юлька загрустила.

– Пора мне домой, – сказала она, и Алекс послушно замахал рукой, подзывая официантку.

– Где это мы? – сердито спросила Юлька.

– Рядом с моим домом, – улыбнулся Алекс. – Хочу, чтобы ты, наконец, заглянула ко мне в гости.

– Какого черта! Я же сказала, что мне надо домой, у меня дел по горло...

– Полчаса у меня. Потом я тебя отвезу за пятнадцать минут. Для тебя же четверть часа ничего не решит!

Она упрямо замотала головой, вжимаясь в автомобильное кресло, и Алекс утомленно прикрыл глаза. Форсировать? За

волосы и в пещеру? На лице Юльки читалось такое ослиное упрямство, что ему захотелось завыть. Орнитолог представил, что сделает с идиоткой, когда операция завершится, и ему слегка полегчало.

– Юлька. Пожалуйста. Неужели ты мне настолько не доверяешь? – проговорил он.

У него был такие несчастные глаза, что Юлька сдалась. Выпятив челюсть и глядя в землю, она неохотно выбралась из машины. Все с тем же недовольным видом стояла в сверкающем лифте, все так же упрямо пряча глаза, вошла в минималистскую, черно-белую квартиру, похожую больше на дипломный проект студента-дизайнера, чем на дом живого человека.

Она не успела оглянуться толком – Алекс притянул ее к себе. Он целовал ее медленно, и Юлька думала, что это, должно быть, прекрасный поцелуй, и отвечала старательно, как школьница...

– Не хочу, – сказала она в полном расстройстве и отступила.
– Как-то у меня не получается.

– А в Боливию? – спросил Алекс, тяжело дыша.

– Это было бы нечестно. И я все равно не могу.

В Боливию хотелось так, что на глаза наворачивались слезы. Она отвернулась и медленно побрела по безликой комнате, рассеянно глядя по сторонам. Здесь было единственное яркое пятно – картина на голой, покрытой белоснежными обоями стене. Юлька остановилась перед ней и раскрыла рот.

– Он же не собирался ее продавать, – пробормотала она.

– Что? – переспросил Алекс с кухни. Вошел, неся в обеих руках по чашке кофе.

– Ничего, – сказала Юлька, машинально хватая чашку.

Совпадения, разыгравшееся воображение? Предположим. Но почему на стене в квартире Алекса висит во всей красе «Каракас – Майами»? Как он смог заполучить именно эту картину,

и зачем? Алекс вовсе не был похож на большого поклонника искусства. А представить, что Сергей продал любимую картину только для того, чтобы кто-то мог слегка разнообразить унылый интерьер, Юлька не могла. Она отхлебнула кофе и внимательно поглядела на Алекса.

Тот с закаменевшим лицом рылся в стопке дисков – простой и понятный человек, неудачливый влюбленный. Ну ладно, подумала Юлька, а если все-таки предположить, что ему нужна не я, а броненосец? Да нет, вряд ли тогда он позвал бы ее в Боливию. А с другой стороны... От бабушки она знала, что отобрать предмет нельзя – он сразу превратится в бесполезную железку. Правда, это касалось обезьянки, но броненосец ведь такой же...

Юлька поняла, что окончательно запуталась. Злость, любопытство, растерянность смешались, превратившись в коктейль, готовый взорвать ее мозг. Юльке остро захотелось остаться одной.

– Ты не возись с музыкой, – сказала она, – мне правда надо уже ехать.

Алекс пожал плечами и захлопнул коробку с диском.

Едва войдя в квартиру, Юлька бросилась звонить Сергею. Телефон был отключен. Она еще трижды набирала номер, бездумно вертя в руках броненосца и пытаясь понять, что ей теперь делать. В принципе, вариантов было только два: послать Алекса к черту, запереться, запрятать броненосца в самый дальний угол и выкинуть из головы всю боливийскую эпопею – либо поплыть по течению и посмотреть, что из этого выйдет.

В любом случае броненосца надо было пока припрятать по дальше. Юлька закружила по комнате, выискивая подходящее место. Ее внимание привлекли коробки на самой верхней полке шкафа. Они стояли там так давно, что Юлька даже не

помнила, что в них хранится. Подтащив стул, она залезла на него и привстала на цыпочки, вытягивая шею.

С улицы донесся истерическое тявканье дерущихся собак, и Юлька, не успев сообразить, что делает, резко повернулась к окну. Потеряв равновесие, она замахала руками, ударила локтем о дверцу шкафа и полетела вниз. В последний момент она успела замедлить падение, попытавшись опереться о подоконник – и завопила от резкой боли в кисти.

«Любопытство кошку сгубило», – уныло подумала Юлька, глядя на замотанную эластичным бинтом руку. Ну что ж, теперь никакая работа не помешает ей уехать. Падение Юлька восприняла как пинок судьбы: видимо, прятать броненосца на шкаф, а голову – в песок было бесполезно. Воображение закинулось и понесло, как испуганная лошадь. Приключения уже происходят, их не засунешь в коробку. Так или иначе, Юлька вляпалась в какие-то шпионские игры, и теперь ей придется участвовать в этой истории. Но спокойно ждать развития событий – не по ней. Придется чуть-чуть подхлестнуть их. Совсем немножко.

Юлька с ужасом чувствовала, как в ней просыпается игрок, вооруженный набором банальных сентенций вроде «пан или пропал» и «кто не рискует, тот не пьет шампанское». Что именно сыграет роль шампанского в случае удачного риска, Юлька не смогла бы сказать, думай она хоть год; но этот вопрос попросту не пришел ей в голову.

«Кажется, именно это называется – лезть на рожон», – пробормотала она. Поразмыслив еще с минуту, она одним пальцем набила покаянное письмо Любимой Заказчице и набрала номер Алекса.

– Я потянула руку, – сказала она со смешком.

– Поздравляю, – сухо ответил Орнитолог.

– Да нет, ты не понял! Я теперь не смогу рисовать пару недель. Как ты думаешь, мне в Боливии это не помешает? Мы же там никаким экстримом заниматься не будем?

– Не помешает, – медленно ответил Алекс. – Конечно, не помешает.

Орнитолог помолчал, прикрыв глаза и слушая, как тяжело бухает сердце. Каким-то образом провал обернулся везением. Если он сейчас не сглупит...

– Так что, едем? – нетерпеливо спросила Юлька.

– Конечно, – очнулся Алекс. – Сначала проедемся по джунглям, потом...

– Здорово, – перебила Юлька, – а танцевать мы будем где-нибудь? Ужасно хочется потанцевать.

– Обязательно... – да что ж такое? Предмет, кажется, сам идет в руки... Не веря своей удаче, Орнитолог предложил: – Ты возьми что-нибудь принарядиться. Украшения не забудь. У тебя же есть хорошие украшения?

– Ага... – Юлька подкинула на ладони броненосца. Вот же жулик! Украшений ему... Она вспомнила полет со шкафа, едва слышно вздохнула и добавила: – У меня кулон есть такой... Почти серебряный, от дедушки достался.

Вот так, ход сделан. Если Юлькины вычисления правильны – она только что практически призналась в том, что броненосец у нее. Юлька покрепче стиснула телефон.

На радостях Орнитолог не стал задумываться о том, почему она согласилась так легко. Надо было провернуть все как можно скорее, чтобы эта сумасшедшая не успела передумать.

– У тебя время есть сейчас? – спросил он. – Ну, конечно, есть, раз ты работать не можешь. Давай я за тобой заеду, мы быстренько купим билеты, а потом поедим?

– Хорошо, – все так же покладисто ответила Юлька.

– Через пятнадцать минут буду! – почти выкрикнул Алекс и бросил трубку.

Покупку билетов решили отметить, съев по стейку. Юлька неловко ковыряла мясо, пытаясь справиться с ним одной вилкой. Алекс внимательно следил за ее руками, и на его лице постепенно проступало такое сложное выражение, что Юлька почти испугалась.

– Что-то не так? – спросила она.

– Это левая, – ответил Алекс.

– Что?

– Рука левая.

– Ой... – смутилась Юлька.

– Ты симулируешь? – с искренним интересом спросил Алекс.

– Да нет же! Оно само так получилось... случайно.

– Но рука левая.

– Я их путаю... Да какая разница! Я уже все отменила. К лучшему же вышло?

– Да. К лучшему, – задумчиво ответил Алекс. – Давай я тебе мясо порежу, а то до ночи здесь просидим, а тебе еще собираться.

ГЛАВА 13

МОНАСТЫРСКАЯ БИБЛИОТЕКА

*Из дневника Дитера
Ятаки, ноябрь, 2010 год*

На выходные собирался съездить в город: отец одного из учеников одолжил мне лодку и научил кое-как с нейправляться. Я уже предвкушал кружку пива в единственном баре Камири, пачку свежих журналов, душ в гостинице и прачечную – от всей моей одежды несет плесенью, и я сомневаюсь, что смогу к этому привыкнуть. Поэтому, когда меня попросили разобрать монастырскую библиотеку, первым порывом было отказаться под любым благовидным предлогом.

Но любопытство оказалось сильнее. Что делают монахини в бескрайней трясине, где избегают селиться даже самые неприхотливые индейцы? Оговорки падре интриговали – из них было понятно, что монастырь – скорее место ссылки, чем прибежище особо религиозных индиганок. Пару раз, насосавшись джина, он называл монахинь «падшими женщинами» и гневно тряс опухшими кулаками, бормоча, что «эти дьявольские отродья» гниют в болоте совершенно заслуженно. Насколько я успел заметить, несмотря на усилия отца Хайме и его предшественников, нравы в Ятаки весьма вольные. Большинство моих учеников вопрос «кто твой отец?» ставит в тупик, но даже самого падре это не слишком смущает. Я не могу представить, что должна натворить женщина, чтобы ее изгнали из деревни.

Иногда в полуодреме монастырь приобретает зловещие черты, он кажется мне прибежищем самого мрачного порока,

пока я не вспоминаю о Тане. Несмотря на то, что наше знакомство было совсем коротким, ее странная красота и первобытная сила заворожили меня. Надежда повидаться с ней решила дело: на фоне беззаботности лесных индейцев монашество Тани трудно воспринимать всерьез, и в мечтах она предстает передо мной свободной и полной желания.

Монастырь на болотах, на следующий вечер

Один из моих учеников, регулярно таскающий в монастырь продукты, согласился стать проводником. Выходить надо было затемно, чтобы успеть пройти за день около пятидесяти километров. Я взгромоздился на чалого мула, приведенного мальчишкой, и отправился в дорогу. Тропы практически не существует: все следы мгновенно затягивает тиной. Мальчик вел меня вдоль вешек – безопасный путь сквозь заросшую кустарником трясину отмечали яркие лоскуты. Присмотревшись, я понял, что это старая детская одежда – футболки, шортики, разноцветные малышевые колготки. От этого мне стало немного не по себе – странный способ обозначать дорогу.

Я думал, что за месяц в деревне привык к жизни в заболоченной сельве, но чем дальше мы продвигались вглубь болота, тем хуже мне приходилось. С непривычки я быстро натер внутреннюю поверхность ног и копчик; боль не сильная, но надоедливая и выматывающая. Я мечтал о привале, но мальчишка явно не собирался останавливаться.

К середине дня я взбунтовался, остановил мула и тяжело сполз на землю. Затекшие колени пронзила острыя боль. Я рассчитывал хотя бы на час отдыха, но мальчишка испуганно приплясывал вокруг, уговаривая снова двинуться в путь. В конце концов, он едва не заплакал, так что мне пришлось снова взгромоздиться в седло. Я таки представлялась мне уже чуть ли не курортным местечком, сухим и прохладным.

Солнце клонилось к западу, и мальчишка все отчаяннее гнал вперед, нервно поглядывая по сторонам. Я так и не смог понять, что его пугает: на расспросы мальчишка туманно отвечал, что места здесь нехорошие и в темноте по этим тропам ходить не надо – после чего окончательно замкнулся, открывая рот лишь для того, чтобы прикрикнуть на усталого мула. Я попытался взбодрить проводника какой-то глупой песенкой, но тот лишь испуганно поглядывал на меня.

Его страх оказался заразительным, и я начал находить в окружающем пейзаже нечто зловещее. Мои нервы настолько разыгрались, что мертвый, лишенный листвы куст с покрытыми плесенью ветвями показался кошмарно похожим на человеческий скелет, лишенный рук. От жары и усталости мне начинало чудиться, что мы пробираемся по внутренностям гигантского животного с густой и зловонной кровью.

Я потерял всякое представление и о времени, и о цели похода, и потому не сразу понял, о чем идет речь, когда мальчик вдруг остановил мула и улыбнулся.

– Почти пришли, – сказал он. – Успели.

Я ожидал увидеть еще одну деревеньку вокруг маленькой миссии, созданной несколько десятков лет назад каким-нибудь сумасшедшим энтузиастом. Когда после очередного поворота передо мной предстал монастырь, я чуть было не решил, что галлюцинирую.

В краю, где все гниет и разрушается на глазах, здание, сложенное из красного песчаника, кажется пришельцем из другого мира. Монастырь стоит на холме, выступающем из трясины. Каменные стены выглядят невероятно старыми, словно их построили еще во времена конкистадоров, а может, и раньше – древний храм, приспособленный под нужды чужаков. Проводник вывел меня к холму на закате, с запада. Стены в последних лучах солнца пылали, будто облитые

жертвенной кровью, и последние полкилометра пути я едва держал себя в руках, изнывая от дурных предчувствий.

Пишу за маленьким столиком посреди комнаты, стены которой заставлены стеллажами. Таня ушла – настоятельница попросила помочь ей, но обещала скоро вернуться и показать мне монастырь. От полок исходит слабый запах креозота. На каменном полу стоят несколько сундуков из толстой резной кожи, очень старых, даже старинных, на вид. Видимо, кожа была пропитана каким-то особым составом – ее не разрушили ни плесень, ни насекомые.

Настоятельница монастыря, мать Мириам, оказалась маленькой смуглой женщиной с ямочками на круглых щеках; кажется, среди ее предков были и африканцы, и семиты, но не индейцы. Несмотря на почтенный возраст монахини и сгорбленную спину, ее глаза остались ясными и веселыми. При виде настоятельницы все мои опасения прошли: такая милая прожилая дама не может служить злу. Она напоила меня кофе и проводила в библиотеку.

После того как настоятельница, извинившись, оставила меня одного, я наугад открыл первый сундук. Бумаги, исписанные рукой, больше привычной к мотыге, чем к перу, едва не рассыпались под пальцами. Видимо, это был архив, пролистав несколько вручную сшитых тетрадей, я убедился, что монастырь действительно основан очень давно. Но почему в таком неподходящем месте?

Таня все не возвращается. Пожалуй, есть смысл заняться бумагами из сундуков.

Ночью

Очень странная сцена с Таней. Я увлекся очередной записью и не заметил, как она вошла. Ее голос заставил меня вздрогнуть.

– Не стоит копаться в этих старых бумажках, – сказала монахиня.

На этот раз она не улыбалась: вид у девушки был сосредоточенный и слегка встревоженный. Я отложил истертый лист пергамента, который тщетно пытался разобрать, и поднялся ей навстречу.

– Меня прислали помочь, – сказала она. – Архив подождет, там нет ничего ценного... Ничего ценного, – с нажимом повторила она, заметив, что я собираюсь возразить, и молча захлопнула резную крышку.

Ничего ценного?! Да я отдал бы что угодно за самый примитивный ксерокс или фотоаппарат! Надо будет хотя бы переписать, что успею. Но какова Таня! Интересно, зачем ей было отвлекать меня от сундука, при том, что настоятельница была совсем не против того, чтобы я в нем рылся. Понимают ли они, что за сокровища держат в библиотеке?

Вот— один из блокнотов, принадлежавший когда-то, судя по надписи на форзаце, Лауре Гуттьеррес Бауэр, доктору этнографии. Полистал наугад. В руки мне выпал отдельный листок, переписываю его здесь полностью:

«Дорогой Че!

Мои путешествия в качестве доктора этнографии не прошли даром. Похоже, я нашла то, что мы искали. Вот краткая запись мифа:

Бог (всей земли?) Чимортэ живет в очень высокой хижине (башне?) посреди болота, населенного демонами. Чтобы люди могли приходить к нему, превратил свою сестру в лиану (аяваску?). Чимортэ берет в жены лучших женщин племени. Однажды приходят чужаки с белой кожей, а на лицах у них растут волосы. Женщина, назначенная в жены Чимортэ,

влюбляется в одного из них и обращается за помощью к хитрому человеку.

Хитрый человек обещает помочь, если женщина проведет ночь с ним, и она соглашается. Когда женщина засыпает, он перепутывает одежду ее и сестры. Утром сестру уводят в жилище Чиморте, но тот видит обман. Он принимает облик огромного зверя и гонится за хитрым человеком, чтобы убить его, но тот превращается в броненосца. Он сворачивается клубок и катится под ноги Чиморте. Тот падает, от удара его душа вылетает из тела.

Чужие люди запирают заснувшую душу Чиморте в башне, строят вокруг нее стену и ставят сторожить ее жрецов своего бога. Поэтому земля теперь принадлежит белым, и только рядом с башней индейцы еще живут сами по себе. Тот, кто разбудит Чиморте, станет великим вождем и будет править всей землей.

Признаюсь, я бы не обратила особого внимания на эту легенду, если бы не слухи о престранном монастыре, который находится недалеко от границы с Парагваем. Думаю, он и «стены, построенные вокруг башни» – одно и то же.

Недавно я встретила в городе весьма подозрительного молодого человека, который представляется доктором зоологии Максом Морено. Он сообщил мне, что некоторые индейцы считают телесным воплощением этого бога некое доисторическое животное, отдельные экземпляры которого до сих пор иногда встречаются в сельве. Доктор Морено уверял, что лично видел одного из них. Насколько я поняла, это нечто вроде гигантского ленивца. Не знаю, будет ли вам полезна эта информация.

Крепко обнимаю,
С революционным приветом, Таня.

P.S. Каким-то образом этот Морено признал, что я связана с вами. Он утверждает, что знаком с вами по Конго, и настаивал на том, чтобы я организовала встречу. К тому же сюда приехал журналист, который видел меня в лагере. Боюсь, что мне придется скрыться из города».

Вот как, значит... Теперь я начинаю понимать, почему при упоминании о монашках отец Хайме разражается руганью. Таня, которая носит имя той самой поддельной докторши этнографии,— больше похожа на преданную хранительницу, чем на строгого тюремщика...

В остальных сундуках оказались вполне современные книги. Тома, посвященные истории Южной Америки; несколько неплохих книг по этнографии. Два альбома журнальных вырезок — они в основном касались действий отряда Че в районе Камири; было и несколько полных биографий команданте, «Боливийский дневник», изданный в Гаване, и пара каких-то полуподпольных брошюр, отпечатанных на газетной бумаге.

Из-за подбора материалов создавалось впечатление, что коначной целью Че Гевары было добраться до монастыря. Я поделился этим наблюдением с Таней — мне хотелось развеселить девушку, но та даже не улыбнулась.

— Может быть, — кивнула Таня.

— Зачем? — спросил я. — Проповедовать коммунизм кайманам? Что здесь искать, в этой трясине?!

— Счастье и свободу трудовому народу, — ответила Таня.

Я взгляделся в ее лицо, ища хотя бы след улыбки, но монахиня оставалась серьезной. Пожав плечами, я продолжил разбирать книги. Обнаружил большой палеонтологический справочник и десяток безжалостно выдраных из каких-то научных журналов статей, пестрящих латынью и зарисовками скелетов. По-моему, составитель библиотеки был по-просту сумасшедшим. В конце концов, стараниями Тани весь

разбор свелся к тому, что мы аккуратно расставили книги по полкам – составление картотеки я решил отложить на завтра.

Следующей ночью

Я не понимаю, что случилось. Я разбит, опустошен, потерян.

Весь день ушел на составление картотеки статей по палеонтологии. Глупейшее занятие, но Таня зорко следила, чтоб мне в руки не попало что-нибудь по-настоящему интересное. Я был раздражен, но к вечеру Таня вдруг стала очень милой, почти кокетливой, и моя злость поутихла.

– Хочу показать тебе кое-что, – сказала она после ужина.

Мы вышли за монастырские ворота и побрали по тропинке, огибающей здание. Склон холма становился все круче и постепенно превратился в обрыв – стену здания и заросший лианами и мхом откос холма разделял лишь узкий уступ. Под ним блестела поверхность заболоченного озерца. Стояла тишина, сотканная из гула насекомых и вздохов трясины. Курчавая поверхность джунглей едва угадывалась в тумане испарений. Таня повела рукой:

– Двести, триста километров... Только сельва и болото. Никаких поселков. Никаких людей. Ничего человеческого.

Кажется, Таня была настроена поговорить. Чтобы подтолкнуть ее, я деланно шутливым тоном заметил:

– Здесь вполне мог бы выжить какой-нибудь допотопный зверь.

– Да, но он давным-давно обпился кровью и заснул, – небрежно ответила Таня и резко повернулась ко мне: – Говорят, ты убил маленькую девочку.

Я отшатнулся, как от удара в пах. Таня улыбалась, но глаза смотрели внимательно и зло.

– Значит, правда... Ничего, ничего, не думай сейчас...

Вдруг она оказалась очень близко. Ее кожа пахла горькой травой. Казалось, Таня пропитана болотным туманом, завораживающим и ядовитым, но ее рот был мягким и прохладным. Она обхватила мою голову; пальцы нежно пробежались по затылку, по спине. Боже, ну зачем ей джинсы под рясой, успел подумать я – горячая, гладкая, влажная кожа, и волосы пахнут свободным и сильным животным, и вот уже Таня была в моих руках, выкрикивая что-то, повернув голову к болоту, и я отвечал ей, как мог...

Когда я пришел в себя, Таня стояла, прислонившись к стене и опустив глаза. Я подошел и попытался обнять ее, но она резко отстранилась. Медленно встряхнула джинсы и повесила их на плечо. Ее лицо, злое и разочарованное, стало совсем некрасивым, и я почувствовал раздражение и стыд.

– Ты кричала...

Таня поморщилась

– Я говорила ему: «Смотри – твоя невеста отдается убийце, а ты все спиши!»,

Она плонула в воду, отвернулась и сердито пожала плечами. За ее спиной медленно колыхалась трясина.

Камири, ноябрь, 2010 год

Обратной дороги в Ятаки я не запомнил. Я даже не мог точно сказать, уехал ли оттуда по собственной воле или был изгнан. Работа, для которой меня позвали, так и не была закончена: библиотека осталась хаотичным складом бумаги, в которой кроется бог знает что. Впрочем, теперь я думаю, что библиотека была лишь предлогом, чтобы заманить меня в монастырь. Я уверен, что стал участником какого-то жуткого ритуала, винтиком в чьих-то недобрых планах. Это пугает меня, но то, что удар нанесла именно Таня, которой я готов был довериться, приводит в ужас.

В Ятаки я взял чью-то лодку и уплыл в Камири, чтобы сесть в ближайший автобус, идущий прочь из сельвы. Меня преследует чувство неясной угрозы, и кажется, что чем дальше я окажусь от этих мест, тем меньше будет опасность. Однако дорогу на Санта-Круз размыло. Ожидая, пока ее отремонтируют, я прибрелся к компании отдыхающих между вахтами рабочих с буровой и два дня хлестал с ними неразбавленный виски.

Этих людей интересуют только деньги, секс и нефть. Они просты и понятны. Я с удовольствием слушал их разговоры, а когда пить стало невмоготу – заперся в номере с круглосуточно включенным телевизором. То, что льется на меня с экрана, почти не отличается от разговоров в баре: все те же секс, деньги и нефть, чуть приправленные истеричным наркотическим возбуждением и бряцаньем оружия. Странным образом это успокаивает меня. Бормотание телевизора создает бетонный фундамент, на котором стоит знакомая мне реальность.

Похмелье обернулось лихорадкой, видимо, несмотря на все прививки и таблетки, я все же подхватил на болотах какую-то дрянь. Жар сменяется ознобом, и в бреду я то пытаюсь остановить машину на ледяной дороге, то сжимаю в объятиях горячее, ускользающее тело Тани. В минуты просветления меня охватывает тошнотворная слабость, и комната будто наполняется болотным туманом. В эти моменты мне становится понятно, что я – всего лишь игрушка в чьих-то беспечных руках, инструмент судьбы, не справившийся со своей ролью. Мне мучительно хочется найти веселых вахтовиков и предупредить, что кто-то пытается натравить древнего бога на все, что они так любят – в конце концов, они развлекали меня два дня, и я должен был их отблагодарить. Но в следующую секунду я понимаю, что снова брежу, и в горячке мне то кажется,

что я погружаюсь в теплую густую воду Парапети, то что замерзаю, изломанный страшным ударом, на темной заснеженной обочине.

У меня нет сил дойти до врача или хотя бы выбраться из номера, но я надеюсь, что скоро кто-нибудь заглянет в комнату, и мои мучения наконец-то закончатся. Надеясь удержать ускользающее сознание, пытаюсь записать все, что на самом деле произошло со мной в последние дни, но руки не слушаются, и слова превращаются в уродливые караокули.

Туман становится все гуще, он пахнет гнилью и огромным животным. Кажется, кто-то открыл дверь.

ГЛАВА 14

ДНЕВНИК УЧИТЕЛЯ

Камири, октябрь, 2010 год

Солнце беспощадно лилось на пыльную окраину. Окна в заледенении синьоры Катарины на время сиесты плотно занавесили алым плюшем. Дом был погружен в душный сон, и только бурая свинья, ловкая и жилистая, рылась в мусорном баке на заднем дворе, позывая бутылками из-под шампанского. Под старым гранатовым деревом, увешанным бледными, kostистыми, несъедобными плодами, над падалицей кружилось белесое облачко мотыльков. На веревке, протянутой между гранатом и фонарным столбом, висело кружевное белье. Два банановых куста с посеревшими листьями загораживали ветхую стену курятника.

Вдоль ограды брел старый Тулькан. Несмотря на жару, он был замотан в полосатое пончо; на тощих ногах болтались новые сапоги, голенища старых торчали из узла за спиной. Тулькан хмурился. Иногда, приостановившись, он начинал считать, загибая пальцы. Качал головой, сдвигал на затылок фетровый котелок и снова собирая темное морщинистое лицо в тревожно-озабоченную гримасу.

Тулькану мучили сомнения. Он не знал, правильно ли поступил, и боялся спросить. Боялся, что откроется давнее преступление. Боялся, что о его колебаниях узнают поклонники сумасшедшего кубинца – их много в поселке, слишком много. Одни скажут – не выдал, но хотел! Другие – мог выдать, но промолчал! Да будь проклят тот день, когда он увидел эти следы на заброшенной тропе, в обход ведущей на Ньянкау-

ас. Обрубленные лианы, ребристые отпечатки тяжелых ботинок во влажной глине, отблеск гильзы в зеленом сумраке. Тулькан сразу понял, кто их оставил. Но никому ничего не сказал. А ведь на те деньги, что предлагали в награду за сведения об отряде, пару мулов можно было купить! А могло и вовсе повезти, как этому заморышу Онорато – грамота на ранчо! Целое ранчо, подумать только, а жена сорок лет поедом ест его из-за пары мулов. Правда, Онорато на том же ранчо и застрелили, но Тулькан умный, он не стал бы хвастаться...

Может, все-таки исповедаться, думал Тулькан. Пусть святой отец отпустит грехи и даст успокоение. Дело, конечно, давнее, команданте много лет как убит, его портрет малюют под трафарет на стенах и футболках, но мало ли. Был ли он прав? Нет ответа.

Из динамиков на церковной колокольне донесся перезвон. Тулькан суетливо поправил узел, не опоздать бы на автобус, но сделав несколько быстрых шагов, опять принялся бормотать и останавливаться.

Сомнения терзали Тулькана полвека, и конца им не было видно.

Через полчаса блужданий по стиснутым заборами закоулкам Сергей, взмыленный и злой, признал, что боливийский вариант испанского оказался ему не по зубам. Объяснения мальчишки на автобусной станции он понял через пеньколоду, понадеялся на удачу – и в результате вместо отеля оказался в какой-то дыре.

Сергей привалился к дереву у перекрестка, вытер лоб и допил остатки почти горячей воды. Направление Сергей потерял на полдороги. Последние минут десять он сворачивал наугад в надежде выйти хотя бы на какую-нибудь большую улицу, и теперь даже примерно не представлял, куда идти. Он

попытался оглядеться, но кругом тянулись высокие беленые ограды, поверх которых поблескивало битое стекло. Их однобразие нарушали лишь кованые ворота да свешивающиеся из-за стен побеги бугенвиллеи. Ни прохожего, ни таблички с указателем, и даже полуденное солнце висит почти строго над головой, не позволяя сориентироваться хотя бы по сторонам света.

Сергей начинал уставать от прелестей путешествия по Боливии. Долгий, с пересадкой в Майами перелет до Ла-Паса пока был самым приятным моментом. Рейс в Санта-Круз тоже был неплох. Смутили разве что игрушечные размеры самолета и открытая пилотская кабина – как-то нервно было видеть, как оба летчика мирно дремлют, полностью положившись на автопилот. А вот путь в Камири оказался кошмарным – автобус шел в два раза дольше обещанного, то и дело останавливался у промоин и поджидала, пока равнодушные дорожные рабочие закидают их щебнем. Сергей вывалился из автобуса, не чуя ног и мечтая о кровати, и вот, пожалуйста – глупейшим образом заблудился в небольшом городке.

Дерево, под которым остановился Сергей, с толстым шершавым стволом и развесистой кроной, росло чуть под углом, и это навело его на мысль. Он давно уже чувствовал себя идиотом, и еще одна глупость, добавленная к череде уже совершенных, ничего не меняла. Сергей попробовал ближайшую толстую ветку. Сук оказался прочным – ветви в кроне едва шевельнулись. Художник скинул рюкзак, вытер о штаны потные ладони и пополз по стволу.

Тулькан проходил мимо ворот, когда размышления прервал громкий треск и истощные вопли кур. Из проломленной крыши курятника вылетело облако трухи, перьев и бамбуковых щепок, и Тулькан невольно присел, ухватив-

вшись за котелок. Куры немного успокоились, и теперь было слышно, как кто-то тяжело ворочается среди обломков. Тулькан, все еще придерживая на всякий случай шляпу, прислушался. Пара тихих невнятных возгласов почти убедила его в том, что опасности нет, и старик рискнул заглянуть сквозь решетку.

Пыль уже осела, открыв сидящего среди обломков человека. У незнакомца было широкое лицо, не тронутое загаром, густая щетина и светлые глаза чужака. Плохо дело, подумал Тулькан, гринго уже валятся с неба, да здоровый какой – выше любого мужчины из Камири на голову, и в два раза шире.

Гринго отряхнулся, пинком отшвырнул обломок доски и огляделся. При виде свиньи синьоры Катарины, жующей круженную подвязку, его брови полезли наверх.

– Добрый день, – окликнул его Тулькан.

Гринго обернулся. При виде старика на его лице промелькнуло смятение. Нахмутившись, он произнес длинную непонятную фразу и вопросительно уставился на Тульканна. Ему показалось, что гринго давит на него своим низким голосом, как тяжелой рукой. Старик покачал головой и отступил к мостовой. Гринго вновь осмотрелся и пожал плечами.

– Доброе утро. Где здесь ближайший отель? – заговорил он по-испански.

– Вверх по улице и налево, – вежливо ответил Тулькан. – Хотя переночевать можно и здесь. Синьора Катарина всегда рада гостям.

Гринго с сомнением оглядел развешанное на веревке круженное великолепие.

– Не сейчас, пожалуй, – сказал он и пошел к воротам.

Надо будет все-таки исповедаться, решил Тулькан.

Может, для кого-то нефтью пахнет вечность, подумал Сергей, но для этих людей – это запах сиюминутной, ужасающей материальной реальности. До вечера было еще далеко, но в баре при отеле уже пили, основательно и вдумчиво. Рабочие с окрестных буровых старались провести время между вахтами как можно насыщеннее. Музыкальный автомат надрывался, изливая какую-то попсу – Сергей насчитал три упоминания о разбитом сердце и бросил.

Ему пришлось почти кричать, чтобы объяснить загнанному бармену, выполняющему заодно роль портье, что сейчас ему нужна комната, а не стакан пива. Медленно зверея, он наблюдал, как бармен ищет ключ от номера, а потом препирается с вызванной на подмогу крикливой поварихой. В конце концов, ржавый ключ извлекли из груды запасных, сваленных в ящик под столом, прицепили к нему огромную блямбу с номером пять и торжественно вручили Сергею. Мечтая о душе, он поднялся на второй этаж и сунул ключ в замочную скважину.

Полминуты спустя Сергей, так и не переступив порога, медленно притворил дверь и привалился к стене. Он закрыл глаза и с наслаждением представил, как сдирает с Юльки штаны и хлещет ремнем по заднице – раз, и второй, и третий, изо всех сил, не жалея. Он так и не понял, как именно девчонка наводила галлюцинации, но эта шутка давно перестала быть смешной. Особенно в таком варианте...

Послышались шаги, и Сергей торопливо выпрямился. Он вежливо кивнул горничной, надеясь, что та пройдет мимо, но она, увидев гринго, стоящего с рюкзаком под дверью, поспешила на помощь. Стремительно тараторя и улыбаясь во весь рот, она вытащила ключ из руки покорившегося судьбе художника и распахнула дверь номера.

Дикий визг перекрыл завывания музыкального автомата. Значит, не глюк, неуместно обрадовался Сергей и заглянул

через голову все еще орущей девицы в комнату. Несмотря на включенный кондиционер, в комнате уже витал запашок разложения. Человек, лежащий на кровати, был несомненно мертв, – чтобы понять это, достаточно было увидеть пропитанные кровью простыни. Но тренированный глаз Сергея против воли отмечал подробности. Грудная клетка мертвеца разворочена, будто взрывом, в запекшийся уже крови поблескивают какие-то синеватые сухожилия и пленки, торчат обрывки футбольки, вмятые в раны, на руках – широкие царапины, окруженные синяками, и лицо... На лице – понимание и покорность, будто перед смертью несчастный хотел за что-то извиниться.

Сергея затошило. Отвернувшись, он шагнул назад и тут же попал в руки набежавших снизу людей. Он не успел сказать ни слова, как его схватили и, выкручивая локти, поволокли вниз.

Инспектор полиции с разочарованной миной положил трубку и взглянул на Сергея.

– Итак, – сказал он, – водитель автобуса и кондуктор подтверждают, что вы приехали в Камири в три часа дня. Однако в отель вы явились без десяти минут четыре. Где вы находились все это время?

Сергей устало закатил глаза. Из отеля его приволокли в полицейский участок и заперли на несколько часов в вонючей комнатенке, в которой совершенно нечем было дышать. Крошечное зарешеченное окно под потолком выходило на глухой двор, заваленный мусором, в углу которого рос банан со свернувшимися от жары листьями. В этой камере Сергей провел часа три – сначала пытаясь доораться до полицейских и долбя кулаками в дверь, а потом – сидя на полу и тупо глядя в стену, пока его не вызвали на допрос. Сергей сумел взять себя в руки и в кабинет инспектора вошел с вежливой

улыбкой, надеясь, что недоразумение тут же разрешится, и его с извинениями отпустят. Даже его скромных знаний криминалистики, выуженных из детективов, хватало, чтобы понять: обвинить в убийстве его никак не могут. Однако никаких извинений он не получил. Разговор шел по кругу уже второй час, и конца ему не было видно. Хорошо хоть в автобусе его запомнили...

– Говорю же вам, я заблудился! – в сотый раз сказал Сергей.

– Понимаю, – с тонкой улыбкой кивнул полицейский. – Заблудились. В нашем городке, вытянутом вдоль реки, конечно, очень легко заблудиться.

Сергей пожал плечами.

– Скажите правду, и мы вас отпустим, – задушевно предложил инспектор.

– Я. Просто. Заблудился, – раздельно проговорил Сергей и вдруг спохватился: – Да какая в конце концов разница, где я был?! Вы же теперь знаете, что в Камири я приехал только днем, а убийство случилось намного раньше! Вы определили время смерти?

– Это служебная информация, синьор, – с ледяной вежливостью ответил инспектор.

– Ладно, пусть служебная. Но кровь успела засохнуть! В номере пахло! Его убили за много часов до моего приезда, и вы идиот, если этого не понимаете!

– Оскорблению сотрудника полиции при исполнении им обязанностей...

– Ладно, ладно, – замахал руками Сергей, – за идиота прошу прощения. Но вы же понимаете, что я не убийца! Не можете не понимать!

Инспектор по-прежнему улыбался с вежливой иронией, и Сергей обмяк. Все происходящее походило на театр абсурда; полицейские были абсолютно глухи к любым логическим по-

строениям. Создавалось впечатление, что они не просто не могут, а не хотят понять его объяснения, как будто им очень нужно зачем-то, чтобы именно он оказался виновен, независимо от того, может ли такое быть на самом деле. Сергей даже начал подозревать: инспектор догадывается, что в действительности случилось в гостиничном номере, но почему-то не хочет этого признавать.

Хлопнула дверь, и в кондиционированную прохладу участка ворвался поток горячего воздуха. Послышались голоса; Сергей покосился в приоткрытую дверь кабинета и вскочил.

– Вот этот старикан меня видел! – заорал он, стряхивая с себя повисшего на руке полицейского. – Спросите его, он мне дорогу подсказывал!

Полицейский, ведущий Тульканы под руку, приостановился. Инспектор приподнял брови и подозвал его. Оставив старого индейца сидеть в коридоре, полицейский вошел в кабинет.

– За что задержали? – спросил инспектор.

– Бродил по автовокзалу. Вел себя подозрительно, шумел, приставал к пассажирам.

– Чего хотел?

Полицейский замялся.

– Это же старый Тулькан, инспектор. Он малость того, его все знают. Просто сегодня совсем шумный стал, вот я его и привел проспаться. Он, знаете, говорит, что настал конец света, гринго уже валятся с неба и скоро всех боливийцев погонят с земли. Ничего, он отдохнет немножко, и все будет в порядке.

– Это я, – проговорил Сергей с нервным смешком. Инспектор с неудовольствием взглянул на него, и Сергей с силой ткнул себя пальцем в грудь. – Это я свалился с неба! Вернее, с дерева. Прямо под ноги старичку. Я не знал, что бедняга так испугается.

– Зачем вы залезли на дерево? – с напором спросил оживившийся инспектор. «Вот ты, голубчик, и начал колоться», – читалось на его лице. Сергей зарычал.

Инспектор какое-то время ждал ответа, а потом неожиданно протянул Сергею бутылку воды.

– Хотите пить?

Тот кивнул, пробормотал «грасиас» и открутил крышку. Инспектор посмотрел, как он пьет, и вдруг спросил:

– Вы каякер?

Сергей поперхнулся и вылупил глаза. Инспектор сиял. Он явно только что выложил козырь, но Сергей совершенно не мог понять, в чем именно он заключается.

– Извините, кто? – пробормотал он.

– Каякер, – повторил инспектор и изобразил руками гребущие движения. – Знаете, такие маленькие лодки...

– Нет, я не каякер, – озадаченно ответил Сергей. Инспектор торжествующе кивнул.

– Я знал, – сказал он. – Это видно по содержимому вашего рюкзака.

Представив свой рюкзак, тщательно выпотрошенный полицейскими, Сергей поморщился.

– Но если вы не каякер, – продолжал инспектор, – то зачем вы приехали в Камири? У нас здесь не бывает диких туристов, здесь нечего смотреть. Только организованные группы психов, которые приезжают к шаманам, и эти сумасшедшие с лодками. Их отвозят вверх по Парапети, а потом они сплавляются. Часто тонут. Но им, наверное, нравится.

– Я приехал рисовать, – ответил Сергей и, не удержавшись, добавил: – Это видно по содержимому моего рюкзака.

– Да, я видел краски, – равнодушно кивнул полицейский. – Отличный повод.

Сергей схватился за голову. Он уже не понимал, чего хочет от него инспектор и в чем подозревает. Прекрасно съездил по-рисовать, ничего не скажешь...

...«Съезжу в Боливию», – брякнул он Матвею первое, что пришло в голову, положил трубку и задумался. В Москве ходало, бабье лето тихо умирало, рассыпаясь по асфальту сухими листьями, и вот-вот должны были зарядить дожди. Выставка закончилась, и вполне удачно, правда, Сергей злился на себя за то, что все-таки продал «Каракас-Майами», как-то позволил себе уговорить, а ведь он даже не помнил разговора с этим Алексом. Но денег теперь хватит на любое путешествие, а картину, которую захочется оставить себе, он еще напишет.

Сергей снова выглянулся в окно: индеец все еще сидел у подъезда, и это напомнило о видениях, которые наводила на него Юлька. А ведь эти сумасшедшие музыканты должны были следить за ней, сообразил он, и наверняка они скоро это поймут. У него нет ничего, что могло бы быть интересно боливийцам, зато Юлька умеет наводить галлюцинации и носит на шее кулон, который никому не хочет показывать и который ей прислали как раз из Боливии. Что ж, если он уедет, это собьет индейцев с толку, и может, они не переключатся на глупую девчонку, какой бы она ни была дурой, а будет жаль, если на нее нападут. Но тот монастырь, который ему так и не удалось увидеть... Интересно, существует ли он на самом деле?

Художник в возбуждении спрыгнул с подоконника и широко зашагал по квартире. Монастырь! Вот что надо нарисовать – Че Гевару, входящего в монастырь... Или выходящего из него вместе с огромным древним зверобогом. Но для этого надо увидеть то странное место... В этот момент Сергей почти злился на Юльку за то, что она не потянула с объяснением еще хотя бы день.

Сергей торопливо включил компьютер и зарылся в карты. Через некоторое время он уже примерно представлял себе маршрут: от Санта-Круса на автобусе до Камири, там нанять

лодку до устья Парапети, остановиться в какой-нибудь индейской деревне неподалеку от границы с Парагваем и рисовать. И расспрашивать аборигенов о странном монастыре посреди болот. Рано или поздно он найдет проводника...

Фальшиво гудя под нос, полный надежд на пока еще с трудом представимое, но, несомненно, восхитительное приключение, Сергей бросился заказывать билеты...

...И теперь, сидя в участке, он мрачно думал, что приключений он себе, конечно, нашел, полную задницу приключений, только совсем не тех, на которые рассчитывал, и вовсе не таких увлекательных. Таких и дома найти не проблема. Он вдруг вспомнил, как упившись с приятелями из МГУ, пел посреди улицы «Варшавянку» на мотив блюза, а потом пытался залезть на памятник Индире Ганди, и как убеждал подъехавших ментов, что это – алтарь богине Кали. И как на утро, маясь диким похмельем, с тягостным недоумением понял, что никто не спешит выпускать их теплую компанию из обезьянника. Правда, тогда речь шла о мелком хулиганстве, а не о зверском убийстве совершенно незнакомого человека.

– И что вы собирались рисовать? – голосом, сощащимся ядом, спросил инспектор. – Что могло привлечь художника в наших не слишком живописных местах?

– Индейцев, – безнадежно ответил Сергей. Про монастырь рассказывать он не собирался: могли всплыть галлюцинации, а давать повод для подозрений еще и в употреблении наркотиков совершенно не хотелось. Однако инспектор, видимо, уже сам додумался до этой многообещающей версии.

– Значит, вы приехали рисовать индейцев... Или попросту запастились дешевым кокаином? Рыскали по окраине города в поисках торговцев, а когда не вышло, попытались договориться с синьором учителем и не сошлись в цене!

– Да твою ж мать, – с чувством произнес Сергей по-русски и снова перешел на испанский: – Вы идиот, инспектор. И я больше не буду говорить без моего адвоката.

Он сложил руки на груди и уставился в окно, косясь на инспектора. Сергей понятия не имел, где в таких случаях берут адвоката и что на этот счет написано в боливийских законах. Но это безумное хождение по кругу уже надоело ему до крайности. Судя по растерянной физиономии полицейского, какой-то смысл в таком заявлении все-таки был.

Однако ни познакомиться с адвокатом, ни получить отказ Сергей не успел. Инспектор раздраженно махнул рукой, и художника повели обратно в камеру. Выходя из кабинета, он столкнулся с огромным рыжим гринго с багровой физиономией и маленькими глазками, утонувшими под мохнатыми бесцветными бровями. При виде Сергея на его лице отразилось сильнейшее удивление. Несколько секунд Сергей, полицейский и рыжий неловко толклись в дверях, пытаясь разойтись. Наконец Сергея выпихнули в коридор. Пока полицейский, крепко удерживая его под локоть и грозно хмурясь, возился с засовами, Сергей успел услышать грозный возглас гринго и виноватое бормотание инспектора. Потом дверь захлопнулась, и Сергей снова очутился в камере с видом на помойку.

– Сирил Ли, – сказал рыжий, крепко встряхивая руку Сергея. – Просто Сирил. Простите этого недоумка, у него просто давно не было серьезных дел, вот и разошелся.

Сергей затянул ремни рюкзака. Как ни странно, все его вещи оказались на месте и даже не были слишком разворочены.

– Вы тоже из полиции? – спросил он. Сирил басисто расхохотался:

– Что вы! Просто от меня зависит, будет ли у них доступ ко всяким сайтам... Ну, вы понимаете, – подмигнул он. – Я здесь единственный источник Интернета на всю деревню. Стоит инспектору со мной поссориться – и он обнаружит, что может только пользоваться почтой да заглядывать на официальную страницу министерства внутренних дел за свежими распоряжениями, – и рыжий снова старательно заржал.

Сергей бледно улыбнулся в ответ. За спиной маячил полицейский, которому было приказано проводить русского художника до отеля и проследить, чтобы он нигде больше не заблудился и ничего не поломал. Раздосадованный тем, что кандидат в убийцы ускользнул из-под самого носа, инспектор под конец все-таки нашел, к чему придраться, и содрал с Сергея штраф за порчу городского имущества (сломавшуюся под его весом ветку дерева) и компенсацию в пользу синьоры Катарины, чтоб ей было на что восстановить разрушенный курятник. Компенсацию инспектор обещал занести лично нынче же вечером.

Сирил шел рядом, размахивая руками и ни на секунду не умолкая:

– Не думайте, что здесь бросаются на иностранцев, народ здесь дружелюбный. Просто засиделись ребята, пьяные драки да мелкое воровство – вот и все дела. Рисовать приехали? Индейцев? Отличная идея! Ни в коем случае не уезжайте, лучше, чем здесь, вы места не найдете. Поезжайте завтра в Ятаки – это совсем глухомань, колорита по горло, местные всего лет десять как перестали стрелять по чужакам. Но перестали же! Они сейчас мирные ребята, не волнуйтесь!

– Как туда добраться? – спросил Сергей просто для того, чтобы прервать поток слов. Сейчас ему не хотелось ехать ни в какую глухомань. Хотелось вымыться, выспаться и ближайшим автобусом уехать в Санта-Круз, подальше от скучающей полиции.

– Надо плыть вниз по Парапети. Если надумаете ехать, заjdите ко мне, я помогу договориться насчет лодки, – ответил Сирил, приостанавливаясь на перекрестке. – Мой клуб вон там, – он ткнул рукой вниз по улице, – от вашей гостиницы пять минут ходьбы. Ну и просто так заходите, если будут какие-нибудь вопросы. У меня отличный кофе, да и выход в сеть вам наверняка понадобится...

Сергей кивнул и, махнув на прощанье рукой, в задумчивости побрел следом за полицейским. После всех неприятностей жизнь наконец-то начала налаживаться. Монастырь сам шел в руки, наверняка в этом Ятаки что-то знают о нем. Первым порывом Сергея было расспросить Сирила: скорее всего этот ушлый человек знает об окрестностях все. Но в последний момент Сергей прикусил язык. Здравый смысл подсказывал, что стоит воспользоваться предложенной помощью. Была только одна проблема: неожиданный спаситель не нравился Сергею. Это было совершенно иррациональное чувство – не было никаких причин относиться к общительному американцу с предубеждением, но Сергей ничего не мог с собой поделать.

А ведь он боится, сообразил вдруг Сергей. Американец болтал без остановки, басисто хохотал и с размаху хлопал его по плечу, но не мог скрыть нервозность и наигранность. Под всем этим шумом и суетой крылся страх. А еще теперь, когда Сергей задумался, ему очень не понравилось удивление Сирила, когда они впервые столкнулись в дверях: как будто американец узнал его, но никак не ожидал увидеть в участке. И дурак-инспектор, выдвигающий версии одна нелепее другой, тоже боялся. Ему очень хотелось, чтобы убийцей оказался заезжий турист; так хотелось, что здравый смысл и логика уже не имели никакого значения.

Попрощавшись с полицейским, художник остановился у входа в отель, прислушиваясь к шуму голосов и грохоту музыки, несущихся изнутри. Докуривая вторую подряд сигарету,

он впервые задумался о том, кто и, главное, зачем так страшно обошелся с безобидным школьным учителем. Почему-то он был уверен, что и Сирил, и инспектор догадываются, что произошло в гостиничном номере, и именно поэтому так напуганы.

Сергей почти не удивился, обнаружив на брелке ключа все ту же цифру пять. Портье явно не собирался вникать в переживания какого-то заезжего гринга. Первой попавшейся свободной комнатой оказалась именно эта, вот пусть в нее и селится. В прошлый раз вышла путаница, синьору дали ключи от занятого номера, но сейчас в порядке. Синьор нашел там труп? Так тело давно уже убрали, пусть синьор не беспокоится!

Наконец Сергей сообразил, что препираться бесполезно. Можно было, конечно, поискать другую гостиницу, но сил блуждать по Камири уже не было. К тому же полицейский с таким многозначительным видом проводил его до отеля, что сразу как-то стало понятно: в ближайшее время на глаза представителям власти лучше не попадаться, отпустить-то его отпустили, но подозревать во всех грехах не перестали.

Шуганув с двери в ванную трех гекконов, Сергей кое-как вымылся под тоненькой струйкой еле теплой воды и переоделся. Надо было еще хорошенько подумать, что делать завтра. После сегодняшней нервотрепки Сергей никак не мог решить: стоит ли вернуться в Санта-Круз и превратиться в прилежного туриста или все-таки попытаться добраться до Ятаки. Спать хотелось дико, в конце концов, он решил обдумать свои планы завтра. «Маньяна», – ядовито пробормотал он и криво усмехнулся: всего третий день в Боливии, а латиноамериканский пофигизм уже проник в мозг.

С минуту Сергей с сомнением разглядывал кровать и размышлял о том, как сильно отличается отношение к смерти бо-

ливийцев от того, что казалось естественным и нормальным дома. Сергей никогда не считал себя трусом, но прекрасно понимал, что не сможет спокойно спать на том же самом месте, где видел кошмарный труп несчастного немца. Интересно, они хотя бы матрас поменяли или просто слегка почистили? Сергей хотел было заглянуть под простыню и проверить, но потом решил не узнавать лишнего.

В конце концов, он вытащил из рюкзака спальник, распаковал пенку и постелил себе в самом дальнем от кровати углу. Через полчаса оказалось, что это не помогает: Сергей ворочался и вертелся в спальнике, наматывая на себя синтепон и ударяясь локтями о пол, но заснуть не мог. Еще через пятнадцать минут он, раздраженно стеная, включил свет, достал книжку и снова завалился на свою жесткую постель.

Он попытался читать, лежа спиной к кровати, но вскоре понял, что постоянно сводит лопатки, прислушиваясь в ожидании подозрительных шорохов. Затылок уже ныл от напряжения. Вздохнув, он перевернулся на другой бок, опустил книгу и уставился под кровать, чтобы точно знать, что под ней никто не прячется... Да нет, просто чтобы убедиться в том, что голосистая горничная потрудилась вытереть там кровь.

Под кроватью никто не прятался. Там лежал слой жесткой белой пыли и в ней чей-то скомканный носок и потрепанная толстая тетрадь. Сергей подобрался к кровати, не сознавая, что идет на цыпочках, не дыша опустился на колени и вытащил тетрадь, держа опасливо, как неядовитую, но все-таки сомнительную змею. Страницы были исписаны крупным раздельным почерком, и Сергей разочарованно вздохнул, узнав испанский. На всякий случай он все-таки открыл первую страницу.

«Нюрнберг, июнь, 2010 год

Я буду вести этот дневник на испанском, чтобы попрактиковаться. Боюсь, преподавание школьникам сделало мой словарный запас несколько ограниченным, хотя в университете мои оценки были одними из лучших на курсе. С другой стороны, мне предстоит учить грамоте «лесных индейцев» Некоторые из них вообще не говорят по-испански. (Боже, я опять забыл, как называется это племя. Впрочем, не уверен, что хоть кто-нибудь это знает.)

Итак, я еду в Боливию».

Сергей медленно опустил тетрадь, закурил и принялся читать дальше.

«Коллега, между делом участвующий в самых странных благотворительных проектах, предложил мне эту работу. «Считай это искуплением, Вик, – похлопал он меня по плечу, – жизнь там тяжелая, и самоедством заниматься будет никогда». Он улыбался, но его глаза казались двумя кусками льда. «Я устал изображать сочувствие мудаку, который спит за рулем и сбивает маленьких девочек, и даю тебе шанс убраться» – как-то так.

Не то чтобы идея нести индейцам свет цивилизации кажется мне стоящей. Я всегда считал, что милосерднее всего было бы оставить их в покое. Но я ищу повод уехать как можно дальше от оскалившегося на меня города, косых взглядов, и, главное, гладких шоссе и смертельно быстрых машин.

Формально от добровольцев требуется лишь умение читать и писать. К тому же я физически здоров, холост и ни к кому не привязан. Анна рассталась со мной через неделю после того, как туман, гололед и темнота сложились в мозаику, ставшую фатальной для моей ученицы, а может быть, и для меня. В

общем, я подхожу идеально, и в представительстве меня приняли с распостертыми объятиями. Я выбрался оттуда несколько оглушенный, с карманами, набитыми программами, билетами, направлениями на прививки и серебристыми упаковками таблеток для профилактики малярии. Первую капсулу надо принять сегодня же.

Все еще Нюрнберг

Проклятые таблетки. Весь день маялся от тошноты и головокружения. Возможно, идея не так уж хороша, как казалась, но отступать уже некуда.

Зашел к соседу оставить ключи. Генрих Гердхарт не так уж стар, ему и шестидесяти нет, но он почти не встает – какая-то неизлечимая болезнь. Пишет путеводители, причем, говорят, отличные, очень подробные и надежные. Говорит, люди не представляют, как много может дать Интернет и чуть-чуть воображения. Глаза при этом хитрые, похоже, все не так просто. Узнав, куда я еду (наконец-то запомнил название этой деревни – Ятаки), старик вдруг совершенно неприлично разволновался и даже попытался меня отговорить: дескать, обстановка там напряженная, опасно. Совершенно детские аргументы, детективный бред про кокаиновых баронов, коммунистов и не в меру агрессивных индейцев.

Убедившись, что отговорить меня не получится, Генрих понес уж полную чепуху – что-то о роковом стечении обстоятельств, о кругах на воде... Я подумал, что если сосед заговорит сейчас про наказание, я его ударю. Меня трясло от раздражения. Я попрощался сквозь зубы и уже стоял на пороге, когда Генрих извинился и сказал нечто совсем несуразное: «Понимаете, когда-то меня звали Бенхамином, но тут я умер под Камири, и мне тяжело видеть, как вы... но это рок. Судьба». Я пробормотал «да, наверное», и вышел. Лучше бы отдал

ключи паре геев из дома напротив, они не кажутся такими надежными, но уж в любом случае приятнее, чем этот старый ворон.

«Умер под Камири». Не понимаю, что он имеет в виду. Я уверен, Генрих в жизни не уезжал дальше Франкфурта. Воображение у него все-таки нездоровое. Но путеводители Генриха пользуются спросом; жаль, что по Боливии у него ничего нет.

Настроение мерзостное. Какая-то липкая, давящая тревога, почти страх. Будущее кажется черной дырой, в которой клубятся отвратительные тени. И эти приступы гнева – подумать только, я готов был ударить беспомощного старика! К тому же тошнота никак не проходит. Это все лариам. Что за гнусное лекарство.

Санта-Круз – Камири – Ятаки, 17 июля...»

«...Кажется, кто-то открыл дверь», – прочел Сергей и поднял голову. В комнате было не продохнуть от дыма, бутылка из-под воды, в которую он бросал окурки, наполнилась на треть. Он выключил кондиционер и, с усилием выдрав из пазов заржавевшие шпингалеты, распахнул пыльное окно. Время близилось к шести утра; светало, и над живой изгородью, одуряющее пахнущей мятой, кружилось бледное облачко мотыльков. Оставив окно открытым, Сергей спустился вниз и попросил у сонного портье чашку кофе. На барной стойке, еще покрытой липкими пятнами, лежала свежая городская газета, Сергей машинально принялся просматривать первую попавшуюся статью. Слова чужого языка скользили мимо сознания. Он автоматически читал, не понимая ни строчки, и уже собирался перевернуть страницу, когда смысл прочитанного, наконец, дошел до него. Сергей замер, как от удара. Получив свой кофе, он схватил газету, уселся за столик в дальнем углу и заново перечитал статью.

– Убит в пьяной драке, значит, – пробормотал он.

Очень правдоподобно: скромный школьный учитель так подрался, что ему разворотило всю грудную клетку. А потом с выпущенными кишками прибрался в номере и лег на кровать. Не забыв фальсифицировать дневник... И инспектор, скотина, выражает сожаление, что такое все еще случается в нашем славном городке, и надеется, что остальные участники драки скоро будут найдены и примерно наказаны...

– Часто здесь дерутся? – спросил Сергей, вернувшись к стойке. Портъе апатично покачал головой. – А этот учитель, которого нашли в пятом номере? Буйный был? Пил много?

По лицу портъе скользнуло смятение. Он старательно закивал, отводя глаза.

– Очень много пил, очень. Как вернулся из Ятаки – так ни дня трезвым не был... Очень был буйный.

– А с кем подрался?

– Не знаю, не знаю. Не я дежурил, нет, при мне ничего такого не случалось.

– Врешь ты все, – сказал Сергей по-русски. Портъе вопросительно взглянул на него, и художник мрачно пожал плечами.

– Сделайте мне еще кофе, – попросил он.

ГЛАВА 15

РАСКРЫТИЕ КАРТЫ

Устье Парапети, ноябрь, 2010 год

Несомненно, это была тропа. Юлька в полном восторге пошла вдоль протоптанной в палой листве ложбинки шириной с полсантиметра, по которой суetливо бежали муравьи. Каждый тащил в черных страшных челюстях аккуратно отрезанный кусочек зеленого листа. Муравьиная тропинка тянулась между кустарником и берегом реки, все ближе прижимаясь к невысокому обрывчику. В конце концов, Юлька, не выдержав, стянула брюки и спрыгнула в воду. Место здесь было открытое, и по капюшону дождевика сразу забарабанил дождь. Юлька шла вдоль глинистой отмели по щиколотку в воде. Уступ берега с муравьиными тропами, какими-то упавшими с деревьев плодами с узорчатыми перегородками, крошечными бледными цветочками и прочими интересностями лежал перед ее глазами, как накрытый стол.

Юлька подобрала несколько сухих плодов, повертела в руке, прикидывая, где лучше всего провернуть дырку для называния, и сунула в карман. Поджимая пальцы на ногах и чувствуя, как между ними продавливается жидкая глина, она медленно побрела вдоль берега. Через несколько шагов Юлька уперлась в огромные, в человеческий рост, корни дерева, которые врезались в землю, будто вбитые ребром доски. Муравьиная тропа подходила к подножию дерева и тянулась дальше, вверх по корню и по стволу. Юлька застыла с приоткрытым ртом, пытаясь понять, сколько лет здесь должны были ходить муравьи, сколько миллиардов невесомых лапок

опуститься на кору, чтобы проптать в ней такую заметную вмятину.

Юлька скинула капюшон, присела между корнями и закурила. Подумав, она окончательно решила, что в Боливии ей нравится. Правда, погода на второй же день испортилась, льет как из ведра, но это чепуха. В лагере, из которого они должны были отправиться в поход по джунглям, и в дождь было интересно. Одна лишь ручная носуха, которая с невыносимо застенчивым видом воровала со стола еду, а потом, все еще чавкая и облизываясь, подходила, чтобы ее почесали, стояла поездки. И это туристический лагерь, место более-менее цивилизованное, с домиками на сваях и душем с цементным полом, спрятанным за кустами в углу. А что же будет в джунглях...

Юльке уже не терпелось выйти, но Алекс тянул, говорил, что к походу нужно подготовиться. Поначалу Юлька испугалась, что ее заставят делать что-то вроде утренней зарядки, но оказалось, все просто ждали, пока придет лодка с продуктами. А пока Юлька бродила по окрестностям, стараясь не уходить далеко, и болтала на своем кошмарном английском с другими туристами, двумя сурового вида дядьками откуда-то из Вашингтона. Алекс же целыми днями лежал в гамаке, переругиваясь по телефону с оставленными без присмотра сотрудниками и партнерами. Сначала Юлька возмутилась, но Алекс с печальной ухмылкой заговорил о «проклятии русского бизнесмена», и она отстала. Ей было интересно, подозрения по поводу броненосца утихли, и даже то, что Алекс орал в мобильник на испанском, ее не смущало, мало ли где у человека могут быть партнеры.

Бросив окурок в воду, Юлька потопталась у корней. Решив, что руслом их не обойти, она побрела по воде обратно. Она не сразу заметила, что идти стало сложнее, – вода поднялась. Нависающие над рекой ветви защищали от дождя, но он продол-

жал идти, и там, где Юльке было по щиколотку, теперь стало по колено; в мутно-желтой воде уже завивались бурунчики и плыли пятна пены.

Юлька схватилась за какой-то корень и попыталась подтянуться, но ноги скользили по глинистому уступу. Вот это да, подумала Юлька, вот будет глупо так застрять... Испугаться она не успела – с берега донеслись голоса. Сквозь ветви виднелась небольшая беседка на окраине лагеря, и кто-то сидел в ней, прищурившись, Юлька различила трех человек. Они сердито разговаривали на английском. Юлька уже хотела позвать на помощь, но вдруг услышала свою фамилию. Еще пара фраз – и она в ужасе застыла, пригнувшись и держа пальцы крестиком, чтоб ее ни в коем случае не заметили.

– ...со дня на день заявится в Ятаки. К тому времени предмет должен быть у нас.

– Хорошо, отобрать нельзя, о'кей, – раздраженно заговорил один из «туристов». – Но ты же понимаешь, что «добровольно» – это понятие такое... Вот если ей предложить поменять предмет на свободу этого ее художника, а? Боливийские тюрьмы не комфортные, а срок за убийство – длинный...

– Мы не знаем, – так же сердито ответил Алекс. – Шантаж... Мы не знаем, сработает ли это, а Феликс запретил рисковать. Способов полно, но будет ли такое считаться добровольной передачей? Можно просто запереть девчонку здесь, пока не отдаст, или применить физическое воздействие, в конце концов, но...

– Здорово она тебя достала.

– Ей все равно подыхать, – пожал плечами Алекс. – Это уже решено: как только мы получим предмет...

Юлька выпучила глаза и сдавленно хрюкнула от возмущения. Хрен с маслом они получат, а не броненосца! И подыхать она не собирается... Юлька отпустила корень и шагнула назад. Течение ударило под колени, сбило с ног, и она заба-

рахталась, пытаясь уцепиться за скользкую глину, но потянутая рука подвела ее. Здесь все еще было мелко, едва ли выше колена, но напором воды Юльку поволокло к середине реки. Она снова попыталась встать, ее отташило еще дальше от берега, и тут Юлька, наконец, сообразила, что делать, и заорала.

Она сидела, завернувшись в одеяло, на кровати в домике со стенами из циновок, изо всех сил сжимала в руке кружку горячего чая и с бешенством смотрела на Алекса, который выговаривал ей, размашисто расхаживая по бамбуковому полу. Юлька слушала лекцию недолго; потом она отключилась, подбиравшая самые ядовитые, самые язвительные фразы, чтобы раздавить Алекса убийственной иронией.

– Ну почему ты такая неосторожная? – едва не плача спросил Алекс, остановившись посреди комнаты. Юлька вынырнула из задумчивости, почувствовав, что от нее ждут ответа. Она взглянула в заботливое, чуть взволнованное лицо и выпалила:

– Хрен вам, а не броненосца!

Алекс замолчал на полуслове, и Юлька, тихо пискнув, подбрала под себя ноги, как в детстве, когда видела на полу огромного и страшного таракана. С лица Алекса сползла маска. На Юльку с ледяным бешенством смотрел совершенно незнакомый человек. От добродушного поклонника, мелкого московского предпринимателя не осталось и следа. Этот Алекс действительно мог отобрать предмет и убить ее – и единственным, что могло защитить Юльку, было невнятное мистическое условие, в которое она сама толком не верила...

– А ты думал, я параноик, – укоризненно сказала она.

– Отдай броненосца, и завтра будешь сидеть в самолете в Москву, – спокойно предложил Алекс.

— Так я и поверила! «Ей все равно подыхать», — процитировала Юлька.

Орнитолог пожал плечами.

— Я бы не хотел, — сказал он. — Я даже постараюсь сделать так, чтобы тебя потом оставили в покое.

— С чего вдруг ты такой добренький?

— Да просто ты мне нравишься, хоть и дура. И кстати, если ты надеешься на чудесное спасение, то зря. Твой обожаемый художник будет работать с нами.

— Так я и поверила! — повторила, как попугай, Юлька и отвернулась, хмуро кусая губу. Страха она не чувствовала: очень трудно было воспринимать этудикую ситуацию всерьез, ей казалось, что все происходит понарошку, что она влипла в какую-то дурацкую ролевую игру.

На Сергея, конечно, рассчитывать не стоит, придется выбираться самой. Они приплыли сюда на большой моторной лодке. Лодку взяли в маленьком городке... Камири, вспомнила Юлька. Они приехали туда на арендованном джипе, сразу к пристани, и тут же пересели в лодку, даже не перекусили. Так что города Юлька не видела, но успела заметить по дороге автовокзал. На пыльной площади стояло несколько разноцветных автобусов, и на одном из них Юлька разглядела табличку «Санта-Круз». Если добраться хотя бы туда, уже будет шанс сбежать. Денег на автобус у нее хватит, паспорт лежит в кармане, а добравшись до какого-нибудь большого города, она сможет позвонить бабушке, и они вместе что-нибудь придумают. Или сразу бежать в полицию? Подумав, Юлька покачала головой: вряд ли она сможет там объясняться.

— Ну и до чего ты додумалась? — насмешливо спросил Алекс. — Грести на веслах до Ятаки?

Юлька вздрогнула: она совсем забыла, что фальшивый поклонник все еще смотрит на нее. Она поспешила прикрыла блеснувшие глаза и скривила утомленно-презрительную мину.

– Валил бы ты отсюда, а? – попросила она, и Алекс, ухмыльнувшись, вышел.

Юлька бочком подошла к окошку, за которым неслись вздувшиеся воды реки. Значит, неподалеку есть какое-то Ятаки – ниже по реке, если она правильно расшифровала машинальный, едва заметный кивок Алекса. Да, на веслах тут далеко не уйдешь, но река не всегда будет такая, рано или поздно вода спадет. Уже неплохо, решила Юлька и, на всякий случай, надев цепочку с броненосцем на шею, сердито завалилась спать.

Камири, в то же время

Сергей набрал номер и, ожидая ответа, взглянул на Макса. Тот ерзal, мял сигарету и отводил глаза. Сергей вдруг понял, что стариk не так уж равнодушен к своей внучке, хоть и ни разу не встречался с ней.

...Способность удивляться Сергей уже потерял. Труп в номере, допросы, неожиданное освобождение, казалось, все это случилось сто лет назад. Дневник, так совпадавший с тем, что Сергей видел в галлюцинациях, заслонил все. Поэтому, когда Сергей, выйдя прогуляться и перекусить, в первом же уличном кафе столкнулся нос к носу со знакомым шаманом, он принял это как должное.

Шаман, правда, ему не обрадовался.

– Сохранить статус-кво! – с горечью сказал он сидящему рядом тощему старику с висячими усами. – Пожалуйста, он уже здесь! Не удивлюсь, если он заяvился сюда с твоей внучкой! Хорошо ты запрятал предмет, поздравляю!

Старик вздыхал и отводил глаза.

– Я здесь без внучки, – сказал Сергей и решительно подсел за столик. – И я хочу знать, что происходит.

– А я тут причем? – буркнул шаман.

— Мне кажется, вы что-то должны в этом понять, — сказал Сергей и бросил на стол дневник учителя. Ильич без интереса пролистнул несколько страниц.

— Его убил Чиморте, — сказал он. — Ты это хотел знать? Теперь знаешь.

— Я много чего хочу знать, — сказал Сергей.

Макс задел рукой бутылку, подхватил ее, смущенно крякнул, стряхивая со штанов брызги пива. Сергей нажал на отбой.

— Телефон отключен, — сказал он. Макс шумно вздохнул.

— Это часто бывает? — напряженно спросил Ильич.

— Может, в метро едет... Хотя вряд ли, — Сергей посмотрел на часы, — в Москве раннее утро, а она раньше полудня глаза не продирает.

Макс гордо ухмыльнулся, как будто совиная жизнь Юльки была его личной заслугой. Ильич нервно забарабанил пальцами.

— Я могу позвонить на домашний, — предложил Сергей, и шаман кивнул.

Несколько длинных гудков, и трубке раздался сочный низкий голос.

— Доброе утро, Мария, — сказал Сергей. Макс вздрогнул, выпучил глаза и дернулся за ус. — Это Сергей, если помните. Я могу поговорить с Юлькой?

— Помню, конечно. Но Жюли уехала отдыхать с молодым человеком.

— О, — Сергей слегка опешил, но быстро пришел в себя. — А когда...

— Сказала, что на три недели, — ответила Мария, и Сергей нахмурился. Показалось ему, или Мария и правда выделила голосом слово «сказала»?

— И далеко она уехала?

— Далеко. В Боливию.

У Сергея отвисла челюсть, и Ильич тревожно пошевелился. Несколько мгновений художник размышлял, а потом решил идти напролом.

– Я тоже в Боливии, – ответил он. – Вот так совпадение! А где она, и что за молодой человек, может, я с ним знаком? Может, получится встретиться с ней, я был бы рад...

Пауза была очень длинной, и он успел подумать, что Юлькина бабушка сейчас повесит трубку.

– Сергей, я беспокоюсь за нее, – сказала, наконец, Мария.

Сергей слушал ее какое-то время, потом нажал отбой и внимательно посмотрел на садовника и шамана.

– Юлька здесь, в Боливии, – медленно сказал он. – С неким молодым человеком, которым очень интересовалася ее дедами.

Макс откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза, а Сергей продолжал:

– По странному совпадению, именно этот человек недавно купил у меня картину, которую я продавать не собирался. Купил за совершенно неадекватную сумму, которая и позволила мне приехать сюда.

Ильич хмуро пожал плечами и вопросительно взглянул на Морено.

– Так, – кивнул Макс. – Ну конечно. А ты, шаман, думал, мы одни такие умные.

– Не понимаю, – проговорил Сергей.

Макс сморщился и снова потянул себя за усы. Вздохнул, откинулся на спинку стула.

– Существует два ритуала пробуждения, – заговорил он, обращаясь почему-то к Ильичу. – Для обоих требуется человек и предмет. Запись одного хранится в монастырской библиотеке. Другой я прочел в записях Тани, которые должен был передать Че Геваре. Я не успел. Что было бы, приди я двумя часами раньше, вы, молодой человек, видели, когда моя внучка решила над вами подшутить.

– Только дорогу, – сказал Сергей, – до монастыря я так и не дошел.

– Не важно, – отмахнулся Макс. – Ритуал, который хранится в библиотеке, позволяет пробудить Чиморте. Это то, синьор Чакруна, чего я так боюсь, и о чем так мечтал Че Гевара: свобода для всех и каждого. Я был знаком с Эрнесто. Он был умный человек, но не понимал некоторых элементарных вещей. Он судил о других по себе. Приписывал им честность, справедливость, великодушие, способность к железной самодисциплине, – Макс вздохнул. – Даже Конго его ничему толком не научило. Он всегда говорил, что революция без стрельбы не делается, и в речах был вполне кровожаден, но на самом деле никогда не представлял масштабы жертв. Несколько десятков погибших в честном бою – вот и все, что было способно подсказать ему воображение. Он не хотел понимать, что стоит Чиморте проснуться, и всю Южную Америку зальет кровью. Я сам понял это довольно поздно, когда отряд был разгромлен. Но! Оказалось, что это не так уж важно.

– Не так уж важно? – хмыкнул Ильич.

– Да. Потому что Таня передала ему совсем другой ритуал, который позволял не пробудить Чиморте, а взять его под полный контроль. Вместо стихийного освобождения – власть, сосредоточенная в одних руках. Великий вождь держит в кулаке всю Южную Америку...

– Ну, – пожал плечами Сергей, – это его, наверное, тоже устроило.

– Ты не понимаешь, – сердито буркнул Макс, и Ильич медленно кивнул. – Времена великих вождей давно прошли. В наше веке один человек не может править целым материком, на такую силу всегда найдутся хозяева...

– Родригес, – сказал Ильич, и Макс кивнул.

– Ничего не понимаю, – проговорил Сергей.

– Феликс Родригес, агент ЦРУ. Руководил операцией по поимке Гевары, – объяснил шаман.

– И отрубил ему руки, – добавил Макс. – Тогда они считали, что для контроля над Чиморте достаточно отпечатков пальцев нужного человека. Теперь, видимо, знают больше, раз привезли сюда мою внучку и заманили тебя.

– Да я-то тут причем? – взревел Сергей.

Ильич откинулся на спинку стула и безрадостно рассмеялся.

– До сих пор последним человеком, способным справиться с Чиморте, был Че Гевара. Ты – следующий, неужели непонятно?

Сергей закурил и внимательно вглядился в лицо шамана. Тот был абсолютно серьезен, и надежда на розыгрыш исчезла.

– Съездил порисовать, – угрюмо пробормотал Сергей. – Ну, хорошо. Мы можем рассуждать логически? Во-первых...

– Вообще-то нет, – перебил его Ильич. – Не можем.

– Нет?!

Сергей опешил. Серьезный ответ на риторический, в общем-то, вопрос выбил его из колеи.

– Друг мой, речь идет об изнанке мироздания. Ты же с ней уже сталкивался. Какая здесь может быть логика?

Художник пожал плечами, отхлебнул пива.

– Моя внучка находится в руках ЦРУ, – сказал Макс. – А ты хочешь рассуждать логически.

– Так, – сказал Сергей и встал. – Я сейчас пойду прогуляюсь, кофе выпью... Посплю нормально. Если хотите, завтра встретимся и поговорим.

– Только не вздумай сбежать, – сказал шаман.

– Почему это? – ощетинился Сергей. – Вы вроде бы хотели, чтоб все осталось, как было?

– Хотели. Но так уже не будет.

— Я так вижу, судьба моей внучки тебя не волнует, — с деланной безмятежностью проговорил Макс, — но ты имей в виду: с людьми Родригеса станется воспользоваться твоими руками как ключом... Без твоего участия.

Ильич криво ухмыльнулся и рубанул себя ребром ладони по запястью, иллюстрируя слова старика. Сергей выматерился.

— Плохо по матушке говорить, голубчик, — старательно проговорил по-русски Макс, и Сергей, чувствуя, что у него сейчас окончательно съедет крыша, бросился прочь.

Автобус громыхал по извилистой дороге, увозя Сергея в Санта-Круз. Решение художник принял спонтанно: просто вошел в свой номер и, вместо того чтобы завалиться досыпать, покидал вещи в рюкзак и отправился на автовокзал. Он едва успел на рейс. Черт с ним, с монастырем! Макс и Ильич хотят сохранить статус-кво? Да пожалуйста! Если он единственный, кто может провернуть эту авантюру с Чиморте, ему достаточно просто уехать. И так уже ум за разум заходит, он едва не принял бредовую идею, что агенты ЦРУ будут гоняться за его руками...

В то, что Юльке грозит серьезная опасность, Сергей не верил. В конце концов, если он уедет, зачем им броненосец? Да и она девушка разумная, если поймет, что дело плохо, просто отдаст кулон. В здравомыслие Юльки, правда, верилось слабо, но Сергей кое-как сумел себя уговорить.

Он начал задремывать, когда до него вдруг донеслась серия взрывов. Автобус взывил и резко остановился. По инерции Сергей полетел вперед, стукнулся носом о спинку переднего кресла, с полок с грохотом посыпались сумки и мешки. Истерически завизжал придавленный поросенок.

Сергей вскочил и огляделся. Автобус стоял посреди дороги, и в окно было видно, как из двигателя валит черный дым. По

обе стороны тянулись горные склоны, поросшие джунглями. Пассажиры, ворча, подбирали свои вещи и двигались к выходу. В дверях они перегревались с водителем, но без особого энтузиазма. Сергей подхватил свой рюкзак.

– Сломался? – без надобности спросил он водителя. Тот апатично кивнул.

– Когда будет следующий?

– Завтра, – сказал водитель, повесил на плечо сумку и вышел следом за индейцами.

– Чудно, – пробормотал Сергей. Пассажиры уходили в сторону Камири. Последним брел, ругаясь и размахивая руками, шофер.

– Ладно, поедем автостопом, – сказал Сергей и уселся в жидкой тени на обочине.

Ждать пришлось недолго. Он услышал нарастающий гул мотора, и вскоре из-за поворота вылетел открытый джип, рыжий от ржавчины, с намалеванным на борту разноцветным патриотом. Сергей вскочил и изо всех сил замахал рукой.

За рулем сидел какой-то малолетний хиппи. Сергей сомневался в том, что он хороший водитель, но выбирать не приходилось.

– Подбросишь в сторону Санта-Круза? – спросил он.

– Конечно, – радостно ответил хиппи, – до самого города подвезу, мне туда же.

Сергей облегченно забрался в машину.

– Я Бу, – сказал хиппи, – а тебя я знаю: ты тот русский, который нашел в гостинице труп. Удираешь от полиции?

Сергей поперхнулся сигаретным дымом и закашлялся.

– Вообще-то меня отпустили, – сказал он. – Меня даже подозревать не в чем.

– Так их не волнует, – откликнулся Бу. – Главное, чтоб было на кого повесить труп. Хотели на меня, чтоб заткнуть мне рот,

но тут ты подвернулся. Они же не могут написать в протоколе, что учителя задрала эта монастырская зверюга, за такое всех в дурдом упекут. Вот и пришлось искать, на кого свалить... Ах, черт! – Бу резко ударил по тормозам, и Сергей второй раз за день приложился носом. – Вот я болван, осел...

Он резко вывернул руль. Джип с визгом развернулся на сто восемьдесят градусов и помчался обратно.

– Если я сейчас уеду, они точно решат, что это я сделал, – пробормотал Бу. – Как же я не подумал... Надо скорее вернуться, пока они не обнаружили!

– Слушай, может, я выйду? – осторожно спросил Сергей. – Мне все-таки в Санта-Круз надо...

Бу замотал головой.

– Ты здесь ничего не поймаешь, – сказал он, – это со мной тебе повезло. Сядешь завтра на автобус и нормально доедешь...

Сергей вошел в опостылевшую уже гостиницу. Сегодня здесь было тихо, то ли закончился перерыв между вахтами, то ли нефтяники просто разъехались кто куда. Сергей дернул колокольчик у стойки портье, огляделся и вздрогнул: из полутьмы бара на него надвигалась большая белесая тень.

– Я нашел вам такую хорошую лодку, обо всем договорился, а вы даже не заглянули ко мне, – укоризненно сказал Сирил Ли.

– Отличную вы нашли себе компанию. Старичок-маразматик и недошаман, развлекающий туристов сказками о Силе Джунглей. Представляю, что они вам наговорили!

Сергей сел и уставился на американца.

– Так уж и представляете? – спросил он. Сирил вздохнул.

– Они вам понравились, эти мистики с буйным воображением?

– Да.

– И вы готовы сейчас пойти на подвиги и наделать глупостей, чтобы им помочь...

– Слушайте, Ли, – раздраженно сказал Сергей. – Я не знаю, кто вы такой и чего хотите...

– Я хочу, чтобы вы поехали в Ятаки и рисовали там индейцев, – задушевно объяснил Ли. – А чуть позже добрались бы и до монастыря. Вы же за этим приехали? Вот и рисуйте. Наши желания совпадают.

– Вы мне не нравитесь, Сирил. А вот старикан Морено и Ильич... Да, вы угадали, они мне симпатичны.

– Они морочат вам голову.

– А вы нет? – развеселился Сергей. Он встал, прошелся по бару. Остановился над американцем, нависая над развалившимся в кресле тушей. – Юлька у вас? – по наитию спросил он.

– Синьорита Морено находится в туристическом лагере неподалеку от Ятаки, – чопорно ответил Ли. – С ней все в порядке. Девочка наслаждается жизнью и ничего не подозревает.

– И долго она будет наслаждаться?

– А вот это зависит от вас...

Сергей сердито дернул плечами.

– Вы поймите, – с напором заговорил Ли, – местные жители могут сколько угодно плести заговоры, возмущаться засильем американцев и мечтать от нас избавиться. Но наш контроль над Чиморте ничего не изменит для них. Просто все станет несколько аккуратнее.

– Я думаю, вы врете, – сказал Сергей. – Я думаю, вы ничем не отличаетесь от конкистадоров. Просто тем было нужно золото, а вы согласны брать нефтью и бананами какими-нибудь или кокаином.

– С кокаиновыми баронами мы боремся, – двусмысленно заметил Ли.

– Короче, я бы предпочел, чтобы эта зверюга и дальше спала.

– К сожалению, это невозможно. Извините, мистер, но если вы откажетесь с нами сотрудничать, вашей подруге придется плохо. Кроме того, разве шаман не сказал вам? Цепь событий уже началась, и ее не разорвать. Рано или поздно вы окажетесь рядом с башней, хотите вы того или нет. Даже если вы решите уехать... – он взглянул в лицо Сергея и просиял: – О, я вижу, вы уже пытались. Тогда вы понимаете, о чем я говорю. И я надеюсь, что вы примите правильное решение. Вы же цивилизованный человек! Вы понимаете, что это просто негуманно по отношению к миллионам людей?

– Да. Понимаю, – сказал Сергей.

Оставив рюкзак у стойки, он вышел из гостиницы, узким переулком спустился к реке и сел на выбеленных солнцем мостках. По непроницаемой желтой воде плыли радужные бензиновые кольца. Чуть выше по течению какой-то старик в котелке стоял по пояс в воде, выбирая сеть, и над ним кружила цапля. Зеленая колибри металась над кустом, обсыпанном мелкими красноватыми цветами. Бледное горячее небо нависало над Камири, как брюхо огромного животного.

Ла-Игера, октябрь, 1967 год

Короткая спичка прилипла к липким от пота пальцам сержанта Марио Терана, и он никак, никак не мог ее стряхнуть. Мысленно он повторял приказ: преступника необходимо казнить, по радио уже передали, что он погиб в бою, поэтому стрелять надо в туловище, ни в коем случае не в лицо.

– Вы уроженец здешних мест? – неожиданно спросил Родригес, и Марио Теран торопливо замотал головой.

– Моя семья из Санта-Круса, синьор, – сказал он. Упоминать о многочисленной родне, живущей между Камири и Лагунилья-сом, почему-то не хотелось.

Агент ЦРУ довольно кивнул.

– Да, еще, – едва слышно добавил он. – Если заденете кисти рук, я расстреляю вас лично.

Родригес вышел, и Марио остался наедине с команданте. Как ни тихо были сказаны последние слова, Че Гевара, похоже, услышал их – он посмотрел вслед с презрительной усмешкой, и лишь потом перевел взгляд на Марио.

– Я рад, что так получилось, – неожиданно сказал Че. – Я сдался, поддался отчаянию и свернул с прямого пути. Знаешь когда?

Марио помотал головой.

– Конечно, не знаешь, – сказал Че и прикрыл глаза.

...Старшая дочь старухи, пасшей коз, была карлица, младшая – психически больная, да и сама старуха, наверное, была слаба разумом. Иначе не стала бы говорить с чужаками о том, что младшая дочь посвящена Святому Чиморте и скоро отправится в монастырь; не жаловалась бы, что из-за действий партизан все пути перекрыты, что по округе бродят солдаты и спокойная жизнь кончилась, одна лишь надежда осталась – на заступничество зверя из болот да доброго кузена Онорато, тот, хоть и седьмая вода на киселе, а пропасть не дает, навещает. Инти пересказал Че смутное старушечье бормотание. Партизаны заплатили ей за молчание. Они все еще пытались найти поддержку у крестьян, но уже не надеялись, что кто-то может не выдать их – из сочувствия или хотя бы за деньги. Надо было уходить.

В тот день Че Гевара решил, что пора использовать запасной план и пробиваться на юго-восток. Сложись все немного иначе – и он сумел бы выйти из окружения, он дошел бы до монастыря. Он едва не совершил чудовищную ошибку, но понял это лишь тогда, когда, раненый всю ночь лежал на полу в школьном зале рядом с телами друзей. Он бредил, и Зверь Чиморте приходил к нему, и его безумный жадный взгляд рассказал ему все. Теперь оставалось лишь спокойно встретить смерть.

...Спичка наконец-то выпала из пальцев Марио, и едва слышный стук, с которым она упала на пол, казалось, привел Че в себя.

– Я был не прав, – проговорил он. – Но все закончилось лучше, чем могло бы. А у них ничего не выйдет.

Сержант подумал, что, если переживет этот день, никому не расскажет ни слова правды о последних словах комandanте. Он снял с плеча карабин. Руки дрожали. Глаза у Че Гевары были цвета трясины.

– Стреляй, не бойся, – сказал Че.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

КАРИНА ШАИНЯН

Карина Шайнян родилась 14 сентября 1976 года в городе Грозном. Биография автора укладывается в треугольник, подминающий под себя практически всю страну – вся жизнь Карины прошла между городами Грозный, Оха (Сахалин) и Москва. Представительница славной династии: родители – геологи, дед – геолог, бабушка – инженер-нефтяник, папина сестра и мамин брат – геологи. Положение, как говорится, обязывает, поэтому геологом пыталась стать неоднократно, три года подряд поступая в Губкинскую академию нефти и газа, на геофак МГУ и еще раз геофак МГУ. В итоге закончила психфак МГУ) Работала школьным психологом, но сбежала после того, как одна девочка начала ловить агентов Скаллы и Малдера у нее в кабинете. В данный момент учится на сценарном факультете ВГИКа.

Помимо учебы играла на скрипке, рисовала, отработала сезон с геологической партией на полуострове Шмидта (самый север Сахалина), - по ее словам, «на должностях «за козленка», она же «мальчик за все». Была вокалисткой панк-рок группы, немного поработала в журналистике. С детства увлекается лошадьми, каждое лето проводит на Алтае - водит инструктором туристов в конные походы. Профессионально занимается изготовлением дизайнерских украшений. Еще одна страсть – поездки в экзотические страны. Путешествовала по Эквадору, Индонезии и Малайзии, поднималась на Килиманджаро, основательно изучила нетуристические места Камбоджи и Таиланда.

Писать начала в 2001 году, активно публикуется с 2002 года. Считается одним из самых перспективных авторов нового поколения российских фантастов. В 2010 году вышел дебютный роман Карины Шайнян «Долгий путь на Бимини». Карина – лауреат премий им. В.Савченко «Открытие себя», «Мраморный фавн», «Золотой Кадуцей», «Бронзовый РосКон» и «Золотой РосКон».

АВТОР О СЕБЕ

По опроснику Марселя Пруста

1. Какие добродетели вы цените больше всего?

Я готова ценить любые, лишь бы они были не слишком добродетельны.

2. Качества, которые вы больше всего цените в мужчине?

Способность вовремя появиться.

3. Качества, которые вы больше всего цените в женщине?

Способность вовремя появиться. И исчезнуть.

4. Ваше любимое занятие?

Никто ведь правду не скажет. Я тоже не скажу.

5. Ваша главная черта?

Длинная, извилистая, рыжего цвета, прозрачность 50%.

6. Ваша идея о счастье?

Да их полно! Например: прекрасная я на коне любой масти бодро передвигаюсь по прекрасному пейзажу в прекрасной компании друзей и возлюбленных. И чтоб никакого снега и стертых об седло частей тела.

Ну и куча всего в таком духе. Я обеспечиваю прекрасную себя, остальные – все остальное.

7. Ваша идея о несчастье?

О, таких идей тоже масса, но я сама воплощаю их слишком хорошо, чтобы еще и делиться.

8. Ваш любимый цвет и цветок?

Раффлезия. Она так чудесно пахнет! И большая. Цвет? Хорошо, пусть будет большая оранжевая раффлезия.

9. Если не собой, то кем вам хотелось бы быть?

Я бы хотела быть кенгуру. Я бы прыгала по пустыне на фоне красных скал, прекрасная и свободная, и махала хвостиком туристам, а они бы удивлялись.

Пингвином вот тоже хорошо, только холодно.

10. Где вам хотелось бы жить?

Где-нибудь, где тепло и расслабленно.

11. Ваши любимые писатели?

Майн Рид и Килгор Траут.

12. Ваши любимые поэты?

Они все умерли.

13. Ваши любимые художники и композиторы?

Один из них нарисовал быка из Альтамиры, другой – придумал блюз. Имена обоих неизвестны, а жаль.

14. К каким порокам вы чувствуете наибольшее снисхождение?

К своим. А что, бывают другие варианты?

15. Каковы ваши любимые литературные персонажи?

Урфин Джус. Идеальный мужчина: сдержанный, умный, в меру агрессивный, и руки откуда надо растут.

16. Ваши любимые герои в реальной жизни?

Зеленые человечки. Они рассказывают мне столько забавного!

17. Ваши любимые героини в реальной жизни?

Мата Хари. Дивная женщина. Запудрить столько мозгов – и все вприпляску.

18. Ваши любимые литературные женские персонажи?

Белая Королева. Образец веры и рациональности.

19. Ваше любимое блюдо, напиток?

Кенгуру на вертеле. Я склонна к самоедству.

20. Ваши любимые имена?

Чингачгук Большой Змей очень нравится. И Аэлита, но она обязательно должна быть Сидорова.

21. К чему вы испытываете отвращение?

К скрипу пенопласта.

22. Какие исторические личности вызывают вашу наибольшую антипатию?

Ньютон. Взял и открыл всемирное тяготение. И теперь его никак не закроют.

23. Ваше состояние духа в настоящий момент?

Серьезное, возвышенное и благочестивое.

24. Ваше любимое изречение?

Я подумаю об этом завтра.
Подумала. Маньяна.

25. Ваше любимое слово?

Экзистенциальный. Один раз выговорил – и всю оставшуюся жизнь можешь считаться умным человеком.

26. Ваше нелюбимое слово?

Экзистенциальный. Я его не выговариваю.

27. Если бы дьявол предложил вам бессмертие, вы бы согласились?

Я где-то в интернете читала, что это сплошное надувательство и вообще так не бывает. Очень расстроилась.

28. Что вы скажете, когда после смерти встретитесь с Богом?

Упс...

АВТОР О «ЧЕ ГЕВАРА»

1. Почему Че Гевара? Про него написано множество книг, сняты десятки фильмов, написаны сотни монографий. Изображение легендарного революционера украшает миллионы футболок. Что можно сказать нового о фактически, поп-идоле?

Потому что он мне нравится! В Че Геваре как мифологической фигуре есть драйв, огонь. В самом деле? Че Гевара давно превратился в культового героя, этим и интересен. Думаю, о нем будут писать снова и снова, как пишут уже веками о Промете или Будде. С другой стороны, он еще сохранил двойственность, свойственную живому человеку, но в преувеличенном, гипертроированном виде. Мало кому удается прослыть одновременно святым, бандитом-террористом и кумиром бунтующих подростков. Увидеть и показать одновременно героя мифа и реального, крайне неоднозначного, человека, кажется мне очень интересной задачей.

2. Монастырь в Ятаки – это одна из Черных башен, упоминающихся в других книгах серии?

Да. Монастырь выстроен вокруг Башни конкистадорами, Черная Башня – его тайная сердцевина. Как и почему так получилось, можно догадаться из легенды, записанной Таней-Тамарой. Подлинная история монастыря будет рассказана в следующих книгах.

3. Феликс Родригес, сотрудник ЦРУ, охотящийся за героями — кто он? Это выдуманный персонаж или историческая личность?

Феликс Родригес – реальный человек, он действительно руководил охотой на Че Гевару в Боливии. Кубинец по происхождению, он эмигрировал в США после революции. В 1961 году участвовал в вооруженном десанте кубинских эмигрантов в Залив Свиней на Кубе; целью было свергнуть коммунистический режим Кастро. Так что, по большому счету, это было не первое столкновение Родригеса с Че Геварой, но если в первый раз Родригес проиграл, то второй оказался для него удачным. Феликс Родригес - последний, кто разговаривал с командантами. Достоверно известно, что допрос длился три часа. Позже в интервью Родригес утверждал, что это была уважительная беседа о коммунизме. Но было бы странно верить тому, что сотрудник ЦРУ рассказывает журналистам, правда?

4. Макс Морено, он же Максим Моренков — будет ли его история рассказана полностью? Каким образом потомок русского эмигранта превратился в боливийца?

Причины превращения Максима Моренкова в натурального боливийца - его сложные отношения с генералом Беляевым и отцом, и случайно, не по праву доставшаяся ему фигурка броненосца. О том, как это произошло, можно будет узнать из следующих книг. Макс – один из моих любимых героев, так что его история будет рассказана полностью и подробно.

5. Что делал в Конго Макс Морено? Как он познакомился с Че Геварой?

После встречи с мегатерием и смерти генерала Беляева Макс Морено (в тот момент еще Максим Моренков, сын русского эмигранта) окончательно погрузился в пучины криптозоологии. В Конго его привели слухи о сохранившихся в глубине страны тиранозаврах. Слухи нелепые, из крайне ненадежных источников, но воображение тогда еще молодого и полного сил Макса в очередной раз оказалось сильнее здравого смысла (эта особенность полностью передалась его внучке). Гражданскую войну, идущую в тот момент в Конго, он из беспечности и зоологического азарта попытался проигнорировать, вляпался во множество мелких и крупных неприятностей с повстанцами, наемниками во главе с майором Хоаром и местными колдунами и, в конце концов, был взят в плен людьми Че Гевары.

6. Сильное впечатление производит история Дитера, немецкого учителя, приехавшего в Боливию после трагической гибели своей ученицы. Считаете ли вы Дитера виновным в смерти девочки?

Дитер – сам жертва и одновременно орудие рока, человек, который оказался в плохое время в плохом месте. Смерть девочки – трагическая случайность, в которой никого нельзя обвинить. Но, как это ни печально и несправедливо, для судьбы совершенно не важно, виновен Дитер или нет. Важно, что Таня считает его виновным. Я с ней не согласна, но кто меня спрашивает?

7. В книге героиня Юлька зарабатывает на жизнь тем, что мастерит различные украшения. Это выглядит очень достоверно. Вы проводили исследования?

Если можно считать, что лабораторная мышь проводит исследования, то да. Я сама довольно долго была Юльке коллегой: делала украшения и с переменным успехом пытаясь их продавать, так что хэндмейкерскую кухню знаю изнутри, со всеми ее радостями и сложностями, с чудесными причудливыми заказами под конкретных людей, экспериментами и монотонной работой на поток.

Но хулиганских надписей на талисманах я, к сожалению, не оставляла: формат не позволял вписать что-нибудь незаметно. А иногда так хотелось! Вот и пришлось Юльке делать это за меня.

8. В книге ощущается дыхание боливийских болот. Вообще, все описание быта и жизни тех мест наводит на мысль, что Вы знаете то, о чем пишете, не понаслышке. Вы когда-нибудь бывали в Южной Америке?

Южную Америку я люблю с детства, преданно и необъяснимо. К сожалению, до Боливии я еще не добралась, но однажды мне посчастливилось провести четыре месяца в Эквадоре. Это не было туристической поездкой: я гостила у друга, который в тот момент был системным администратором в государственной конторе, занятой массовой заменой паспортов. Работа требовала постоянных командировок в самые разные города и деревни, ну а я ездила с ним за компанию. Так мне удалось побывать и в Андах, на высоте четырех километров, и в самой глубине сельвы. Оставалось только внимательно смотреть по сторонам и запоминать.

9. Существуют ли реальные прототипы у героев книги? Пишете ли вы вообще с реальных людей?

Да, пишу, реальные люди зачастую, хоть и не всегда, интереснее выдуманных. В «Че Гевара» реальный прототип есть только у Сергея, правда, он совершенно не умеет рисовать. Остальные герои мозаичны. Характер Юльки, например, оптимистическая комбинация из нескольких моих подруг, да и мои собственные черты в ней наверняка есть, а внешность для нее я стянула у девушки, с которой параллельно училась на психфаке.

10. В Вашей книге достаточно жесткое отношение к героине, ей ничего не дается просто так, а если она что-то получает в подарок — это подарок, несомненно, будет с подвохом. Почему так? Чем Юлька Вам так насолила?

Вообще-то, я Юльку нежно люблю и частенько ей подыгрываю. Но у этой девушки просто талант находить приключения на свою голову – так что как бы я ни старалась, она все равно постоянно влезает в неприятности. С таким характером невозможно наслаждаться тишиной, покоем и дарами судьбы, ей обязательно надо потыкать палочкой в муравейник и посмотреть, что выйдет. А выходят, естественно, муравьи, и чаще всего кусающиеся. Зато ей никогда не бывает скучно.

11. Святой Чиморте, он же мегатерий, откуда такой интерес к гигантским ленивцам?

Дело в том, что мегатерий – гигантский ленивец, центральный символ крупного религиозного культа. Латиноамериканская лень общеизвестна, но не все знают, что у нее есть глубокая духовная подоплека: тайный кровавый культ мегатерия. Мегатерий жил в Латинской Америке в плейстоцене. Но не факт, что он вымер, и не факт, что был травоядным. То есть ел, может, только траву, но вот когтями вполне мог себе добить парочку завалящих жертв, особенно если поклонники помогут. Есть данные, что

мегатериев приручали и держали рядом с пещерами как постоянный источник мяса. Но одно другому не мешает, поедание божественного тела – ритуал, существующий практически в любой религии, взять хотя бы христианство. Отсюда и интерес.

12. Почему именно художник Сергей Тихонов стал избранным, способным пробудить и покорить Чиморте?

Я еще не придумал... Тыфу, то есть, это было бы спойлером %)

13. В вашей книге и в реальности Командате Че был захвачен в плен и убит. А чтобы случилось, если бы Эрнесто все-таки добрался до монастыря?

Ничего хорошего из этого бы не вышло. В лучшем случае контроль над пробужденным богом захватили бы сотрудники ЦРУ, и вся Южная Америка очень быстро превратилась бы в колонию Соединенных Штатов. В худшем же варианте, на который и рассчитывал Че Гевара, пробуждение мегатерия вызвало бы резкий всплеск того, что Лев Гумилев называл «пассионарностью». Это привело бы к ряду кровавых революций и гражданских войн, охвативших весь континент, и неизвестно, чем бы кончилось. Возможно, возникло бы новое мощное государство – какие-нибудь Соединенные Коммунистические Штаты Южной Америки или Союз Советских Южноамериканских Республик. Но цена в любом случае была бы слишком высока.

14. В серии «Армагеддон» говорится, что Аттика — правнучка Фатин из Абиссинии. Юлька, героиня «Че Гевара», тоже упоминает среди своих предков некую Фатин. Это одна и та же Фатин или разные?

Да, это одна и та же Фатин. Историю ее встречи с Николаем Гумилевым можно прочесть в «Революции». Фатин прожила долгую и относительно благополучную жизнь и стала бабушкой трех внуков: Марии, Габриэля и Текле. Старшей, Марии, она передала обезьянку, дающую владельцу секулярную притягательность. Младший, Текле, эмигрировал в США и уже в преклонном возрасте стал отцом Аттики. Так что Юлька, хоть и ровесница модели, приходится ей племянницей.

15. Что будет во второй части «Че Гевара»?

Во второй книге Сергею придется выбирать, с кем он будет действовать в противостоянии боливийцев и ЦРУ, а Юльке – выбираться из переплета, в который она попала, конечно, не без помощи художника. Используя предмет и шамансскую практику, они проникнут в тайну монастыря, и это знание сделает проблему выбора еще более сложной. Будет рассказана история приключений Макса Морено в Конго, тесно связанная с действиями Че Гевары и восстанием Симба. Кроме того, на сцену выйдут герои, которые пока только упоминались: Горбатая Мириам и профессор Цветков.

Содержание

ПРОЛОГ	3
ГЛАВА 1 ПОСЫЛКА ИЗ БОЛИВИИ	6
ГЛАВА 2 ЧЕЛОВЕК-КАТАЛИЗАТОР	24
ГЛАВА 3 НОВАЯ СУДЬБА	38
ГЛАВА 4 ИДЕАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ	53
ГЛАВА 5 СЛЕД МЕГАТЕРИЯ	70
ГЛАВА 6 ТРИКСТЕР	86
ГЛАВА 7 ВЗГЛЯД ЧИМОРТЕ	99

ГЛАВА 8 В ПОИСКАХ ИЗБАВЛЕНИЯ	109
ГЛАВА 9 КУРЬЕР ИЗ ЧАКО	130
ГЛАВА 10 ЛИАНА МЕРТВЫХ	141
ГЛАВА 11 ПЕСНЯ ДЛЯ ДУХОВ ОХОТЫ	161
ГЛАВА 12 СБОРЫ	177
ГЛАВА 13 МОНАСТЫРСКАЯ БИБЛИОТЕКА	192
ГЛАВА 14 ДНЕВНИК УЧИТЕЛЯ	203
ГЛАВА 15 РАСКРЫТИЕ КАРТЫ	223

Дракон²

Имя
Отчество
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Константин
Петрович
Чижиков
210 год до н.э.
32 года
Санкт-Петербург, Моховая, дом 18
Санъян, Китай
Дракон
Всеведение
www.ethnogenез.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Армагеддон²

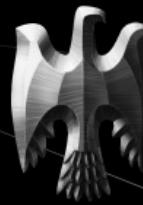

Имя	Ростислав
Отчество	Кириллович
Фамилия	Шибанов
Время действия	2014 год н.э.
Возраст	24 года
Адрес	Солт-Лейк-Сити, штат Юта
Локация	Закрытая Территория
Предмет	Скорпион
Дар	Удача
Сайт	www.ethnogenез.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

РАССЕКРЕЧЕННЫЕ
МАТЕРИАЛЫ

Блокада³

Имя
Отчество
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Екатерина
Владимировна
Серебрякова
1942 год н.э.
19 лет
г. Винница
Украина
Отсутствует
Исцеление
www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

Сомнамбула³

Имя
Фамилия
Время действия
Возраст
Адрес
Локация
Предмет
Дар
Сайт

Матвей
Гумилев
2469 год н.э.
23 года
Штаб-квартира корпорации «Кольцо»
Орбита Сатурна
Лев
Отвага
www.etnogenез.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (My-My), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберецы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т. (4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Карина Шаинян

ЧЕ ГЕВАРА

Книга первая

Боливийский дедушка

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Редактор Вадим Нестеров

Корректор Евгения Попова

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 18.04.11 г. Формат 164x215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов – 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32